

Psychology. Journal of the Higher School of Economics

ПСИХОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ

Межкультурные отношения
на постсоветском
пространстве

The Goal Setting
in Psychotherapy

Структура
эмоциональных состояний

Субъективное благополучие
в школе

Том 16, №2

2019

ISSN 1813-8918 (Print)
ISSN 2541-9226 (Online)

Том 16. № 2
2019

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Квинс, Канада)

Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)

Я. Вальсинер (Ольборгский университет, Дания)

Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)

Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.А. Лефевр (Калифорнийский университет, США)

М. Ливи (Рочестерский университет, США)

Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)

А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)

М.В. Фаликман (НИУ ВШЭ)

А.В. Хархурин (Американский университет Шарджи, ОАЭ)

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Н.А. Алмаев (ИП РАН)

В.А. Барабанищikov (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)

А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)

А.В. Картов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

П. Лурчисано (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)

А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)

В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)

Е.А. Сергиенко (ИП РАН)

Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брицева*

Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*,

Д. Вонсбро. Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский язык *К.А. Чистопольская*,

Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска:

*Межкультурные отношения на постсоветском пространстве:
кросс-культурная парадигма*

- Н.М. Лебедева.** Вступительное слово213
- А.Н. Татарко.** Интеграционная политика общества и отношение к мигрантам принимающего населения: исследование в 17 европейских странах216
- Д.У. Берри, В.Н. Галяпина, Н.М. Лебедева, З.Х. Лепشوкова, Т.А. Рябиченко.** Межкультурные отношения в Грузии и Таджикистане: постконфликтная модель (на английском языке)232
- Е.А. Коджа, Н.М. Лебедева, В.Н. Галяпина, З.Х. Лепشوкова, Т.А. Рябиченко.** Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез250
- М.В. Ефремова, З.Х. Лепشوкова.** Религиозная идентификация и установки на экономическую вовлеченность у христиан и мусульман в России (на английском языке)269
- Л. Бомбиери, В.Н. Галяпина, Е.В. Бушина.** Эффективность влияния учителей на изменение отношения учащихся к мигрантам: исследование в Италии и России (на английском языке)285

Статьи

- О.В. Алмазова, Д.А. Бухаленкова, А.Н. Веракса.** Диагностика уровня развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте302
- В.А. Гершкович, Н.В. Морощкина, А.К. Кулиева, А.Д. Наследов.** Адаптация опросника Е.Т. Хиггинса по диагностике фокуса регуляции на русскоязычной выборке318
- Д.В. Люсин.** Трехмерная модель структуры эмоциональных состояний, основанная на русскоязычных данных341
- Н.В. Кисельникова (Волкова), В.Ф. Спиридонов, Е.В. Лаврова, Е.А. Куминская, С.В. Маркова, М.М. Данина.** Разработка методики исследования целеполагания в психотерапии (на английском языке)357

Короткие сообщения

- Т.Н. Канонир.** Субъективное благополучие в школе и отношения с одноклассниками у учащихся начальной школы с разным уровнем учебных достижений378
- Е.В. Улыбина, Н.В. Бакланова.** Отношение к неопределенности и согласие со взглядами родителей как предикторы изменения отношения к религии391

Vol. 16. No 2
2019

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia

Maria Falikman, HSE, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation,
and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation

Anatolij Kharkhurin, American University of Sharjah, UAE

Vladimir Lefebvre (University of California, USA)

Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian
Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation

Evgeny Osin, HSE, Russian Federation

Alexander Poddiaikov, HSE, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian
Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation

Jaen Valsiner, Aalborg University, Denmark

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian
Federation

Editorial council

Ksenia Abul Khanova-Slavskaja, HSE and Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS
and Moscow University of Psychology and Education,
Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE, Russian Federation

Alexander Chemoriso, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University,
Russian Federation

Alfried Lôngle, HSE, Russian Federation

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian
Federation

Igor Semenov, HSE, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen
University, Germany

Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya,*

N.S. Sambu, D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskiy pereulok, build. 2, 101000, Moscow,
Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2019 r.

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Intercultural Relations on the Post-Soviet Space: Cross-Cultural Paradigm

N.M. Lebedeva. Editorial (<i>in Russian</i>)	213
A.N. Tatarko. Integration Policy of Society and Attitudes of the Host Population towards Migrants: A Study in 17 European Countries (<i>in Russian</i>)	216
J.W. Berry, V.N. Galyapina, N.M. Lebedeva, Z.Kh. Lepshokova, T.A. Ryabichenko. Intercultural Relations in Georgia and Tajikistan: A Post-Conflict Model	232
E.A. Kodja, N.M. Lebedeva, V.N. Galyapina, Z.Kh. Lepshokova, T.A. Ryabichenko. Intercultural Relations in Russian Crimea: Empirical Testing of Three Hypotheses (<i>in Russian</i>)	250
M.V. Efremova, Z.Kh. Lepshokova. Religious Identification and Attitude toward Economic Involvement among Christians and Muslims in Russia	269
L. Bombieri, V.N. Galyapina, E.V. Bushina. Teachers' Effectiveness at Changing Pupils' Attitudes towards Migrants: A Field Study in Italy and Russia	285

Articles

O.V. Almazova, D.A. Bukhalenkova, A.N. Veraksa. Assessment of the Level of Development of Executive Functions in the Senior Preschool Age (<i>in Russian</i>)	302
V.A. Gershkovich, N.V. Moroshkina, A.K. Kulieva, A.D. Nasledov. Measure of Chronic Regulatory Focus: Adaptation of T. Higgins Regulatory Focus Questionnaire in Russia (<i>in Russian</i>)	318
D. Lyusin. A Three-Dimensional Model of the Affect Structure Based on the Russian Data (<i>in Russian</i>)	341
N.V. Kiselnikova (Volkova), V.F. Spiridonov, E.V. Lavrova, E.A. Kuminskaya, S.V. Markova, M.M. Danina. The Development of a Method for Studying Goal Setting in Psychotherapy	357

Work in Progress

T. Kanonire. Subjective Well-Being of Primary School Students with Different Achievement Levels (<i>in Russian</i>)	378
E.V. Ulybina, N.V. Baklanova. Attitude to Ambiguity and Agreement with Parents' Beliefs as Predictors of Attitude Shift to Religion (<i>in Russian</i>)	391

*Специальная тема выпуска:
Межкультурные отношения
на постсоветском пространстве:
кросс-культурная парадигма*

Приглашенный редактор — Н.М. Лебедева

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В данном выпуске собраны статьи сотрудников Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ и их зарубежных коллег, основанные на результатах исследований последних лет. Первые три исследования выполнены в рамках продолжающегося проекта РНФ «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (проект № 15-18-00029).

Статья А.Н. Татарко «Интеграционная политика общества и отношение к мигрантам принимающего населения: исследование в 17 европейских странах» представляет результаты анализа связей восьми показателей интеграционной политики в отношении мигрантов (MIREX) за 2014 г. с тремя переменными, характеризующими отношение представителей этнического большинства к мигрантам и миграции в целом (допустимость миграции, польза миграции, институциональная поддержка миграции) в 17 европейских странах по данным (всего более 30 000 респондентов) за 2016 г. Такой дизайн позволил разнести во времени причину (иммиграционную политику) и возможное следствие (отношение к мигрантам). Для обработки использовалось многоуровневое моделирование структурными уравнениями в программе MPLUS. Результаты исследования показали неоднозначность связи как всего индекса MIREX, так и его составляющих с различными представлениями принимающего населения о мигрантах и миграции. В работе обсуждается, какие из аспектов интеграционной политики (на примере европейских стран) в отношении мигрантов имеют позитивные, а какие — негативные связи с отношением принимающего населения к мигрантам.

В статье Д.У. Берри, В.Н. Галяпиной, Н.М. Лебедевой, З.Х. Лепشوковой и Т.А. Рябиченко «Intercultural Relations in Georgia and Tajikistan: A Post-Conflict Model» представлены результаты исследований межкультурных

отношений в постсоветских Грузии и Таджикистане. Для обеих стран характерно резкое снижение культурного разнообразия в результате войн и конфликтов, в связи с чем модель межкультурного взаимодействия в данных странах определяется как постконфликтная. Цель исследования состояла в проверке трех гипотез межкультурных отношений: мультикультурализма, контакта и интеграции среди русского меньшинства и этнического большинства Грузии и Таджикистана. В Грузии в исследовании приняли участие 298 грузин и 312 русских, в Таджикистане — 317 таджиков и 277 русских (всего 1204 респондента). Методологию исследования составили шкалы из опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies). Проверка гипотез исследования проводилась с помощью моделирования структурными уравнениями (SEM). Результаты показали, что гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично во всех выборках; гипотеза контакта подтвердилась частично у таджиков и русских в Грузии и не подтвердилась у грузин и русских в Таджикистане. Гипотеза интеграции полностью подтвердилась у таджиков и русских в Грузии, частично подтвердилась у русских в Таджикистане и не подтвердилась у грузин. Полученные результаты исследований обсуждаются в статье с учетом социокультурного контекста и возможного влияния конфликтов на межкультурные отношения.

Следующая статья Е.А. Коджи, Н.М. Лебедевой, В.Н. Галяпиной, З.Х. Лепшковой и Т.А. Рябиченко «Межкультурные отношения в российском Крыму: эмпирическая проверка трех гипотез» представляет свежие результаты исследования 2018 г. в Республике Крым. Участниками исследования стали 195 русских, 196 крымских татар и 196 украинцев. Для проверки гипотез использовался путевой анализ. Дополнительно были проведены 25 интервью с представителями трех этнических групп для более глубокого анализа результатов количественного исследования. Результаты исследования показали, что гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично: у русских и украинцев воспринимаемая безопасность значимо позитивно связана с поддержкой мультикультурной идеологии и предпочтением интеграции, у крымских татар — только с поддержкой мультикультурной идеологии; взаимосвязи безопасности и толерантности в трех выборках не обнаружено. Гипотеза контакта также подтвердилась частично: у русских межкультурные дружеские контакты значимо позитивно связаны с их установками на толерантность, у украинцев — с предпочтением стратегии интеграции, у татар — с установками на толерантность, и с предпочтением стратегии интеграции. Гипотеза интеграции подтвердилась полностью: предпочтение интеграции позитивно взаимосвязано с удовлетворенностью жизнью и самоуважением. Однако предпочтение сепарации также имеет значимую позитивную взаимосвязь с самоуважением у крымских татар и с удовлетворенностью жизнью у представителей всех трех групп. Полученные результаты рассматриваются через призму социокультурного и исторического контекста межэтнических отношений в Крыму.

Две последующие статьи представляют результаты исследований, проведенных в рамках проектов лаборатории. В статье «Religious Identification and

Attitude toward Economic Involvement among Christians and Muslims in Russia» М.В. Ефремова и З.Х. Лепшюкова представляют результаты исследования взаимосвязи религиозной идентификации с установками на экономическое поведение в группе православных христиан и мусульман (суннитов) России (N = 820). Результаты исследования показали, что выраженность и позитивность религиозной идентификации по-разному связаны с вовлеченностью в экономическую деятельность. Выраженность религиозной идентификации отрицательно связана с экономической вовлеченностью, тогда как позитивность религиозной идентификации позитивно связана с экономической вовлеченностью. В результате мультигруппового моделирования структурными уравнениями выяснилось, что связь между позитивностью религиозной идентификации и экономической вовлеченностью имеет межконфессиональные различия: позитивность религиозной идентификации положительно связана с экономической вовлеченностью в группе православных христиан, в группе мусульман данная связь оказалась незначимой. Полученные результаты обсуждаются с точки зрения особенностей религиозной идентификации представителей христианства и ислама.

Статья Л. Бомбиери, В.Н. Галяпиной и Е.В. Бушиной «Teachers' Effectiveness at Changing Pupils' Attitudes towards Migrants: a Field-Study in Italy and Russia» посвящена исследованию влияния различных стилей инструкций учителей (просоциальных и поведенческих) на установки и убеждения младших подростков по отношению к сверстникам-мигрантам. Исследование проводилось в Италии (N = 93) и в России (N = 134) среди учащихся последнего года обучения в начальной школе (средний возраст — 11 лет). Мнения детей оценивались как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Результаты подтверждают, что просоциальные инструкции усиливают положительные оценки на индивидуальном уровне, одновременно способствуя росту благоприятных и снижению негативных характеристик в восприятии как интроверты, так и аутисты. Авторы обсуждают эти результаты применительно к оценке влияния учителей на моделирование социальных установок и навыков учащихся.

Мы надеемся, что результаты данных исследований будут интересны специалистам в области социальной, экономической и кросс-культурной психологии.

Н.М. Лебедева

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОБЩЕСТВА И ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ В 17 ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

А.Н. ТАТАРКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Современный мир характеризуется активными миграционными процессами, и различные страны реагируют на эту реальность по-разному. Одни страны более открыты к мигрантам, другие – менее. В социальных науках изучались различные эффекты интеграционной миграционной политики, прежде всего для мигрантов. Связь интеграционной миграционной политики с установками этнического большинства изучена меньше. Есть данные, показывающие, что мультикультурная политика общества и политика, направленная на интеграцию мигрантов, связана с позитивными установками по отношению к мигрантам и снижением воспринимаемой угрозы. С другой стороны, есть данные, указывающие на то, что открытая иммиграционная политика общества может встречать сопротивление со стороны представителей принимающего населения. Опираясь на данные европейских стран, мы рассмотрели связь восьми показателей иммиграционной политики, составляющих индекс интеграционной политики в отношении мигрантов (MIPEX), с тремя переменными, характеризующими отношение к мигрантам и миграции в целом (допустимость миграции, польза миграции, институциональная поддержка миграции). В исследовании нами использовались данные индекса интеграционной миграционной политики (MIPEX) за 2014 г., а также показатели отношения к мигрантам в 17 европейских странах по данным Европейского социального исследования (ESS) (всего более 30 000 респондентов) за 2016 г. Такой дизайн позволил нам разнести во времени причину (иммиграционную политику) и возможное следствие (отношение к мигрантам). Из данных ESS мы выбирали только результаты ответов представителей этнического большинства. Для обработки использовалось многоуровневое моделирование структурными уравнениями в программе MPLUS. Результаты исследования показали неоднозначность связи всего индекса MIPEX, так и его составляющих с различными представлениями принимающего населения о мигрантах и миграции. В работе обсуждается, какие из аспектов интеграционной политики (на примере европейских данных) в отношении мигрантов имеют позитивные, а какие – негативные связи с отношением принимающего населения к мигрантам.

Ключевые слова: мультикультурализм, MIPEX, мигранты, отношение к мигрантам.

Введение

Большинство европейских стран в той или иной мере сталкиваются с интенсивной иммиграцией. В последние годы в связи с рядом военных и политических событий (например, политический кризис на Украине, война в Сирии) интенсивность миграции в европейские страны выросла, что привело к миграционному кризису в Европе (Bodziany, 2017). При этом различные страны в разной мере открыты для миграции и интеграции мигрантов в общество. В этой связи представляется важным изучение различных эффектов интеграционной миграционной политики. Интеграционная политика в отношении иммигрантов чаще всего определяется как институциональная практика, принятая государственными учреждениями для решения проблемы расселения и адаптации иммигрантов в принимающих обществах (Bourhis et al., 1997).

Интеграционная миграционная политика является отражением мультикультурной политики общества. Такие составляющие политики мультикультурализма, как мультикультурное образование, специальные программы по предоставлению различных льгот мигрантам и т.п., имеют для них позитивные с психологической точки зрения эффекты, в частности способствуют снижению воспринимаемой дискриминации и улучшают адаптацию (Koortmans et al., 2012; Wright, Bloemraad, 2012). Также результаты исследований показывают, что политика мультикультурализма, культивируемая в обществе, позитивно влияет на межэтнические отношения в обществе в целом (Ely, Thomas, 2001; Plaut et al., 2009; Richeson, Nussbaum, 2004; Ryan et al., 2007; Todd, Galinsky, 2012; Wolsko et al., 2000, 2006). Это немаловажно, поскольку общество, разрываемое внутренними межгрупповыми конфликтами, не может гармонично развиваться и эффективно конкурировать с другими странами в современных реалиях.

Однако нельзя сказать, что в повседневной жизни общества позитивные эффекты мультикультурализма хорошо ощутимы для представителей принимающего населения. В результате мультикультурные практики порой встречают сопротивление со стороны представителей этнического большинства в некоторых сферах общественной жизни, например на рабочих местах (Thomas, Plaut, 2008). Пожалуй, основной причиной сопротивления мультикультурализму со стороны большинства является рост воспринимаемой угрозы (Verkuyten, 2009), который сопряжен с увеличением численности инокультурных мигрантов. Этническое большинство воспринимает рост численности представителей меньшинств и мигрантов как угрозу безопасности, статусу, ценностям своей группы, а также ее экономическим и политическим интересам (Kaiser, Pratt-Hyatt, 2009; Yogeewaran et al., 2012; Ginges, Cairns, 2000; Stephan, Renfro, 2002).

Таким образом, в целом данные исследований показывают, что политика мультикультурализма позитивно влияет на жизнь мигрантов и этнических меньшинств. Что же касается этнического большинства, то данные относительно того, как связана мультикультурная политика с отношением этнического

большинства к мигрантам, противоречивы. С одной стороны, мультикультурная политика или интеграционная политика общества в отношении мигрантов может способствовать позитивному отношению к мигрантам и налаживанию позитивных межэтнических отношений в обществе, но, с другой стороны, может встречать сопротивление со стороны этнического большинства или принимающего населения из-за растущей воспринимаемой угрозы в связи с притоком мигрантов.

Интеграционная политика в отношении мигрантов может быть расположена на условном континууме от «ограничительной» до «разрешительной» (Bourhis et al., 1997; Geddes, 2003). Специальный Индекс интеграционной политики в отношении мигрантов (MIPEX) был разработан Британским Советом и Группой миграционной политики. Он был создан для измерения и сопоставления иммиграционных политик в разных странах. MIPEX включает оценку интеграционной политики государства в отношении мигрантов в следующих восьми сферах: 1) мобильность рынка труда, 2) воссоединение семей иностранных граждан, 3) образование, 4) политическая вовлеченность, 5) институт вида на жительство, 6) доступ к гражданству, 7) антидискриминационные меры и 8) здравоохранение.

Исследования, проведенные с использованием индекса MIPEX, показали, что интеграционная миграционная политика имеет ряд позитивных эффектов для мигрантов и иммигрантов (Favell, 2001; Jacobs, Herman, 2009). Также литературные данные указывают на то, что более открытая иммиграционная политика способствует снижению воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов у представителей принимающего населения (Schlueter et al., 2013). Следовательно, если отношение этнического большинства к мигрантам улучшается, это способствует лучшей адаптации мигрантов. Интеграционная миграционная политика в области образования способствует более успешной общей социальной инклюзии детей иммигрантов и более успешному построению ими отношений с одноклассниками и учителями (Ibid.).

В целом систематический обзор существующих исследований (Bilgili et al., 2015), выполненных при помощи MIPEX, показывает, что как инклюзивная миграционная политика в целом, так и ее отдельные составляющие действительно способствуют лучшей адаптации мигрантов.

Однако исследований того, какие эффекты открытая иммиграционная политика несет для представителей этнического большинства, недостаточно. Есть данные, указывающие на то, что в целом инклюзивная иммиграционная политика может снижать воспринимаемую угрозу у представителей принимающего населения (Schlueter et al., 2013). Но связь отдельных восьми составляющих иммиграционной политики с различными аспектами отношения к мигрантам и миграции не изучалась. Проведенное нами исследование восполняет данный пробел.

Итак, цель настоящего исследования — оценить связь как интеграционной политики общества в целом, так и отдельных ее составляющих с отношением к мигрантам у представителей этнического большинства. Мы пытаемся понять: если общество открыто к мигрантам и предпринимает усилия по их

интеграции, как в конечном счете это сказывается на отношении к мигрантам принимающего населения? Становится ли отношение более позитивным, открытым, или наступает защитная реакция и отношение становится более закрытым? Или миграционная политика обществ никак не сказывается на отношении принимающего населения к мигрантам? Ответам на эти вопросы посвящено проведенное исследование.

Методика

Выборка

Для проверки наших предположений мы использовали данные последней, восьмой волны Европейского социального исследования (ESS) за 2016–2017 гг., а также данные MIPEX за 2014 г. Для анализа мы отобрали 17 стран, данные которых одновременно присутствовали в обеих базах. Далее мы удалили из базы представителей этнических меньшинств, оставив только представителей большинства, поскольку наши предположения касаются именно представителей этнического большинства. Кодировка респондентов в ESS позволяет разделить выборку на тех, кто идентифицирует себя в качестве этнических меньшинств или мигрантов и в качестве этнического большинства. Финальная версия выборки включала 30101 респондента из 17 стран (эти страны представлены в таблице 1). Поскольку данные в ESS всегда репрезентативны, мы для экономии места не приводим детальные характеристики по каждой выборке в каждой стране.

Заметим, что данные за 2014 г. по MIPEX — это самые последние доступные данные этого индекса на момент написания статьи, включающие Россию. Мы использовали ESS не 7-й волны (2014), а 8-й волны (2016) для того, чтобы разнести во времени предполагаемый предиктор — иммиграционную политику, которая исходит сверху, и предполагаемые зависимые переменные — социальное и институциональное доверие людей в обществе, которые могут меняться вследствие различных изменений, происходящих в обществе под влиянием политики, поскольку для изменений в установках и представлениях людей требуется время. Разумеется, мы не можем говорить о причинно-следственной связи, в данном случае мы говорим только о сопряженности.

Переменные

Независимые переменные

Мы оценивали интеграционную политику обществ в отношении мигрантов на страновом уровне, соответственно, наши независимые переменные были представлены данными MIPEX за 2014 г. В исследовании мы использовали в качестве предиктора как весь индекс полностью, так и восемь его составляющих в отдельности. Использование отдельных составляющих индекса в качестве предикторов установок по отношению к мигрантам позволяет

точнее увидеть и понять, какие из компонентов иммиграционной политики наиболее заметно связаны с установками принимающего населения, а также какова направленность данной связи. Как общий индекс, так и его составляющие варьируют в соответствии со 100-балльной шкалой, где 0 — отсутствие рассматриваемой практики, 100 — максимальное значение применения данной практики. Соответственно, чем ближе общий индекс к 100 баллам, тем более благоприятной является интеграционная политика в отношении мигрантов в конкретной стране.

Зависимые переменные

Зависимые переменные в нашем исследовании были представлены латентными факторами, а не композитными оценками. Это было сделано для того, чтобы избежать нивелирования дисперсии зависимых переменных, к чему привело бы вычисление композитных оценок (или средних по шкалам) на таких больших массивах данных.

С психологической точки зрения зависимые переменные характеризуют представления респондентов о последствиях миграции и отношении к ней. В нашем исследовании близкие по смыслу группы представлений, оцениваемые в ESS, были объединены в соответствующие латентные факторы, получившие общее название.

1. *Допустимость миграции* для страны в целом, с точки зрения респондента, оценивалась при помощи следующих трех вопросов: (1) «Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения (*название страны*), переезжать жить в нашу страну?», (2) «А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения (*название страны*)?», (3) «А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?». Для ответов на данные вопросы респондентам предлагалась 4-балльная шкала: 1 — Следует позволить многим таким людям переезжать жить в (*название страны*); 2 — Следует позволить некоторым таким людям переезжать жить в (*название страны*); 3 — Следует позволить переезжать лишь немногим из них; 4 — Никому не разрешать. Ответы респондентов перекодировались, чтобы нарастание согласия с утверждением шло в сторону позитивного полюса шкалы. Мы оценивали данные представления в логике согласия, а не в логике несогласия.

2. *Польза миграции* для страны, с точки зрения респондента, оценивалась при помощи следующих трех вопросов: (1) «Как вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в (*название страны*), в целом плохо или хорошо сказывается на экономике (*название страны*)?», (2) «Как вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру (*название страны*)?», (3) «С притоком людей из других стран (*название страны*) как место для жизни становится лучше или хуже?». В данном случае для ответа предлагалась 10-балльная шкала, где 0 — максимальная степень несогласия с утверждением, а 10 — максимальная степень согласия.

3. *Институциональная поддержка миграции*, которая должна быть в стране: (1) «Правительство должно без особых придиорок предоставлять людям статус беженцев», (2) «Людам, которые получили статус беженца, должно быть разрешено перевезти также близких членов своей семьи», (3) «Должны ли иммигранты требовать тех же прав и социальных гарантий, что и местное население?». Для ответов на данные вопросы респондентам предлагалась 5-балльная шкала от 1 — Полностью согласен до 5 — Совершенно не согласен. Ответы респондентов перекодировались, чтобы нарастание согласия с утверждением шло в сторону позитивного полюса шкалы. Мы оценивали данные представления в логике согласия.

Контрольные переменные

Переменные индивидуального уровня

1. Пол: 1 — мужчины; 2 — женщины.
2. Возраст: респонденты при ответе называли год рождения, соответственно подсчитывался полный возраст на момент проведения опроса.
3. Доход: в ESS в каждой стране респондентов спрашивают об их доходе, но, поскольку уровень жизни и валюты отличаются, в каждой стране, доходу респондента присваивают определенный дециль (т.е. приводят к единой 10-балльной шкале). Соответственно, доходы людей разных стран можно сравнивать и использовать для контроля и других вычислений.

Переменные макроуровня

1. Уровень безработицы по странам Европы за 2016 г. Использовались данные сайта «Trading Economics» (<https://tradingeconomics.com/country-list/unemployment-rate>).
- 2) ВВП европейских стран за 2016 г. Использовались данные Международного валютного фонда (<http://www.imf.org/>).

Обработка данных

Для обработки эмпирических данных использовалась процедура многоуровневого моделирования структурными уравнениями (Hoyle, 2012; Стооп, van Veldhoven, 2007). Данная процедура позволяет провести не только конфирматорный факторный анализ (Jöreskog, 1993) и моделирование при помощи структурных уравнений, но и оценить влияние макропоказателей на микропоказатели, т.е. влияние одних переменных на другие при условии того, что эти переменные находятся на разных уровнях анализа. В нашем случае макропеременная (независимая) была представлена индексом MIREX или его составляющими, а также в качестве макропеременных включались контрольные переменные. Микропеременные (зависимые) были представлены тремя показателями отношения респондентов к внешней миграции (допустимость миграции, польза миграции, институциональная поддержка миграции). Для осуществления процедуры моделирования использовалась программа MPLUS (Geiser, 2012).

Результаты

В таблице 1 представлены значения индекса интеграционной политики в отношении мигрантов, а также его компоненты по семнадцати странам, данные которых использовались в нашем исследовании. Как уже отмечалось, это данные за 2014 г. и все индексы (и сам MIPEX, и его составляющие) варьируют в соответствии со 100-балльной шкалой.

Данные интеграционной политики, приведенные в таблице 1, использовались нами при проведении многоуровневого моделирования структурными уравнениями с целью анализа связи интеграционной политики общества с отношением к мигрантам принимающего населения спустя два года. Для этого мы построили девять моделей — для общего Индекса интеграционной

Таблица 1

Индекс интеграции мигрантов и его компоненты по рассматриваемым в исследовании странам

Страна	MIPEX*	LMM	FamilyR	Educ	PolotP	PermR	AccTNat	ANTI_D	HEAL
Швеция	78	98	78	77	71	79	73	85	62
Финляндия	69	80	68	60	79	70	63	77	53
Норвегия	69	90	63	65	82	70	52	59	67
Бельгия	67	64	72	61	57	86	69	78	53
Германия	61	86	57	47	63	60	72	58	43
Нидерланды	60	73	56	50	52	55	66	73	55
Великобритания	57	56	33	57	51	51	60	85	64
Франция	54	54	51	36	53	48	61	77	50
Ирландия	52	38	40	30	73	49	59	66	58
Австрия	50	64	50	47	38	57	26	57	63
Швейцария	49	59	48	42	58	51	31	31	70
Эстония	46	73	67	58	21	71	18	32	27
Чешская Республика	45	52	57	38	21	51	49	48	44
Исландия	45	51	59	23	67	62	53	5	40
Словения	44	38	80	26	23	61	41	67	18
Польша	41	38	65	20	6	66	56	52	26
Россия	28	40	42	18	9	33	40	20	18

Примечание. MIPEX — Интеграционная политика в отношении мигрантов; LMM — мобильность рынка труда; FamilyR — воссоединение семей иностранных граждан; Educ — образование; PolotP — политическая вовлеченность; PermR — институт вида на жительство; AccTNat — доступ к гражданству; ANTI_D — антидискриминационные меры; HEAL — здравоохранение.

политики обществ в отношении мигрантов и для каждого из восьми компонентов, составляющих этот индекс, что позволило оценить связь каждого из компонентов индекса с разными аспектами отношения к мигрантам. В каждой модели было по три зависимых переменных (латентные факторы, характеризующие отношение к мигрантам), три контрольные переменные микроуровня (пол, возраст, уровень дохода) и две контрольные переменные для макроуровня — ВВП и уровень безработицы в стране.

В таблице 2 приводятся структура нагрузки латентных переменных, а также связи между ними для макроуровня и микроуровня. Характеристики моделей, в которых были задействованы эти латентные переменные, приводятся в таблице 4. Опираясь на таблицу 2, можно сказать, что все переменные входят в соответствующие факторы со статистически значимой нагрузкой на обоих уровнях анализа.

В таблице 3 представлены связи зависимых переменных с контрольными переменными на микро- и макроуровне анализа.

Из таблицы 3 следует, что статистически значимое, но слабое влияние на зависимые переменные оказывают контрольные переменные микроуровня. Женщины более терпимы к мигрантам, чем мужчины, и оценивают допустимость миграции, пользу миграции и необходимость институциональной поддержки миграции выше, чем мужчины. Люди старшего возраста более негативно оценивают допустимость миграции, но признают ее пользу. Уровень дохода европейцев связан с допустимостью миграции, оценкой ее пользы и институциональной поддержки позитивно, т.е. более состоятельные люди более лояльны к мигрантам. На макроуровне контрольные переменные не показали статистически значимой связи с зависимыми переменными исследования, однако хотелось бы обратить внимание на их связь с одной из переменных — «допустимость миграции». Связи в данном случае не достигают уровня статистической значимости, но мы можем видеть общую тенденцию: а) уровень ВВП в стране позитивно связан с представлениями ее граждан о допустимости, приемлемости внешней миграции (0.147); б) уровень безработицы в стране отрицательно связан с представлениями граждан о допустимости миграции (-0.222). Обе связи достаточно логичны.

В таблице 4 приводятся результаты многоуровневого моделирования связи интеграционной политики и отношения к мигрантам принимающего населения. Данные таблицы 4 приведены с учетом контрольных переменных, указанных в таблице 3. Нам не удалось построить одну из моделей вследствие того, что показатели пригодности были слабыми. Это модель связей последнего компонента МІРЕХ «Доступ мигрантов к здравоохранению» с тремя переменными, характеризующими отношение к мигрантам. По остальным семи составляющим МІРЕХ и самому МІРЕХ модели имеют удовлетворительные индексы пригодности.

Данные, приведенные в таблице 4, указывают на то, что как весь МІРЕХ, так и отдельные его составляющие связаны с некоторыми из представлений, характеризующих отношение доминирующего населения к мигрантам. Поэтому наше общее предположение о том, что открытая миграционная политика

Таблица 2

**Структура, нагрузки и интеркорреляции зависимых переменных
(все коэффициенты стандартизованы)**

Факторы и переменные	Микроуровень	Макроуровень
(F1) Допустимость миграции		
«Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения (<i>название страны</i>), переезжать жить в нашу страну?»	0.773***	0.902***
«А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения (<i>название страны</i>)?»	0.898***	0.975***
«А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?»	0.768***	0.995***
(F2) Польза миграции		
«Как вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в (<i>название страны</i>), в целом плохо или хорошо сказывается на экономике (<i>название страны</i>)?»	0.545***	0.841***
«Как вы считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру (<i>название страны</i>)?»	0.589***	0.929***
«С притоком людей из других стран (<i>название страны</i>) как место для жизни становится лучше или хуже?»	0.542***	10.00***
(F3) Институциональная поддержка миграции		
«Правительство должно без особых придинок предоставлять людям статус беженцев»	0.626***	0.811***
«Людям, которые получили статус беженца, должно быть разрешено перевезти также близких членов своей семьи»	0.627***	0.851***
«Должны ли иммигранты требовать тех же прав и социальных гарантий, что и местное население?»	0.406***	0.900***
Интеркорреляции между факторами:		
F1 и F2	0.342***	0.071
F1 и F3	0.554***	0.991***
F2 и F3	0.452***	0.307

*** $p < 0.001$.

общества в конечном итоге будет связана с отношением принимающего населения к мигрантам, оказалось верным. Особенности обнаруженных связей будут рассмотрены в следующем разделе данной статьи.

Таблица 3

Регрессионные коэффициенты (стандартизированные) связи контрольных переменных с показателями отношения к мигрантам (17 обществ)

Переменные	Допустимость миграции	Польза миграции	Институциональная поддержка миграции
Микроуровень:			
Пол	0.034***	0.048***	0.088***
Возраст	-0.033***	0.032***	-0.007
Уровень дохода	0.013*	0.057***	0.030***
Макроуровень:			
ВВП	0.147	0.034	0.059
Уровень безработицы	-0.222	0.014	-0.003

** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Обсуждение результатов

Результаты исследования, проведенного с опорой на данные 17 европейских стран, показывают, что одни аспекты интеграционной политики в отношении мигрантов сопряжены с позитивными представлениями о миграции, но другие — с настороженным отношением к мигрантам. В целом чем более выражена интеграционная политика общества, тем более позитивно люди оценивают допустимость миграции, однако эта связь оказалась статистически не значимой. Эти данные согласуются с существующими исследованиями, которые показали, что инклюзивная иммиграционная политика связана с позитивным отношением к иммигрантам со стороны представителей принимающего населения (Jacobs, Nerman, 2009), а также такая политика снижает уровень воспринимаемой угрозы со стороны принимающего населения в отношении мигрантов (Schlueter et al., 2013)

Более значимой оказалась отрицательная связь МПРЕХ с оценкой людьми пользы миграции, т.е. чем больше в общество прибывает мигрантов, тем сильнее коренное население этого общества начинает сомневаться, что приток мигрантов обогащает культуру их общества, позитивно сказывается на экономике, а их страна как место для жизни становится лучше. Эти результаты могут быть объяснены с привлечением теории интегральной угрозы (Stephan, Renfro, 2002) и теории межгрупповой тревожности (Stephan, 2014). Благоприятная иммиграционная политика приводит к увеличению числа мигрантов в обществе, что может вызывать у принимающего населения тревогу и чувство угрозы. В результате люди не будут позитивно оценивать пользу от миграции. При этом нет значимых отрицательных связей с двумя другими группами представлений о миграции и мигрантах: «допустимость миграции» и «институциональная поддержка миграции». Нельзя сказать, что благоприятная

Таблица 4

Результаты многоуровневого регрессионного анализа связи интеграционной политики в отношении мигрантов и отношения к мигрантам принимающего населения (17 стран, 30101 респондент)

Предикторы	Зависимые переменные	β	R ²	Индексы пригодности модели
1. МИРЕХ – Интеграц. политика в отношении мигрантов (общий индекс)	ДМ	0.20	0.06	$\chi^2 = 1302.5$; $df = 106$; CFI = 0.983; TLI = 0.976; RMSEA = 0.019
	ПМ	-0.49*	0.22	
	ИПМ	-0.11	0.02	
2. Мобильность рынка труда	ДМ	0.02	0.02	$\chi^2 = 1296.7$; $df = 106$; CFI = 0.983; TLI = 0.976; RMSEA = 0.019
	ПМ	-0.50**	0.25	
	ИПМ	-0.34	0.12	
3. Воссоединение семей иностранных граждан	ДМ	0.35	0.09	$\chi^2 = 1290.7$; $df = 106$; CFI = 0.983; TLI = 0.976; RMSEA = 0.019
	ПМ	0.09	0.007	
	ИПМ	0.04	0.003	
4. Доступ мигрантов к образованию	ДМ	-0.10	0.03	$\chi^2 = 1290.9$; $df = 106$; CFI = 0.983; TLI = 0.976; RMSEA = 0.019
	ПМ	-0.63***	0.37	
	ИПМ	-0.47*	0.21	
5. Политическая вовлеченность мигрантов	ДМ	0.46*	0.22	$\chi^2 = 1306.09$; $df = 106$; CFI = 0.983; TLI = 0.976; RMSEA = 0.019
	ПМ	-0.49*	0.23	
	ИПМ	0.36	0.13	
6. Институт вида на жительство	ДМ	0.25	0.06	$\chi^2 = 1291.04$; $df = 106$; CFI = 0.983; TLI = 0.976; RMSEA = 0.019
	ПМ	-0.12	0.01	
	ИПМ	-0.09	0.01	
7. Доступ к гражданству	ДМ	0.41*	0.18	$\chi^2 = 1318.2$; $df = 106$; CFI = 0.983; TLI = 0.976; RMSEA = 0.019
	ПМ	0.05	0.03	
	ИПМ	0.09	0.02	
8. Антидискриминационные меры	ДМ	0.10	0.03	$\chi^2 = 1319.7$; $df = 106$; CFI = 0.983; TLI = 0.976; RMSEA = 0.019
	ПМ	-0.31	0.07	
	ИПМ	-0.19	0.03	

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Примечание. Обозначения зависимых переменных: ДМ – Допустимость миграции, ПМ – Польза миграции, ИПМ – Институциональная поддержка миграции.

и открытая иммиграционная политика делает людей более нетерпимыми к мигрантам. В целом представления о допустимости миграции и важности институциональной поддержки мигрантов не меняются.

Если проследить связи компонентов МІРЕХ с тремя рассматриваемыми в исследовании блоками представлений о мигрантах, то можно увидеть, что многие из его компонентов связаны именно с представлениями о пользе миграции. Точнее, мы можем видеть отрицательные связи представлений о пользе миграции с такими компонентами МІРЕХ, как: «мобильность рынка труда», «доступ мигрантов к образованию», «политическая вовлеченность мигрантов». Когда коренное население видит, что мигранты имеют широкие возможности на рынке труда, доступ к образованию в стране и возможность оказывать влияние на политические процессы в стране, то межгрупповая тревожность, связанная с включенностью мигрантов в жизнь общества, возрастает и принимающее население начинает сомневаться в пользе миграции для страны. Вероятно, по той же причине доступность образования для мигрантов статистически значимо отрицательно связана с представлениями о том, что должна быть институциональная поддержка мигрантов. Аналогичная отрицательная связь есть у компонента «мобильность рынка труда», но она не дотягивает до уровня значимости.

Наряду с отрицательными связями, некоторые из компонентов МІРЕХ демонстрируют и позитивные связи с отношением к мигрантам. В частности, доступ к гражданству позитивно связан с представлениями о допустимости миграции. В данном случае логичнее было бы предположить, что в обществах, где население считает, что миграция допустима, возможности доступа к гражданству будут также выше. Чтобы подтвердить такое предположение, представления людей должны быть измерены не через два года после оценки интеграционной политики общества, а до ее введения. Однако мы можем предположить, что просто в тех обществах, где мигранты имеют легкий доступ к гражданству и допустимость миграции оценивается населением выше, такая корреляция существует сама по себе, даже если мы не разнесем во времени эти две переменные как причину и следствие.

Интересной является позитивная связь политической вовлеченности мигрантов и допустимости миграции, что противоречит отрицательной связи этого аспекта миграционной политики с представлениями о пользе миграции. Прежде всего, нужно обратить внимание на то, что эти две зависимые переменные не связаны на макроуровне (таблица 2), поэтому в этих двух связях нет противоречия. Видимо, если представители коренного населения видят, что мигранты участвуют так же, как и они сами, в политической жизни общества, они в большей мере начинают воспринимать мигрантов как равноправных граждан общества и, соответственно, допустимость миграции становится для них более приемлемой.

Некоторые из составляющих индекса интеграционной политики в отношении мигрантов не связаны статистически значимо с отношением к мигрантам в европейских странах, включая Россию. В частности, это такие компоненты, как «воссоединение семей иностранных граждан», «институт вида на жительство» и «антидискриминационные меры».

Таким образом, если обобщить полученные результаты ряда стран Европы, включая Россию, мы можем сказать, что благоприятная миграционная политика

связана (при контроле пола, возраста, дохода, ВВП и уровня безработицы) с отношением к мигрантам следующим образом. В целом на уровне тенденции люди в странах с интеграционной политикой в отношении мигрантов рассматривают миграцию как вполне допустимое и приемлемое явление. Но еще раз подчеркнем — эта связь с общим индексом присутствует на уровне тенденции, на которую ее «вытягивают» такие компоненты МІРЕХ, как «доступ к гражданству» и «политическая вовлеченность мигрантов». Более сильной и значимой является отрицательная связь МІРЕХ, а также большинства его компонентов с представлениями жителей европейских стран о пользе миграции. С представлениями необходимости институциональной поддержки мигрантов МІРЕХ и его составляющие практически не связаны.

Чем эти результаты могут оказаться полезными для России? Конечно, контекст и история имеют большое значение для формирования отношения к мигрантам. Но если от них абстрагироваться, то можно сказать, что политика, направленная на интеграцию мигрантов, обязательно должна сопровождаться дополнительными мерами по работе с принимающим населением, которые позволили бы снизить воспринимаемую угрозу (Stephan, Renfro, 2002) и межгрупповую тревожность (Stephan, Stephan, 1985; Stephan, 2014). Это позволит минимизировать вероятность напряженности в отношениях мигрантов и принимающего населения, а также снизить вероятность появления тех же проблем межкультурного взаимодействия, вследствие которых некоторые из европейских лидеров высказывались критически о результатах политики мультикультурализма в Европе (Коорманс, 2013).

Заключение

На примере 17 европейских стран мы выявили связи индекса интеграционной политики обществ в отношении мигрантов, а также его отдельных составляющих с различными аспектами представлений о мигрантах и миграции в этих обществах.

Основным ограничением нашего исследования служит то, что нам сложно однозначно говорить о том, что отношение к мигрантам является следствием политики обществ, а не наоборот. В целом, конечно, было бы логично предположить, что социальные представления людей, существующие в обществе, в конечном итоге воплощаются в официальную миграционную политику обществ. Однако, как уже не раз говорилось, дизайн нашего исследования был построен таким образом, что представления оценивались на два года позже оценки миграционной политики, т.е. они, скорее всего, не могли быть ее причиной. Следующий аргумент состоит в том, что связь большинства различных аспектов миграционной политики с представлениями о мигрантах в основном носит отрицательный характер. Было бы нелогично сказать, что настороженное отношение к мигрантам лежит в основе открытой иммиграционной политики. Скорее наоборот, открытая миграционная политика способна вызвать настороженное отношение к мигрантам со стороны принимающего населения.

Полученные результаты имеют важное прикладное значение и могут быть полезны для планирования Россией ее собственной интеграционной политики в отношении мигрантов, поскольку Россия находится на одном из ведущих мест в мире по интенсивности внешней миграции.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Татарко Александр Николаевич — профессор, факультет социальных наук, департамент психологии; главный научный сотрудник, Экспертный институт, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук. Сфера интересов: социальный капитал, социально-психологический капитал личности, межэтнические отношения, ценности, аккультурация. Контакты: tatarko@yandex.ru

Integration Policy of Society and Attitudes of the Host Population towards Migrants: A Study in 17 European Countries

A.N. Tatarko^a

^a *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

Migration processes in today's world are developing rapidly, and different countries respond to this reality in different ways. Some are more open to migrants and their integration, while others are less welcoming. Various effects of integration migration policy, primarily for migrants, were studied in the social sciences. The connection of integration migration policy with the attitudes of ethnic majority towards migrants has been studied less. There is evidence that multicultural policy of society is related to positive attitudes towards migrants and a reduction in perceived threat. On the other hand, there is evidence that the open immigration policy of the society may be resisted by the some representatives of the host population. Based on data from European countries, we examined the relationship between the 8 indicators of immigration policy that make up the integration policy index (MIPEX) and the three variables that characterize attitudes towards migrants and migration (the permissibility of migration, the benefits of migration, institutional support for migration). In the study we used data from the integration migration policy index (MIPEX) for 2014, as well as indicators of attitudes towards migrants in 17 European countries according to the European social survey ESS (more than 30,000 respondents) for 2016. This design allowed us to divide the cause (immigration policy) and the possible consequence (attitudes to migrants). From the ESS data, we have chosen only the answers of the representatives of the ethnic majority. Multilevel structural equation modeling with MPLUS software

was used for data processing. The results of the study showed the ambiguity of the relationship of the MIPEX index and its components with different attitudes of the host population towards migrants and migration. The paper discusses which aspects of integration policy (on the example of European data) have a positive and which have negative relations with the attitudes of the host population towards migrants.

Keywords: multiculturalism, MIPEX, the migrant, attitudes towards migrants.

References

- Bilgili, Ö., Huddleston, T., & Joki, A.-L. (2015). *The dynamics between integration policies and outcomes: A synthesis of the literature*. Barcelona, Spain: Centre for International Affairs.
- Bodziany, M. (2017). “Glass walls” – considerations about european multiculturalism. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 8(3), 20–30. doi:10.17759/sps.2017080303 (in Russian)
- Bourhis, R.Y., Moïse, L.C., Perreault, S. & Senécal, S. (1997). Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. *International Journal of Psychology*, 32, 369–386. doi:10.1080/002075997400629
- Croon, M. A., & van Veldhoven, M. J. P. M. (2007). Predicting group-level outcome variables from variables measured at the individual level: A latent variable multilevel model. *Psychological Methods*, 12, 45–57. doi:10.1037/1082-989X.12.1.45
- Ely, R. J., & Thomas, D. A. (2001). Cultural diversity at work: The effects of diversity perspectives on work group processes and outcomes. *Administrative Science Quarterly*, 46(2), 229–273. doi:10.2307/2667087
- Favell, A. (2001). Integration policy and integration research in Europe: a review and critique. In T. A. Aleinikoff and D. B. Klusmeyer (Eds.), *Citizenship today: global perspectives and practices* (pp. 349–400). Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Geddes, A. (2003). *The politics of migration and immigration in Europe*. London: Sage. doi:10.4135/9781446280492
- Geiser, C. (2012). *Data analysis with Mplus*. New York: Guilford Press.
- Ginges, J., & Cairns, D. (2000). Social representations of multiculturalism: A faceted analysis. *Journal of Applied Social Psychology*, 30(7), 1345–1370. doi:10.1111/j.1559-1816.2000.tb02524.x
- Hoyle, R. H. (Ed.). (2012). *Handbook of structural equation modeling*. New York: Guilford Press.
- Jacobs, D., & Herman, B. (2009). The nexus between immigrant integration policy and public opinion in the European Union. In J. Niessen & T. Huddleston (Eds.), *Legal frameworks for the integration of third-country nationals* (pp. 113–140). Leiden: Martinus Nijhoff Publishers.
- Jöreskog, K. G. (1993). Testing structural equation models. In K. A. Bollen & J. S. Long (Eds.), *Testing structural equation models* (pp. 294–316). Newbury, CA: Sage.
- Kaiser, C. R., & Pratt-Hyatt, J. S. (2009). Distributing prejudice unequally: Do Whites direct their prejudice toward strongly identified minorities? *Journal of Personality and Social Psychology*, 96(2), 432–445. doi:10.1037/a0012877
- Koopmans, R. (2013). Multiculturalism and immigration: A contested field in cross-national comparison. *Annual Review of Sociology*, 39, 147–169. doi:10.1146/annurev-soc-071312-145630

- Koopmans, R., Michalowski, I., & Waibel, S. (2012). Citizenship rights for immigrants: National political processes and cross-national convergence in Western Europe, 1980–2008. *American Journal of Sociology, 117*(4), 1202–1245. doi:10.1086/662707
- Plaut, V. C., Thomas, K. M., & Goren, M. J. (2009). Is multiculturalism or colorblindness better for minorities? *Psychological Science, 20*, 444–446. doi:10.1111/j.1467-9280.2009.02318.x.
- Richeson, J. A., & Nussbaum, R. J. (2004). The impact of multiculturalism versus color-blindness on racial bias. *Journal of Experimental Social Psychology, 40*(3), 417–423. doi:10.1016/j.jesp.2003.09.002
- Ryan, C. S., Hunt, J. S., Weible, J. A., Peterson, C. R., & Casas, J. F. (2007). Multicultural and color-blind ideology, stereotypes, and ethnocentrism among Black and White Americans. *Group Processes and Intergroup Relations, 10*(4), 617–637. doi:10.1177/1368430207084105
- Schlueter, E., Meuleman, B., & Davidov, E. (2013). Immigrant integration policies and perceived group threat: A multilevel study of 27 Western and Eastern European countries. *Social Science Research, 42*(3), 670–682. doi:10.1016/j.ssresearch.2012.12.001
- Stephan, W. G. (2014). Intergroup anxiety theory, research, and practice. *Personality and Social Psychology Review, 18*(3), 239–255. doi:10.1177/1088868314530518
- Stephan, W. G., & Renfro, L. C. (2002). The role of threats in intergroup relations. In D. Mackie & E. Smith (Eds.), *From prejudice to intergroup emotions* (pp. 191–208). New York: Psychology Press.
- Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (1985). Intergroup anxiety. *Journal of Social Issues, 41*, 157–175. doi:10.1111/j.1540-4560.1985.tb01134.x
- Thomas, K. M., & Plaut, V. C. (2008). The many faces of diversity resistance in the workplace. In K. M. Thomas (Ed.), *Series in applied psychology. Diversity resistance in organizations* (pp. 1–22). New York: Taylor & Francis Group/Lawrence Erlbaum Associates.
- Todd, A. R., & Galinsky, A. D. (2012). The reciprocal link between multiculturalism and perspective-taking: How ideological and self-regulatory approaches to managing diversity reinforce each other. *Journal of Experimental Social Psychology, 48*(6), 1394–1398. doi:10.1016/j.jesp.2012.07.007
- Wolsko, C., Park, B., & Judd, C. M. (2006). Considering the tower of Babel: Correlates of assimilation and multiculturalism among ethnic minority and majority groups in the United States. *Social Justice Research, 19*(3), 277–306. doi:10.1007/s11211-006-0014-8
- Wolsko, C., Park, B., Judd, C. M., & Wittenbrink, B. (2000). Framing interethnic ideology: effects of multicultural and color-blind perspectives on judgments of groups and individuals. *Journal of Personality and Social Psychology, 78*(4), 635–654. doi:10.1037/0022-3514.78.4.635
- Wright, M., & Bloemraad, I. (2012). Is there a trade-off between multiculturalism and socio-political integration? Policy regimes and immigrant incorporation in comparative perspective. *Perspectives on Politics, 10*(1), 77–95. doi:10.1017/S1537592711004919
- Yogeeswaran, K., Dasgupta, N., & Gomez, C. (2012). A new American dilemma? The effect of ethnic identification and public service on the national inclusion of ethnic minorities. *European Journal of Social Psychology, 42*(6), 691–705. doi:10.1002/ejsp.1894

Alexander N. Tatarko — professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology; chief research fellow, International laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics.

Research area: social capital, social and psychological capital of the person, interethnic relations, values, acculturation.

E-mail: tatarko@yandex.ru

INTERCULTURAL RELATIONS IN GEORGIA AND TAJIKISTAN: A POST-CONFLICT MODEL

J.W. BERRY^{a, b}, V.N. GALYAPINA^b, N.M. LEBEDEVA^b,
Z.KH. LEPSHOKOVA^b, T.A. RYABICHENKO^{b 1}

^a *Queen's University, 154 Albert Str., Kingston, ON Canada, K7L 3N6*

^b *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

The paper presents the results of two studies of intercultural relations in post-Soviet Georgia and Tajikistan. These countries have in common a sharp decline in cultural diversity as a result of wars and conflicts, and this model of intercultural relations on post-Soviet space was identified as a post-conflict model. The goal of this study was to evaluate three hypotheses of intercultural relations: multiculturalism, contact and integration (Berry, 2017) among majority members and the ethnic Russian minorities. We surveyed 312 Ethnic Russians and 298 Georgians in Georgia; 277 Ethnic Russians and 317 Tajiks in Tajikistan. The studies used scales from the MIRIPS questionnaire. To test the three hypotheses of intercultural relations we followed a Structural Equation Modeling (SEM) approach. The multiculturalism hypothesis found partial support in all four groups in Georgia and Tajikistan. The contact hypothesis received partial support in Tajiks and in Ethnic Russians in Georgia and was not supported among Ethnic Russians in Tajikistan and Georgians. The integration hypothesis was fully supported in Tajiks and Ethnic Russians in Georgia, partially supported among Ethnic Russians in Tajikistan and was not supported among Georgians. The results obtained in these two countries are discussed taking into consideration the sociocultural contexts and recent history of wars and conflicts.

Keywords: ethnic minority, majority, intercultural relations, multiculturalism, contact, integration, post-Soviet, Georgia, Tajikistan.

Introduction

The period after the collapse of the USSR was characterized by not only political and socio-economic changes in the post-communist space, but also by changes in values, identification and disidentification with social categories, in the status of groups and models of intercultural relations. Research in a variety of post-communist countries, as well as in different multicultural regions of the Russian Federation, demonstrated very different paths towards the development of multicultural policy

The study was supported by the Russian Science Foundation (project № 15-18-00029).

¹The names of the authors appear in alphabetical order.

and practice (Lebedeva, Dimitrova, & Berry, 2018). The task of nation-state building, and changes in the majority-minority status became a common trend for many post-communist countries and regions in Eastern Europe and Central Asia.

Studying intercultural relations in the post-Soviet space, we have identified three models of Post-Soviet development in terms of their dealing with cultural diversity (Lebedeva, 2018). The first one became known as the “*nation-state model*” as presented by Baltic countries (Estonia, Latvia, and Lithuania). They are typified by promoting the cultural, economic, demographic and political vitality of a core nation (Brubaker, 2009) and the forced assimilation of minorities. The second is called the “*pragmatic model*” as presented by Azerbaijan and probably by Kazakhstan and Kirgizstan. This model is based on economic interests, and where cultural diversity is not a problem. The third and the most dramatic model is called “*post-conflict model*” presented by Georgia and Tajikistan. In these countries cultural diversity has been sharply reduced during wars and conflicts.

The goal of this study was to evaluate three hypotheses of intercultural relations: *multiculturalism*, *contact* and *integration* (Berry, 2017) among majority members and the ethnic Russian minority group in two countries, which represent the post-conflict model: Georgia and Tajikistan. The three hypotheses of intercultural relations are adapted to the contexts of these two countries and are presented below.

1. The multiculturalism hypothesis:

1a. The higher the perceived security among the ethnic Russian minority, the higher their support of multicultural ideology, ethnic tolerance and preference for integration and assimilation.

1b. The higher the perceived security among the ethnic majority (Georgians and Tajiks), the higher their support of multicultural ideology, ethnic tolerance and preference for integration and assimilation.

2. The contact hypothesis:

2a. The higher the intensity of friendly contacts between the ethnic Russian minority and the ethnic majority (Georgians and Tajiks), the higher their level of ethnic tolerance, and their preference for integration and assimilation.

2b. The higher the intensity of friendly contacts of the ethnic majority (Georgians and Tajiks) with members of ethnic minority (Russians), the higher their level of ethnic tolerance and their preference for integration and assimilation.

3. The integration hypothesis:

3a. The higher the preference for the acculturation strategy of integration among the ethnic Russian minority, the higher their levels of life satisfaction, self-esteem, and sociocultural adaptation.

3b. The higher the preference for integration expectation among members of the ethnic majority (Georgians and Tajiks), the higher their levels of life satisfaction and self-esteem.

Based on the results of previous research that highlighted the important role of assimilation in intercultural relations and mutual adaptation of migrants/ethnic minority and host society/ethnic majority groups (Berry, 2017; Jasinskaja-Lahti, Horenczyk, & Kinunen, 2011; Kus-Harbord & Ward, 2015; Lebedeva, Tatarko, &

Berry, 2016a; Lebedeva, Galyapina, Lepshokova, & Ryabichenko, 2017), we tested some additional relationships for assimilation as well.

In previous studies it was found that preference for assimilation is positively related to life satisfaction (Lepshokova & Tatarko, 2016; Ryabichenko & Lebedeva, 2016) and sociocultural adaptation, but negatively related to self-esteem (Galyapina & Lebedeva, 2016; Ryabichenko & Lebedeva, 2016). Based on the above, we formulated the following hypothesis:

4. The assimilation hypothesis:

The higher the preference for assimilation among the ethnic Russian minorities and the ethnic majorities in Georgia and Tajikistan, the higher their life satisfaction, the lower their self-esteem and the higher the minorities' sociocultural adaptation.

Measures

The study used scales from the MIRIPS questionnaire (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>) translated into Russian and adapted for use in Russia (Lebedeva & Tatarko, 2009).

“Perceived Security” (3 items in Tajikistan, for example, “There is room for a variety of languages and cultures in Tajikistan”, 5 items in Georgia, for example “We have to take steps to protect our cultural traditions from outside influences”)

“Intercultural Contacts” (2 items “How many close Tajik/Georgian/Russian friends do you have?” and “How often to you meet with close Tajik/Georgian/Russian friends”).

“Multicultural Ideology” (5 items, for example, “We should recognize that cultural diversity is a fundamental characteristic of Tajik/Georgian society”).

“Tolerance” (3 items, for example, “We should promote equality among all groups, regardless of their racial or ethnic origin”).

“Acculturation Strategies” (for ethnic Russian minorities): integration (4 items, for example, “It is important to me to be fluent in both Tajik/Georgian and Russian languages”); assimilation (4 items, for example, “I prefer social activities that involve Tajiks/Georgians only”).

“Acculturation Expectations” (for the Tajik/Georgian majority): integration (4 items, for example, “Russians should be fluent in both Tajik/Georgian and Russian languages”); assimilation (4 items, for example, “Russians should prefer social activities that involve Tajiks/Georgians only”).

“Self Esteem” (4 items, for example, “On the whole, I am satisfied with myself”) (Rosenberg, 1965).

“Life Satisfaction” (4 items, for example, “In most ways my life is close to my ideal”) (Diener, Emmons, Larsen, & Griffin, 1985).

“Sociocultural Adaptation” (for ethnic Russian minorities) (7 items in Tajikistan, for example, “How much difficulty you experience, living in Tajikistan, in relating to members of the opposite sex”, 11 items in Georgia, for example “How much difficulty you experience, living in Georgia, accurately interpreting and responding to other people’s gestures and facial expressions”) (Wilson, 2013).

Data processing

We used the following methods of data processing: descriptive statistics and Cronbach's α . To test the three hypotheses of intercultural relations we followed a Structural Equation Modeling (SEM) approach. Four path analyses were performed with two ethnic majority groups (Georgians, Tajiks) and two ethnic minority groups (Russians) separately using SPSS AMOS 20 software. Multivariate analysis of variance (MANOVA) was used to examine the differences between means of the used scales' scores across the different groups.

We present the two studies in the two regions sequentially one after the other.

Study 1. Mutual Intercultural Relations between Georgians and Ethnic Russians in Georgia

Sociocultural context of Georgia

Before the collapse of the USSR, Georgia was one of the most multiethnic regions of the South Caucasus. However, even at the time when Georgia was a part of the USSR, the popular primordial doctrines expressed in the slogan "Georgia for Georgians" prevailed among Georgian intellectuals, which led to the growing movement in support of the independence of the Republic in the late 1980s (Berglund, 2016). Therefore, after the declaration of Georgia's independence in 1991, ethnic minorities found themselves in a country "ruled by and for ethnic Georgians" (Ibid, p. 2) that in turn led to changes in self-determination among ethnic minorities members.

Two regions of Georgia (Abkhazia and South Ossetia) were inhabited mainly by ethnic minorities who proclaimed their independence at the beginning of 1990s. There were armed conflicts between Georgian and South Ossetian forces (in 1991–1992), and between Georgian and Abkhazian forces (in 1992–1994). These conflicts ended with Georgia losing control over these two regions. Conflicting sides were divided by Peacekeeping Forces on the basis of international agreements. These forces were formed by Russia, Georgia and Ossetia in South Ossetia and by the CIS countries in Abkhazia. The long period of "increasing tensions, provocations and incidents" had "deep roots in the history of the region, in peoples' national traditions and aspirations as well as in age-old perceptions or rather misperceptions of each other, which were never mended and sometimes exploited" (Independent International Fact Finding Mission on the Conflict in Georgia, 2009, p. 11). This culminated in the "five-day war" in 2008 that formally started with Georgia's attacking the capital of South Ossetia. The attack provoked an armed conflict between Georgia and Russia and ended in the secessions of South Ossetia and Abkhazia from Georgia. Currently there are no direct diplomatic relations between Georgia and Russia.

Political tensions and economic difficulties in the country resulted in decreased numbers of ethnic minorities from 29.9% of the total population in 1989 down to 16.2% in 2002 due emigration, as well as "de facto secessions" of two regions (South

Ossetia and Abkhazia) (Nilsson & Popjanevski, 2009, p. 8; Metreveli, Nilsson, Popjanevski, & Yakobashvili, 2009; Sabanadze, 2011). The number of ethnic Russians in Georgia decreased from 6.3% to 1.5% during this period. In 2014, Russians were the third largest minority group after Azerbaijanis and Armenians, accounting for only about 26.5 thousand people or 0.7% of the population. More than half of all Russian Georgians live in Tbilisi (GeoStat, 2016).

The Russian language still remains the language of interethnic communication, but efforts are being made to replace this status with English, and this replacement is considered as a symbol of the country's European orientation (Sherouse, 2017).

The armed territorial conflicts and Russia's military and political support to South Ossetia and Abkhazia during these conflicts greatly influence the nature of intercultural relations, since many issues relating to ethnic minorities are often viewed through the prism of these conflicts. For Georgia, the attitude towards minorities is primarily a matter of national security (Sabanadze, 2011). Therefore, minorities are often seen as sources of potential threat (Sabanadze, 2011; Ulasiuk, 2013) that hinders the consolidation of society (Vardanyan, 2010). Therefore, despite the declaration of a state policy of integration, it is often equated with assimilation and 'Georgianization', with a move towards a monoethnic society by the emigration of, and the gradual assimilation of, ethnic minorities (Ibid.).

Participants and procedure

The sample included 610 respondents: 298 ethnic Georgians and 312 ethnic Russians. A snowball sampling procedure was used. Russians and Georgians filled out the questionnaire in their native languages (Russian and Georgian subsequently). A description of the sample is presented in Table 1.

Results of the study 1

Descriptive statistics including means, standard deviations, reliability coefficients of measures and the results of MANOVA are presented in Table 2.

The MANOVA with ethnicity as the independent variable, and perceived security, intercultural contacts, multicultural ideology, tolerance, integration, assimilation, self-esteem and life satisfaction as dependent variables showed a significant multivariate main effect: Wilks' $\lambda = .595$, $F(8, 601) = 51.223$, $p < .001$, $\eta^2 = .405$. ANOVAs on all individual measures were also significant (see Table 2). The scores

Table 1

Gender and Age Characteristics of the Sample

Respondents	N	Gender characteristics		Age characteristics			
		Male	Female	Min.	Max.	M	SD
Ethnic Russians	312	102 (32.7%)	210 (67.3)	14	67	31.11	14.57
Georgians	298	50 (16.8%)	248 (83.2)	15	64	30.45	14.11

Table 2

**A Comparison of Means for Samples of Ethnic Russians and Georgians in Georgia
(Max. 5 Points)**

	Ethnic Russians		Georgians		F(1, 591)	Partial η^2
	M (SD)	α	M (SD)	α		
Perceived Security	3.51 (0.60)	.51	2.93 (0.71)	.52	119.33	.164***
Intercultural Contacts	3.86 (0.82)	.83	4.21 (0.84)	.59	31.68	.050***
Multicultural Ideology	3.98 (0.59)	.53	3.82 (0.73)	.58	9.40	.015**
Tolerance	3.90 (0.85)	.48	3.08 (1.05)	.54	113.53	.157***
Integration	4.33 (0.54)	.62	4.07 (9.79)	.68	22.54	.036***
Assimilation	1.67 (0.54)	.67	2.15 (9.92)	.79	62.81	.094***
Self-Esteem	4.12 (0.53)	.70	4.01 (9.67)	.77	4.54	.007*
Life Satisfaction	2.73 (0.72)	.73	3.28 (9.95)	.84	64.77	.096***
Sociocultural Adaptation ^c	3.96 (0.61)	.88				

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

^c Measure of sociocultural adaptation is used in the group of ethnic Russians only.

on perceived security, multicultural ideology, ethnic tolerance, integration and self-esteem are higher in the sample of Russians compared with Georgians. Georgians have higher scores on intercultural contacts, assimilation and life satisfaction.

Results of the path analysis in the two groups are presented in Figure 1.

Among ethnic Russians perceived security positively related to ethnic tolerance ($\beta = .14, p < .05$) and integration ($\beta = .11, p < .05$), negatively related to assimilation ($\beta = -.18, p < .01$) and did not relate to multicultural ideology. In the group of ethnic Georgians, perceived security positively related to integration ($\beta = .21, p < .001$) and to multicultural ideology ($\beta = .23, p < .001$), but didn't relate to tolerance and assimilation expectation.

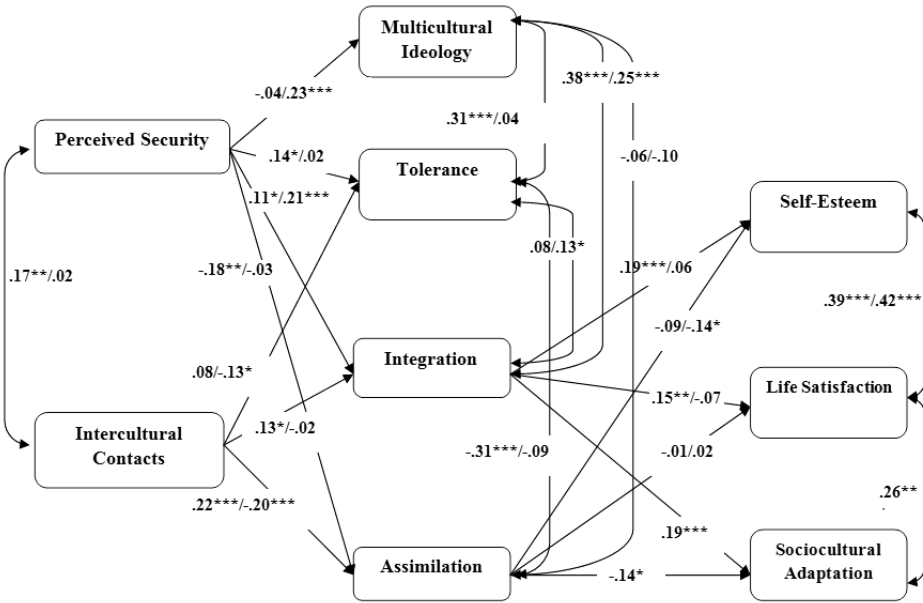
Intercultural contacts negatively related to ethnic tolerance ($\beta = -.13, p < .05$) and assimilation ($\beta = -.20, p < .001$) in the majority group. Intercultural contacts positively related to both integration ($\beta = .13, p < .05$), and assimilation ($\beta = .22, p < .001$), but didn't significantly relate to ethnic tolerance in the Russian minority.

The relationship of integration and sociocultural adaptation of Russians was positive ($\beta = .19, p < .001$), as well as for self-esteem ($\beta = .19, p < .001$) and life satisfaction ($\beta = .15, p < .01$), while the latter two relationships were nonsignificant among Georgians.

Assimilation negatively related to self-esteem of Georgians ($\beta = -.14, p < .05$) that is along with the assimilation hypothesis, but at the same time it negatively related to sociocultural adaptation of ethnic Russians ($\beta = -.14, p < .05$) that contradicts this hypothesis.

Figure 1

Results of the Path Analysis for Three Hypotheses of Intercultural Relations for Ethnic Russians/Georgians

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Note. Acculturation strategies of integration and assimilation were used in the sample of Russian minority, integration and assimilation expectations were used in the sample of Georgian majority. Indicators of the models: $\chi^2/df = 1.84/1.93$; CFI = .97/.97; RMSEA = .05/.06; PCLOSE = .416/.362.

Study 2. Mutual Intercultural Relations between Tajiks and Ethnic Russians in Tajikistan

Sociocultural context of Tajikistan

Tajikistan is a former republic of the USSR with a mainly rural population. Tajikistan can be called the poorest country in the CIS, according to The Richest Countries in the World (Gregson, 2016), with 50% of the total GDP of the country consisting of remittances from Tajik labor migrants in Russia (Sarabekov, 2016). The population of Tajikistan is mostly Muslims (approximately 95% Sunni and 3% Shia). The next largest religious community is Russian Orthodox. After the collapse of the USSR the numbers of the largest ethnic minorities (ethnic Uzbeks and ethnic Russians) in Tajikistan decreased respectively from 23.5% and 7.63% of the whole population in 1989 to 13.9% and 0.46% in 2010, respectively (Vsesoyuznaya perepis' naseleniya..., 2015; Mukhammadieva, 2013). At present, the number of

ethnic Russians (residing mainly in in Dushanbe, the capital of Tajikistan) is declining rapidly (Mukhammadieva, 2013).

Since the Tajik civil war of 1989 there has been a mass exodus of ethnic Russians and Russian-speakers. The conflict began between the Islamic-democratic opposition and the Tajik communist leaders. The communist regime was associated with Ethnic Russians in Tajik society. The nationalists blamed the former USSR dominant group (ethnic Russians) for all their difficulties (drought, earthquakes, crop failure etc.). The war caused interethnic conflicts in the Ferghana Valley and the persecution of the Russian population in Dushanbe and other cities. This all led to the fact that many Russian civilians were killed, and the survivors were forced to flee. As a result of the civil war, 60–200 thousand people were missing, and one million people left the country, including over 300 thousand Russians (Norin, 2016). The ethnic Russians, being the most numerous ethnic minority before the war, practically disappeared by the end of the civil war in Tajikistan (Sitnyanskiy, 2011). The official language of Tajikistan is Tajik. The Constitution mentions Russian as the “language for interethnic communication”. The Russian language remains the language of culture and science in Tajikistan, since specialised terminology has not yet been developed in the Tajik language (Letnyakov, 2015). Education in Russian is considered prestigious in Tajikistan (Dubovitskaya, 2009).

Today, the population of Tajikistan is growing rapidly due to the high birth rate among Tajiks, while the number of ethnic minorities is decreasing causing a rapid national transition to mono-ethnicity.

Participants and procedure

The sample included 317 Tajiks and 277 ethnic Russians. A snowball technique for sampling was used. We asked Tajik and Russian university students from Russian-Tajik (Slavic) University and high school students from Russian-language schools to fill out questionnaires by themselves as well as to distribute them among their friends and parents. Respondents filled out questionnaires in Russian. A socio-demographic description of the sample is presented in Table 3.

Results of the study 2

Descriptive statistics including means, standard deviations, reliability coefficients of measures and the results of MANOVA are presented in Table 4.

Table 3

Gender and Age Characteristics of the Sample

Respondents	N	Gender characteristics		Age characteristics			
		Male	Female	Min.	Max.	M	SD
Ethnic Russians	277	90 (33%)	187 (67%)	14	73	31.58	16.17
Tajiks	317	110 (35%)	207(65%)	15	63	30.60	14.81

Table 4

**A Comparison of Means for Samples of Ethnic Russians and Tajiks in Tajikistan
(Max. 5 Points)**

	Ethnic Russians		Tajiks		F(1, 591)	Partial η^2
	M (SD)	α	M (SD)	α		
Perceived Security	3.30 (0.71)	.61	3.91 (0.85)	.51	90.79	.132***
Intercultural Contacts	4.10 (0.85)	.62	4.18 (0.96)	.71	1.05	.002
Multicultural Ideology	3.90 (0.80)	.59	3.99 (0.77)	.61	1.70	.003
Tolerance	4.26 (0.80)	.54	3.69 (0.72)	.54	88.22	.129***
Integration	4.13 (0.87)	.72	3.97 (0.80)	.64	6.04	.010*
Assimilation	1.95 (0.81)	.72	2.39 (0.97)	.74	35.99	.057***
Self-Esteem	4.15 (0.72)	.79	4.26 (0.66)	.75	3.37	.006
Life Satisfaction	3.27 (0.96)	.80	3.87 (0.83)	.76	67.91	.122***
Sociocultural Adaptation ^c	3.50 (0.84)	.84				

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

^c Measure of sociocultural adaptation is used in the group of ethnic Russians only.

The MANOVA with ethnicity as the independent variable, and perceived security, intercultural contacts, multicultural ideology, tolerance, integration, assimilation, self-esteem and life satisfaction as dependent variables showed a significant multivariate main effect: Wilks' $\lambda = .706$, $F(8, 589) = 30.632$, $p < .001$, $\eta^2 = .294$. ANOVAs on the individual measures were also significant for perceived security, tolerance, integration, assimilation and life satisfaction (see Table 4). The scores on tolerance and integration were significantly higher in the sample of ethnic Russians than in the sample of Tajiks. The scores on perceived security, assimilation and life satisfaction were significantly higher in the sample of Tajiks than in the sample of ethnic Russians.

Results of the path analysis in the two groups are presented in Figure 2.

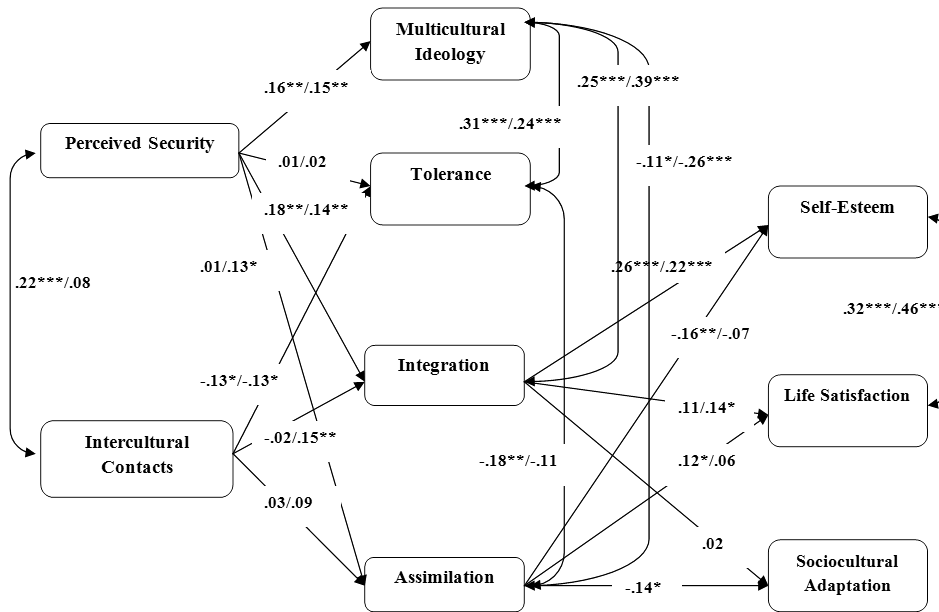
Perceived security positively related to multicultural ideology ($\beta = .16/.15$, $p < .01$) and integration ($\beta = .18/.14$, $p < .01$), but was not related to tolerance in either samples of ethnic Russians and Tajiks. We also found a positive relationship between perceived security and assimilation among the Tajiks ($\beta = .13$, $p < .05$).

In both groups intercultural contacts negatively related to ethnic tolerance ($\beta = -.13/-.13$, $p < .05$) and were not related to the assimilation preferences. Among Tajiks contacts positively related to integration ($\beta = .15$, $p < .01$). We also found a positive correlation between perceived security and intercultural contacts in the sample of ethnic Russians.

The relationships between integration and well-being were positive for self-esteem ($\beta = .22$, $p < .001$) and life satisfaction ($\beta = .14$, $p < .05$) in the group of Tajiks. The relationships of integration were positive for self-esteem ($\beta = .26$, $p < .001$), but

Figure 2

Results of the Path Analysis for Three Hypotheses of Intercultural Relations for Ethnic Russians/Tajiks

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Note. Acculturation strategies of integration and assimilation were used in the sample of Russian minority, integration and assimilation expectations were used in the sample of Tajiks majority.

Indicators of the models: $\chi^2/df = 2.54/1.64$; CFI = .97/.99; RMSEA = .075/.042; PCLOSE = .125/.546.

nonsignificant for life satisfaction and sociocultural adaptation among the ethnic Russians.

Assimilation strategy negatively related to self-esteem ($\beta = -0.16, p < .01$) and sociocultural adaptation ($\beta = -0.14, p < .05$) among the ethnic Russians, but positively related to life satisfaction ($\beta = 0.12, p < .05$).

General discussion

The aim of these two studies was to test the three hypotheses of intercultural relations in groups of the Russian ethnic minority and the majorities in Georgia and Tajikistan.

The *multiculturalism hypothesis* found partial support in both groups in Georgia. Perceived security of ethnic Russians was positively associated with integration and negatively – with assimilation. Based on this result we could argue that security enhances the orientation of the Russian minority to preserve its own culture contacting with a larger society. Perceived security was positively related to ethnic

tolerance and friendly contacts with Georgians among Russians as well. A probable explanation might be that for such a small group as Russians in Georgia (0.7% of population), the willingness to be open to other groups and to develop personal friendships is possible when there is no threat to their group. For Georgians, security is linked to integration and multicultural ideology, but not to ethnic tolerance. It might be a result of previous territorial conflicts that aggravated the sense of threat from ethnic minorities among Georgians, as well as nationalist rhetoric that existed in the country for a long time (Berglund, 2016; Sabanadze, 2011; Ulasiuk, 2013), which affected the lower level of ethnic tolerance in comparison with Russians. Their fears are related to the integrity of the country which has been disrupted by ethnically-related conflicts. Under these conditions, only a sense of security can ensure the majority's loyalty to cultural diversity in the country and their orientation towards the integration of minorities.

In Tajikistan the *multiculturalism hypothesis* found partial support in both groups. Perceived security among both ethnic Russians and Tajiks was positively associated with multicultural ideology and integration preferences. These results are consistent with data obtained from other countries (e.g., Berry, Phinney, Sam, & Vedder, 2006) where sense of security was positively associated with positive intercultural attitudes and supporting of multicultural ideology. We also found that among Tajiks security perception was positively related to assimilation expectation for ethnic Russians. These findings are consistent with results obtained in the Kabardino-Balkar Republic (KBR), Russia, by Z. Lepshokova and A. Tatarko (2016). The authors explained this phenomenon through the group-threat theory (Bobo, 1999) stating that when a minority group challenges the social position of a majority group by maintaining their own culture, the majority group feels threatened and prefers the assimilation of the minority (Davies, Steele, & Markus, 2008; Tip et al., 2012).

The *contact hypothesis* was partially supported only in the group of ethnic Russians in Georgia. Intercultural contacts in this group are related to both integration and assimilation. At the same time, we did not find a significant relationship of intercultural contacts with ethnic tolerance among ethnic Russians, but a negative relationship of intercultural contacts with ethnic tolerance among Georgians was revealed. In addition, there are no significant relations of contacts to integration expectation in the group of Georgians. This result is consistent with the results found for ethnic Russians and Latvians in Latvia (Lebedeva, Tatarko, & Berry, 2016b; Lebedeva & Tatarko, 2017) and for ethnic Russians in Lithuania (Ryabichenko, 2017). The contact hypothesis might be confirmed where certain conditions are met, such as the equal social and economic status of the interacting groups (Berry, 2017) that is difficult to achieve with the majority dominating in all areas of life.

The *contact hypothesis* in Tajikistan was partially supported in the group of Tajiks and wasn't supported in the group of ethnic Russians. The results of our study demonstrated that intercultural contacts negatively related to ethnic tolerance among members of both samples in Tajikistan. We suppose that the absence of optimal conditions for contact to reduce prejudice (equal status, cooperation

rather than competition, common goals, and authority support) (Allport, 1954) in Tajikistan are the reasons why intercultural contacts did not predict ethnic tolerance in both samples in this country. But it is also important to note that among Tajiks their friendly intercultural contacts with Russians resulted in a preference for Russians' integration in Tajikistan. Among Russians, intercultural contacts positively correlated with their perceived security as it was in Georgia. Similar results were obtained in the Republic of North Ossetia-Alania (Lebedeva & Galyapina, 2016): the Russian's friendly contacts with the Ossetians had a significant and positive relationship with their perceived security. The difference was that in North Ossetia-Alania contacts were positively connected with ethnic tolerance in both groups, which is not true for Georgia and Tajikistan.

The *integration hypothesis* was fully confirmed among Russians in Georgia: the integration strategy is positively related to their self-esteem, life satisfaction and socio-cultural adaptation. However, we failed to confirm the hypothesis in the Georgian sample. A similar result was obtained in Azerbaijan, where, as in Georgia, the share of the Russian minority is very small; the psychological well-being of the majority does not depend on attitudes towards minorities (Galyapina & Lebedeva, 2017). At the same time, assimilation is negatively linked to the self-esteem of Georgians, and intercultural contacts in the group of Georgians have proven to be an obstacle to assimilation, indicating a lack of aspiration to assimilate Russians among the Georgian majority.

In Tajikistan the *integration hypothesis* was fully confirmed in the Tajiks: their expectation of integration of ethnic Russians is positively related to self-esteem and life satisfaction of Tajiks. This hypothesis was partially supported in the group of ethnic Russians: their integration preference was positively related to their self-esteem. Our results are consistent with previous research (Hui, Chen, Leung, & Berry, 2015; Jasinskaja-Lahti et al., 2011).

The *assimilation hypothesis* was partially supported in the sample of ethnic Georgians: their assimilation expectations negatively related to their self-esteem. Negative relationship between assimilation and sociocultural adaptation of ethnic Russians contradicts the results obtained in previous studies (e.g., Ward & Rana-Deuba, 1999).

The *assimilation hypothesis* in Tajikistan was partially supported in the sample of ethnic Russians, but not supported in the sample of Tajiks. Assimilation was negatively associated to the self-esteem and socio-cultural adaptation, but positively related to life satisfaction of ethnic Russians. Some studies found the same relationships. In a study of interethnic relations in the KBR assimilation strategy negatively related to self-esteem among the ethnic Russian minority (Lepshokova, 2012), in a study of intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow the assimilation strategy of migrants negatively related to sociocultural adaptation and positively related to their life satisfaction (Lebedeva et al., 2016a).

Conclusion

In Georgia, both *contact hypothesis* and *integration hypothesis* were not confirmed among Georgians. It can be assumed that this result reflects unfavorable

attitudes of the majority towards Russians associated with the threat to the integrity of Georgia, as experienced in the secession of Abkhazia and South Ossetia.

In Tajikistan we found that intercultural contacts did not predict tolerance in the ethnic minority and majority groups. A large cultural distance, religious differences, the presence of a history of conflict contributed to the fact that both Tajiks and Russians perceive each other as “aliens”. At the same time the integration hypothesis is fully supported in the Tajik sample and partially supported among Russians. Both groups regard assimilation as an alternative strategy for the ethnic Russian minority: among Tajiks perceived security predicts preference for assimilation of Russians, while among Russians assimilation was significantly and positively associated with their life satisfaction. Probably this is a nearest future for reducing the ethnic Russian minority in the countries with a post-conflict past.

We can conclude that the post-conflict model of intercultural relations in the post-Soviet space is characterized by some specific patterns of the relationships between psychological variables: perceived security and intercultural contacts are closely connected with each other; contacts do not promote ethnic tolerance among both majorities and minorities. Such a complex interplay of security, contacts and tolerance reflects the impact of past conflicts on the psychology of intercultural relations in these countries and requires taking it into consideration.

References

- Allport, G. W. (1954). *The nature of prejudice*. Garden City, NY: Doubleday.
- Berglund, C. (2016). “Forward to David the Builder!” Georgia’s (re)turn to language-centered nationalism. *Nationalities Papers*, 44(4), 1–21. doi:10.1080/00905992.2016.1142519
- Berry, J. W. (2017). Introduction to *Mutual intercultural relations*. In J. W. Berry (Ed.), *Mutual intercultural relations* (pp. 1–33). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781316875032.001
- Berry, J. W., Phinney, J. S., Sam, D. L., & Vedder, P. (2006). Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology*, 55, 303–332. doi:10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
- Bobo, L. D. (1999). Prejudice as group position: Microfoundations of a sociological approach to racism and race relations. *Journal of Social Issues*, 55(3), 445–472. doi:10.1111/0022-4537.00127
- Brubaker, R. (2009). Ethnicity, race and nationalism. *Annual Review of Sociology*, 35, 21–42. doi:10.1146/annurev-soc-070308-115916
- Davies, P. G., Steele, C. M., & Markus, H. R. (2008). A nation challenged: The impact of foreign threat on America’s tolerance for diversity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95(2), 308–318. doi:10.1037/0022-3514.95.2.308
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49, 71–75. doi:10.1207/s15327752jpa4901_13
- Dubovitskaya, I. (2009). Rol’ russkogo yazyka na territorii Sredney Azii: vzglyad iz Tadjikistana [The role of the Russian language in the territory of Central Asia: a view from Tajikistan]. *Euro-Asia*, 1. Retrieved from <http://www.promreview.net/moskva/rol-russkogo-yazyka-na-territorii-srednei-aziivzglyad-iz-tadjikistana?page=0,0> (in Russian)

- Galyapina, V. N., & Lebedeva, N. M. (2016). Is multiculturalism in Russia possible? Intercultural relations in North Ossetia-Alania. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 24–40. doi:10.11621/pir.2016.0102
- Galyapina, V. N., & Lebedeva, N. M. (2017). Mezhkul'turnye otnosheniya mezhdu azerbajdzhancami i russkimi v post-sovetskom Azerbajdzhane [Intercultural relations between Azerbaijanis and Russians in Post-Soviet Azerbaijan]. In N. M. Lebedeva (Ed.), *Mezhkul'turnye otnosheniya na postsovetskom prostranstve* [Intercultural relations in the Post-Soviet space] (pp. 363–380). Moscow: Menedzher. (in Russian)
- GeoStat. (2016). 2014 General Population Census: Main Results, National Statistics Office of Georgia, Tbilisi. Retrieved from http://geostat.ge/cms/site_images/_files/english/population/Census_release_ENG_2016.pdf
- Gregson, J. (2016, February). The richest countries in the world. *Global Finance*. Retrieved from <http://www.gfmag.com/global-data/economic-data/richest-countries-in-the-world?page=12>
- Hui, B. P. H., Chen, S. X., Leung, C. M., & Berry, J. W. (2015). Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and nondominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 45, 70–84. doi:10.1016/j.ijintrel.2015.01.002
- Independent International Fact Finding Mission on the Conflict in Georgia. (2009). Report (Vol. 1). Retrieved from https://www.echr.coe.int/Documents/HUDOC_38263_08_Annexes_ENG.pdf
- Jasinskaja-Lahti, I., Horenczyk, G., & Kinunen, T. (2011). Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 37(9), 1423–1440. doi:10.1080/1369183X.2011.623617
- Kus-Harbord, L., & Ward, C. (2015). Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, 4(1), 66–81. doi:10.1037/ipp0000025
- Lebedeva, N. M. (2018). *Multiculturalism and intercultural relations in the Post-Soviet space*. A keynote presentation at the 24th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology (IACCP 2018). Guelph, Canada, 1–5 July, 2018.
- Lebedeva, N., Dimitrova, R., & Berry, J. (2018). *Changing values and identities in Post-Communist world*. Cham: Springer International Publishing. doi:10.1007/978-3-319-72616-8
- Lebedeva, N., & Galyapina, V. (2016). Is multiculturalism in Russia possible? Intercultural relations in North Ossetia-Alania. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 24–40. doi:10.11621/pir.2016.0102
- Lebedeva, N., Galyapina, V., Lepshokova, Z., & Ryabichenko, T. (2017). Intercultural relations in Russia. In J. W. Berry (Ed.), *Mutual intercultural relations in plural societies* (pp. 34–58). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781316875032.002
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (Eds.). (2009). *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii: Sbornik nauchnykh statey* [Strategies for the intercultural interaction of migrants and the population of Russia: A collection of scientific articles]. Moscow: RUDN University. (in Russian)
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2017). Mezhkul'turnye otnosheniya latyshej i russkih v postsovet-skoy Latvii [Intercultural relations between Latvians and Russians in Post-Soviet Latvia]. In N. M. Lebedeva (Ed.), *Mezhkul'turnye otnosheniya na postsovetskom prostranstve* [Intercultural relations on Post-Soviet space] (pp. 301–323). Moscow: Menedzher. (in Russian)
- Lebedeva, N., Tatarko, A., & Berry, J. W. (2016, a). Intercultural relations among migrants from Caucasus and Russians in Moscow. *International Journal of Intercultural Relations*, 52, 27–38. doi:10.1016/j.ijintrel.2016.03.001

- Lebedeva, N. M., Tatarko, A. N., & Berry, J. (2016, b). Intercultural relations in Russia and Latvia: the relationship between contact and cultural security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 41–56. doi:10.11621/pir.2016.0103
- Lepshokova, Z. H. (2012). *Strategii adaptatsii migrantov i ih psichologicheskoe blagopoluchie (na primere Moskvy i Severnogo Kavkaza)* [Adaptation strategies of migrants and their psychological well-being (the case of Moscow and the North Caucasus)]. Moscow: Grifon. (in Russian)
- Lepshokova, Z., & Tatarko, A. (2016). Intercultural relations in Kabardino-Balkaria: Does integration always lead to subjective well-being? *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 56–73. doi:10.11621/pir.2016.0104
- Letnyakov, D. E. (2015). Rol' russkogo yazyka v postsovetskoy Tsentral'noy Azii [The role of the Russian language in Post-Soviet Central Asia]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*, 4(79), 100–115. Retrieved from [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2015-4\(79\)-Pages-001-198.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2015-4(79)-Pages-001-198.pdf) (in Russian)
- Metreveli, E., Nilsson, N., Popjanovski, J., & Yakobashvili, T. (2009). *State approaches to national integration in Georgia: Two perspectives*. Washington, DC: Silk Road Paper.
- Mukhammadieva, B. Z. (Ed.). (2013). *Monografiya i atlas Respubliki Tadjikistan po dannym perepisi naseleniya i zhilishchnogo fonda 2010 goda* [A monograph and the atlas of the Republic of Tajikistan according to the 2010 population and housing census data]. Dushanbe: Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan. (in Russian; in Tajik)
- Nilsson, N., & Popjanovski, J. (2009). State building dilemmas: The process of national integration in post-revolutionary Georgia. In E. Metreveli, N. Nilsson, J. Popjanovski, & T. Yakobashvili, *State approaches to national integration in Georgia: Two perspectives* (pp. 7–44). Washington, DC: Silk Road Paper.
- Norin, E. (2016). *Neznamenitaya voyna v Tadjikistane: 1992–1997* [The unknown war in Tajikistan: 1992–1997]. Retrieved from https://pikabu.ru/story/voyna_v_tadjikistane_chast_pervaya_glava_pervaya_3971940 (in Russian)
- Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image*. Princeton, NJ: Princeton University Press. doi:10.1515/9781400876136
- Ryabichenko, T. A. (2017). Russkie v litovskom kontekste: proverka trekh gipotez mezhkul'turnyh otnoshenij [Russians in the Lithuanian context: testing the three hypotheses of intercultural relations]. In N. M. Lebedeva (Ed.), *Mezhkul'turnye otnosheniya na postsovetskom prostranstve* [Intercultural relations in the Post-Soviet space] (pp. 324–341). Moscow: Menedzher. (in Russian)
- Ryabichenko, T., & Lebedeva, N. (2016). Assimilation or integration: Similarities and differences between acculturation attitudes of migrants from Central Asia and Russians in Central Russia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 98–111. doi:10.11621/pir.2016.0107
- Sabanadze, N. (2011). States, minorities and regional hegemons in the South Caucasus: Whose responsibility to protect. In F. Palermo, & N. Sabanadze, (Eds.), *National minorities in inter-state relations* (pp. 165–183). Leiden/Boston: OSCE HCNM. doi:10.1163/ej.9789004175983.i-274.54
- Sarabekov, J. (2016). *Sovremennyy Tadjikistan: vyzovy razvitiya* [Modern Tajikistan: development challenges]. Astana-Almaty: Institut mirovoy ekonomiki i politiki pri Fonde Pervogo Prezidenta Respubliki Kazakhstan – Lidera Natsii. Retrieved from <https://docplayer.ru/28306335-Sovremennyy-tadjikistan-vyzovy-razvitiya.html> (in Russian)
- Sherouse, P. (2017). The politics of Russian-Language film showings in Post-Soviet Georgia. *Political and Legal Anthropology Review*, 40, 137–157. doi:10.1111/plar.12209
- Sitnyanskiy, G. Y. (2011). *Rossiya i Tsentral'naya Aziya: vmeste ili vroz'?* *Mezhetnicheskiye otnosheniya v Sredney Azii i Kazakhstane i Rossiya* [Russia and Central Asia: together or apart? Interethnic

- relations in Central Asia and Kazakhstan and Russia]. Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS. (in Russian)
- Tip, L. K., Zagefka, H., González, R., Brown, R., Cinnirella, M., & Na, X. (2012). Is support of multiculturalism threatened by... threat itself? *International Journal of Intercultural Relations*, 36(1), 22–30. doi:10.1016/j.ijintrel.2010.09.011
- Ulasiuk, I. (2013). *National minorities and migration in Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, Russia and Ukraine* (CARIM-East Research Report 2013/33). San Domenico di Fiesole (FI), Italy: European University Institute. Retrieved from <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR2013-33.pdf>
- Vardanyan, T. (2010). Gruzija: identičnost' v političeskikh programmakh i dejstvii [Georgia: the identities in political programs and in action]. *21-y Vek. Informacionno-analiticheskij zhurnal [21st century. Informational and analytical journal]*, 3, 48–69. (in Russian)
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda [All Union Population Census of 1989]. (2015). *Demoscope Weekly*, 651–652. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=50 (in Russian)
- Ward, C. & Rana-Deuba, A. (1999). Acculturation and adaptation revisited. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 30(4), 422–442. doi:10.1177/0022022199030004003
- Wilson, J. (2013). Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct (Unpublished doctoral dissertation). Victoria University of Wellington, Wellington, New Zealand.

John Widdup Berry – Emeritus Professor of Psychology, Queen's University, Canada; chief research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
Research area: intercultural relations in plural societies, psychological adaptation to acculturation, ecological and cultural factors in human development, comparative methodology.
E-mail: jwberry@hse.ru

Victoria N. Galyapina – leading research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
Research area: cross-cultural psychology, intercultural relations, values and norms, identity.
E-mail: vgalyapina@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva – head, International Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics”, D.Sc., professor.
Research area: ethnic and cross-cultural psychology, intercultural relations, acculturation of migrants, values transmission, creativity, innovation.
E-mail: nlebedeva@hse.ru

Zarina Kh. Lepshokova – senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
Research area: social and cross-cultural psychology, intercultural relations, acculturation, values, multiple identities.
E-mail: taimiris@yandex.ru; zlepshokova@hse.ru

Tatiana A. Ryabichenko — senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D. Research area: intercultural relations, acculturation, values, cultural continuity, identity. E-mail: tryabichenko@hse.ru

Межкультурные отношения в Грузии и Таджикистане: постконфликтная модель

Д.У. Берри^{a, b}, В.Н. Галяпина^b, Н.М. Лебедева^b, З.Х. Лепшокова^b, Т.А. Рябиченко^b

^a *Университет Куинс, 154 Albert Str., Kingston, ON, Canada, K7L 3N6*

^b *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

В статье представлены результаты исследований межкультурных отношений в постсоветских Грузии и Таджикистане. Для обеих стран характерно резкое снижение культурного разнообразия в результате войн и конфликтов, в связи с чем модель межкультурного взаимодействия в данных странах определяется как постконфликтная (Lebedeva, 2018). Цель исследования состояла в проверке трех гипотез межкультурных отношений: мультикультурализма, контакта и интеграции (Berry, 2017) среди русского меньшинства и этнического большинства Грузии и Таджикистана. В Грузии в исследовании приняли участие 298 грузин и 312 русских, в Таджикистане 317 таджиков и 277 русских. Методологию исследования составили шкалы из опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies). Проверка гипотез исследования проводилась с помощью моделирования структурными уравнениями (SEM). Гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично во всех выборках. Гипотеза контакта подтвердилась частично у таджиков и русских в Грузии и не подтвердилась у грузин и русских в Таджикистане. Гипотеза интеграции полностью подтвердилась у таджиков и русских в Грузии, частично подтвердилась у русских в Таджикистане и не подтвердилась у грузин. Полученные результаты исследований обсуждаются в статье с учетом социокультурного контекста и истории войн и конфликтов.

Ключевые слова: этническое меньшинство, этническое большинство, межкультурные отношения, мультикультурализм, контакт, интеграция, постсоветский период, Грузия, Таджикистан.

Берри Джон Уиддап — почетный профессор психологии, Университет Куинс (Кингстон, Канада); главный научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Ph.D., профессор.

Сфера научных интересов: межкультурные отношения в поликультурных обществах, психологическая адаптация к аккультурации, экологические и культурные факторы развития человека, сравнительная методология.

Контакты: jwberry@hse.ru

Галяпина Виктория Николаевна — ведущий научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, межкультурные отношения, ценности и нормы, идентичность.

Контакты: vgalyapina@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна — заведующая, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: этническая и кросс-культурная психология, межкультурные отношения, аккультурация мигрантов, трансмиссия ценностей, креативность, инновации.

Контакты: nlebedeva@hse.ru

Лепшокова Зарина Хизировна — старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: социальная и кросс-культурная психология, межкультурные отношения, аккультурация, ценности, множественные идентичности.

Контакты: zlepshokova@hse.ru

Рябиченко Татьяна Анатольевна — старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: межкультурные отношения, аккультурация, ценности, культурная преемственность, идентичность.

Контакты: tryabichenko@hse.ru

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ КРЫМУ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ТРЕХ ГИПОТЕЗ

Е.А. КОДЖА^а, Н.М. ЛЕБЕДЕВА^а, В.Н. ГАЛЯПИНА^а,
З.Х. ЛЕПШОКОВА^а, Т.А. РЯБИЧЕНКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

В статье рассматриваются межкультурные отношения в Крыму – одном из поликультурных регионов России. Целью исследования являлась проверка трех гипотез межкультурных отношений: мультикультурализма, интеграции и контакта. Участниками исследования стали 195 русских, составляющих этническое большинство в Крыму, а также представители этнических меньшинств – 196 крымских татар и 196 украинцев. Для проверки гипотез использовался путевой анализ. Дополнительно были проведены 25 интервью с представителями трех этнических групп для более глубокого анализа результатов количественного исследования. Результаты исследования показали, что гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично: у русских и украинцев воспринимаемая безопасность значимо позитивно связана с поддержкой мультикультурной идеологии и предпочтением интеграции, у крымских татар – только с поддержкой мультикультурной идеологии; взаимосвязи безопасности и толерантности в трех выборках не обнаружено. Гипотеза контакта также подтвердилась частично: у русских межкультурные дружеские контакты значимо позитивно связаны с их установками на толерантность, у украинцев – с предпочтением стратегии интеграции; у татар – и с установками на толерантность, и с предпочтением стратегии интеграции. Гипотеза интеграции подтвердилась полностью: предпочтение интеграции позитивно взаимосвязано с удовлетворенностью жизнью и самоуважением. Однако предпочтение сепарации также имеет значимую позитивную взаимосвязь с самоуважением у крымских татар и с удовлетворенностью жизнью у представителей всех трех групп. Полученные результаты рассматриваются через призму социокультурного и исторического контекста межэтнических отношений в Крыму.

Ключевые слова: межкультурные отношения, аккультурация, этническое меньшинство, мультикультурализм, интеграция, межкультурные контакты, Крым.

Введение

Сегодня межкультурные отношения в российском Крыму, который стал одним из самых поликультурных регионов России, вызывают интерес у всего

мирового сообщества, но комплексных социально-психологических исследований, дающих оценку складывающимся межкультурным отношениям и прогнозам их дальнейшего развития, недостаточно. В нашем исследовании впервые осуществлена проверка трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, контакта и интеграции) в российском Крыму.

Межкультурные отношения в Крыму: социокультурный контекст

Крым является одним из поликультурных регионов России. На территории Республики Крым и г. Севастополя русские занимают первое по численности населения (около 68 %), самое многочисленное этническое меньшинство составляют украинцы (около 16%). Крымские татары являются коренным народом Крыма и составляют второе по численности этническое меньшинство — около 10% (Федеральная служба государственной статистики, 2015). Численность крымскотатарского населения непрерывно увеличилась с 1989 г. после реабилитации крымских татар и их массового возвращения в Крым (крымские татары, наряду с другими народами, подверглись в 1944 г. депортации в Центральную Азию, на Урал, в Сибирь). В результате референдума 16 марта 2014 г. Крым вошел в состав России, все жители Крыма стали гражданами Российской Федерации. Согласно новой Конституции Республики Крым, государственными языками в Крыму являются русский, украинский и крымскотатарский¹. Вопрос статуса русского языка стоял довольно остро, когда Крым был в составе Украины и когда украинский язык был единственным государственным языком, что способствовало постепенному вытеснению русского языка из официальной сферы. При этом русский язык оставался языком межнационального общения в Крыму, большинство населения (84,1%) считает русский язык родным (Там же).

Крым также является поликонфессиональным регионом России. Большая часть населения исповедует православие (русские, украинцы, греки, болгары), есть некоторое число католиков, протестантов, иудеев. Около 15% населения Крыма, в том числе крымские татары, исповедует ислам. Возрождение ислама в Крыму связано с репатриацией крымских татар. В настоящее время в Крыму, как и в исламском мире в целом, наблюдается усиление роли политического и радикального ислама, особенно среди молодежи. Межэтнические отношения в Крыму характеризуются определенной степенью напряженности, что обусловлено историческими, политическими и социально-экономическими вызовами последних десятилетий. В 1990-е гг. отношения обострились в связи с массовым возвращением крымских татар, которое сопровождалось самовольным захватом земель, что вызвало недовольство местного населения.

Вхождение Крыма в состав России в 2014 г. способствовало обострению существовавшей ранее напряженности между этническими группами Крыма,

¹ Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.) (http://constitution.garant.ru/region/cons_krim/).

которые по-разному восприняли это событие. Если русское население Крыма в целом всегда тяготело к России, то украинцы в основном не приняли смену власти и негативно отреагировали на присоединение Крыма, что частично объясняет последовавший отток украинского населения (Там же). Крымские татары, учитывая их проукраинские политические ориентации, также были склонны негативно относиться к присоединению и считать нежелательной интеграцию Крыма в политическое, экономическое, правовое, социальное пространство России (Гузенкова и др., 2016).

Кроме того, присоединение Крыма к России сопровождалось изменением статуса этнических групп: русские, ранее составлявшие этническое меньшинство в составе Украины, оказались в положении этнического большинства, украинцы стали этническим меньшинством, статус крымских татар как этнического меньшинства сохранился. Подобная политическая трансформация также сопровождалась масштабной трансформацией идентичностей. В частности, возникла необходимость конструирования новой гражданской идентичности у всех этнических групп в связи со сменой гражданства. Если у русского населения Крыма процесс формирования сильной и стабильной российской идентичности прошел довольно быстро, то у крымских татар исследователи отмечают слабую идентификацию с Россией (Мукомель, Хайкин, 2016).

Политические, правовые, экономические преобразования в Крыму в целом способствуют формированию национальной (русской) идентичности. Например, вхождение Крыма в состав России в 2014 г. принесло крымским татарам официальное признание крымскотатарского народа незаконно репрессированным с необходимостью реабилитации², а также признание крымскотатарского языка в качестве одного из государственных языков Республики Крым. Сделаны шаги к урегулированию на законодательном уровне проблемы земельных захватов³.

Как показывают исследования, несмотря на различное отношение этнических групп к вхождению Крыма в состав России и связанный с этим рост напряженности, важное место в самосознании всех этнических групп Крыма занимает региональная (крымская) идентичность. Эта общая идентичность («мы крымчане») выступает как объединяющая представителей всех этнических групп (Там же).

Население Крыма представляет собой уникальную социокультурную общность и вызывает особый интерес для исследования межэтнических отношений, принимая во внимание масштабный характер социальной и политической трансформации, сопровождавшейся изменением статуса этнических групп и усилением напряженности. Все это обуславливает необходи-

² См.: Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реабилитации репрессированного крымско-татарского народа, а также армян, болгар, греков, немцев Крыма и государственной поддержке их возрождения и развития» (с изменениями и дополнениями) от 21 апреля 2014 г. № 268 (<http://base.garant.ru/70641266/>).

³ См.: Законопроект Республики Крым от 30 июля 2014 г. (<http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/project/1695.pdf>).

мость комплексного изучения межэтнических отношений в Крыму путем проверки (тестирования) трех гипотез межкультурных отношений: мультикультурализма, контакта и интеграции на представителях трех основных этнических групп Крыма.

Теоретические основы исследования: три гипотезы межкультурных отношений

На протяжении полувека известный канадский ученый Д. Берри, автор теории аккультурации, принимал активное участие в разработке политики мультикультурализма в Канаде, он проводил многочисленные теоретические и эмпирические исследования канадской политики мультикультурализма с точки зрения психологии. В результате были выдвинуты три гипотезы межкультурных отношений: мультикультурализма, контакта и интеграции (Berry, 1984), которые были проверены во многих странах, включая Россию (Berry, 2017).

Гипотеза мультикультурализма состоит в том, что уверенность в своей идентичности ведет к принятию других и уменьшению уровня дискриминации. Данная гипотеза базируется на том, что в основе принятия людей с другой культурой лежит чувство безопасности — культурной, экономической, физической. Она может быть подвергнута эмпирической проверке, что и было осуществлено позже в многочисленных исследованиях. Так, исследование в Новой Зеландии показало, что воспринимаемая безопасность и мультикультурная идеология позитивно взаимосвязаны, а низкий уровень межгрупповой угрозы ведет к позитивным установкам по отношению к мигрантам (Ward, Masgoret, 2008). В Латвии у латышей выявлены позитивные связи безопасности с толерантностью и мультикультурной идеологией (Лебедева, Татарко, 2017). Гипотеза мультикультурализма была эмпирически подтверждена и в России. Были обнаружены позитивные связи безопасности и этнической толерантности мигрантов с Кавказа и русских москвичей (Lebedeva, Tatarko, 2013), позитивные связи безопасности с мультикультурной идеологией и интеграцией мигрантов с Кавказа и Центральной Азии и русских в Центральной России (Рябиченко, Лебедева, 2017). Проведенные на Северном Кавказе исследования показали, что в Северной Осетии — Алании безопасность связана с толерантностью, мультикультурной идеологией и взаимной интеграцией осетин и русских (Галяпина, 2017), в Кабардино-Балкарии безопасность связана с мультикультурной идеологией балкарцев и русских, а воспринимаемая кабардинцами угроза негативно связана с толерантностью, мультикультурной идеологией и интеграцией русских (Лепшокова, 2017). В Дагестане выявлены связи между безопасностью, мультикультурной идеологией и интеграцией русских и аварцев (Галяпина, Лепшокова, 2017).

Гипотеза контакта состоит в том, что межкультурные контакты способствуют взаимному принятию при соблюдении определенных условий (равенство контактирующих индивидов или групп; добровольность контакта; поддержка межкультурных контактов со стороны политики, социальных

норм и законов, запрещающих дискриминацию, и др.). Данная гипотеза была многократно проверена и доказала свою высокую валидность (Торр, Pettigrew, 2005). Например, в исследовании межкультурных отношений в Испании установлено, что межкультурные социальные контакты иммигрантов связаны с высоким уровнем их культурной адаптации (Grad, 2017). Гипотеза контакта проверялась и в России, например, исследование взаимной аккультурации мигрантов и принимающего населения в Центральной России показало, что межкультурные контакты мигрантов из Средней Азии связаны с высоким уровнем этнической толерантности, тогда как межкультурные контакты представителей принимающего населения связаны с предпочтением интеграции мигрантов (Рябиченко, Лебедева, 2017). Исследования в республиках Северного Кавказа показали, что в Северной Осетии—Алании межкультурные дружеские контакты обусловлены предпочтением интеграции в межкультурном взаимодействии (Галяпина, 2017), в Кабардино-Балкарии — ориентацией на интеграцию русских в республике (Лепшокова, 2017), в Дагестане — предпочтением стратегии интеграции (Галяпина, Лепшокова, 2017).

Гипотеза интеграции состоит в том, что двойная вовлеченность групп и их членов в поддержку своих самобытных культур и в жизнь общества в целом способствует достижению большего психологического и социального благополучия, чем участие в жизни только одной культурной группы. Данная гипотеза была подтверждена на разных выборках во многих странах. Эмпирические исследования и метаанализ показали, что стратегия интеграции связана с наиболее позитивными психологическими, социальными и межкультурными последствиями (Berry, 1997; Nguyen, Benet-Martinez, 2013). Эту связь подтверждают изучение мнений молодых иммигрантов в Европе (Abu-Rayya, Sam, 2017; Berry et al., 2006), недавние опросы иммигрантов в Канаде (Berry, Ноу, 2016), российские работы по изучению проблем интеграции в Центральной России и на Северном Кавказе (Лебедева, 2017; Lebedeva, Tatariko, 2013) и исследование, проведенное в 17 странах (Berry, 2017). Учитывая социокультурный контекст Крыма, мы адаптировали данные гипотезы к нашему исследованию.

Н1. Гипотеза мультикультурализма

Чем выше уровень воспринимаемой безопасности, тем выше уровень поддержки мультикультурной идеологии, этнической толерантности и предпочтения интеграции у русских, украинцев и крымских татар.

Н2. Гипотеза контакта

Чем больше межкультурных дружеских контактов, тем выше уровень этнической толерантности и предпочтения интеграции у русских, украинцев и крымских татар.

Н3. Гипотеза интеграции

Чем выше предпочтение интеграции, тем выше уровень удовлетворенности жизнью и самоуважения у русских, украинцев и крымских татар.

Кроме выдвинутых гипотез, мы предположили, что в Крыму, который является одним из самых полиэтничных, полилингвистичных и поликонфес-

сиональных регионов со сложным этническим составом населения и историей межэтнических отношений, значимую роль может играть стратегия сепарации в межкультурных отношениях. Как показывает анализ исследований (Jasinskaja-Lahti et al., 2011; Kus-Harbord, Ward, 2015), выбор стратегии сепарации может предсказывать как позитивный результат аккультурации, так и негативный. Так, исследование межкультурных отношений в Республике Дагестан показало, что у аварцев стратегия сепарации позитивно связана с удовлетворенностью жизнью (Галяпина, Лепшокова, 2017). Исходя из вышесказанного, мы выдвигаем исследовательский вопрос: как связано предпочтение сепарации/ сегрегации с удовлетворенностью жизнью и самоуважением у русских, украинцев и крымских татар?

Теоретическая модель исследования представлена на рисунке 1.

Метод

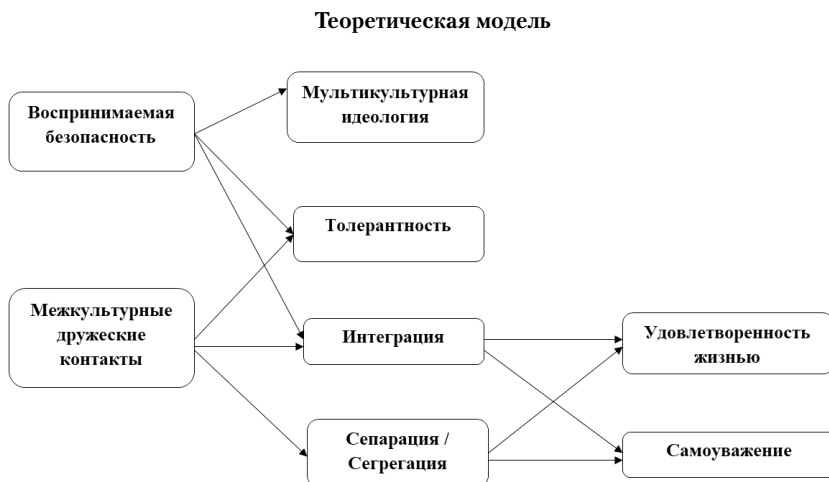
Выборка исследования

Данное исследование проводилось в Республике Крым в 2018 г. Выборка включала представителей трех этнических групп: русские – этническое большинство, N = 195; татары – этническое меньшинство, N = 197; украинцы – этническое меньшинство, N = 196. Общее количество респондентов N = 588. В таблице 1 представлены основные характеристики выборки.

Методы исследования

В данном исследовании были использованы шкалы из опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations In Plural Societies), которые были переведены на русский язык и адаптированы на российской выборке (Лебедева, Татарко, 2009).

Рисунок 1

Воспринимаемая безопасность. Шкала включала 3 вопроса, например: «Крым – достаточно преуспевающая и богатая республика для того, чтобы каждый чувствовал себя в безопасности», α Кронбаха = $0.68_{\text{русские}}$; $0.71_{\text{украинцы}}$; $0.60_{\text{крымские татары}}$ *

Межкультурные дружеские контакты. Данная шкала включала 2 вопроса: «Сколько у вас близких друзей русских/украинцев/крымских татар/представителей другой национальности?» и «Как часто вы встречаетесь с близкими друзьями русскими/украинцами/крымскими татарами/представителями других национальностей», α Кронбаха = $0.75_{\text{русские}}$; $0.80_{\text{украинцы}}$; $0.79_{\text{крымские татары}}$ *

Мультикультурная идеология. Шкала включала 4 вопроса, например: «Общество, в котором существуют разнообразные этнические и культурные группы, более способно к решению новых, постоянно возникающих проблем», α Кронбаха = $0.69_{\text{русские}}$; $0.69_{\text{украинцы}}$; $0.57_{\text{крымские татары}}$ *

Этническая толерантность. Шкала состояла из 3 вопросов, например: «Представители этнических меньшинств имеют такое же право выбирать будущее Крыма, как и русские», α Кронбаха = $0.66_{\text{русские}}$; $0.74_{\text{украинцы}}$; $0.57_{\text{крымские татары}}$ *

Шкала *Аккультурационные предпочтения: Интеграция* включала 3 вопроса, например: для русских – «Я считаю, что этнические меньшинства, живущие в Крыму, должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские»; для украинцев и крымских татар – «Я считаю, что украинцы/крымские татары, живущие в Крыму, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать русские», α Кронбаха = $0.71_{\text{русские}}$; $0.63_{\text{украинцы}}$; $0.67_{\text{крымские татары}}$; *Сепарация* включала 4 вопроса, например: для русских – «Я считаю, что этнические меньшинства, живущие в Крыму, должны сохранять свои культурные традиции и не перенимать русские»; для украинцев и крымских татар – «Я предпочитаю участвовать в таких мероприятиях, в которые включены только украинцы/крымские татары», α Кронбаха = $0.54_{\text{русские}}$; $0.74_{\text{украинцы}}$; $0.75_{\text{крымские татары}}$ *

Самоуважение. Была использована шкала Розенберга (Rosenberg, 1965), она включала 4 вопроса, например: «Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей», α Кронбаха = $0.80_{\text{русские}}$; $0.76_{\text{украинцы}}$; $0.79_{\text{крымские татары}}$ *

Удовлетворенность жизнью. Шкала включала 4 вопроса, например: «У меня есть все, что мне необходимо в жизни» (все $\alpha \geq .82$) (Diener et al., 1985), α Кронбаха = $0.86_{\text{русские}}$; $0.85_{\text{украинцы}}$; $0.86_{\text{крымские татары}}$ *

Таблица 1

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Респонденты	N	Пол		Возраст			
		Мужчины	Женщины	Min.	Max.	M	SD
Русские	195	90 (46%)	105 (54%)	17	67	37.10	15.01
Украинцы	196	96 (49%)	100 (51%)	17	67	36.01	13.99
Крымские татары	197	98 (49.7%)	99 (50.3%)	17	66	36.67	14.53

Социально-демографические характеристики. Мы исследовали также пол, возраст, образование и этническую принадлежность респондентов.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22.0. Применялись следующие методы: для измерения различий использовался многомерный дисперсионный анализ (MANOVA), для оценки надежности и согласованности шкал использовался показатель надежности коэффициент α Кронбаха, для проверки гипотез исследования использовался путевой анализ.

Первичный анализ данных потребовал проведения качественного исследования, позволяющего дополнить и глубже проанализировать результаты количественного исследования. Нами были проведены интервью с 25 респондентами, представителями трех этнических групп в возрасте от 18 до 70 лет, проживающих в Крыму. Использовалось полуструктурированное интервью, вопросы касались сохранения собственной культуры (языка, традиций, обычаев и пр.); были ориентированы на анализ особенностей межкультурного общения в семье, с соседями, на работе, в населенном пункте, в республике в целом; причин позитивных/негативных межкультурных отношений; психологического благополучия жителей Крыма и факторов, его определяющих; на определение перспектив развития межкультурных отношений в республике.

Процедура исследования

Опрос был проведен среди жителей городов и сел, где компактно проживают представители исследуемых этнических групп, а также в Симферополе и Севастополе. Сбор количественных данных был проведен совместно с факультетом психологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь) под руководством профессора Е.В. Черного. Интервью с жителями Крыма проводилось магистрами НИУ ВШЭ и сотрудниками Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ.

Результаты исследования межкультурных отношений в Республике Крым

Проведенный анализ сравнения средних значений исследуемых переменных у представителей трех этнических групп с помощью MANOVA, где этническая принадлежность являлась независимой переменной, а воспринимаемая безопасность, межкультурные дружеские контакты, мультикультурная идеология, толерантность, интеграция, сепарация, удовлетворенность жизнью и самоуважение – зависимыми переменными, показал, что существуют значимые различия между русскими, украинцами и крымскими татарами: Wilks's $\lambda = 0.738$, $F(16, 1158) = 11.877$, $p = 0.000$, $\eta^2 = 0.141$. Значимые различия выявлены в выраженности воспринимаемой безопасности, в межкультурных дружеских контактах, мультикультурной идеологии, интеграции

Таблица 2

**Сравнение средних значений основных переменных исследования
у русских, украинцев и крымских татар**

	Русские	Украинцы	Татары	$F(2, 584)$	Partial η^2
	M (SD)	M (SD)	M (SD)		
Воспринимаемая безопасность	3.88 (0.82) _a	3.67 (0.86) _b	3.50 (0.72) _b	10.855	0.036***
Межкультурные дружеские контакты	3.03(1.00) _a	3.26(1.00) _{a,b}	3.38(1.01) _b	5.915	0.020**
Мультикультурная идеология	3.91 (0.65) _a	3.99 (0.72) _a	4.17 (0.55) _b	8.449	0.028***
Толерантность	3.57(1.01) _a	3.56(1.00) _a	3.39(1.00) _a	1.953	0.007
Интеграция	3.97 (0.65) _a	3.89 (0.72) _{a,b}	3.77 (0.73) _b	4.110	0.014*
Сепарация/Сегрегация у русских	2.51 (0.67) _a	2.32 (0.83) _a	3.11 (0.93) _b	50.202	0.146***
Самоуважение	4.30 (0.56) _a	4.25 (0.56) _a	4.31 (0.55) _a	.600	0.002
Удовлетворенность жизнью	3.34 (0.92) _a	3.27 (0.93) _a	3.46 (0.89) _a	2.083	0.007

Примечание. Индексами а, b, обозначены результаты попарных сравнений изучаемых групп (тест Тьюки). Совпадение индексов в строках означает отсутствие различий. Различающиеся индексы указывают на значимые различия ($p < 0.05$).

и сепарации. В таблице 2 представлены сравнения средних значений основных переменных исследования у русских, украинцев и крымских татар.

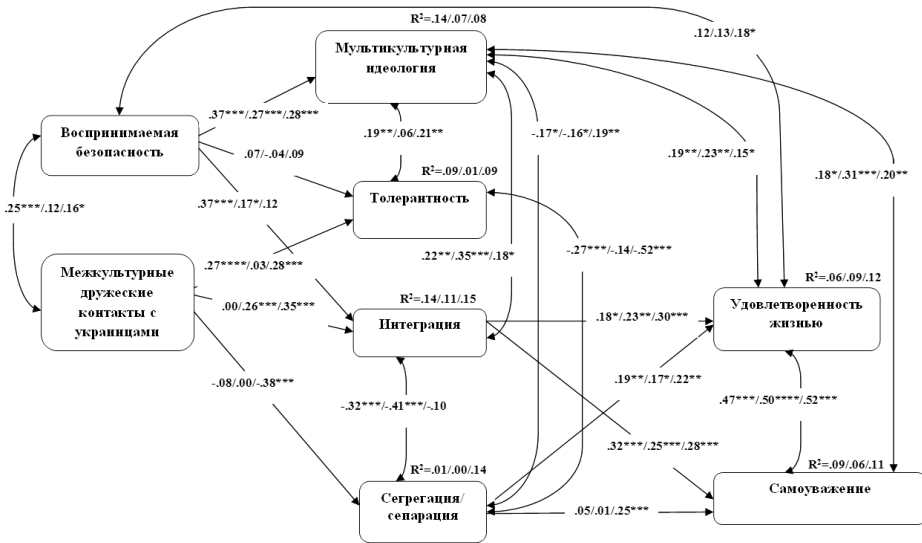
На рисунке 2 представлены результаты проверки трех гипотез на выборках русских, украинцев и крымских татар с использованием моделирования структурными уравнениями (путевой анализ).

Результаты исследования показали, что *гипотеза мультикультурализма* частично подтвердилась на всех выборках: у русских и украинцев воспринимаемая безопасность значимо позитивно связана с поддержкой мультикультурной идеологии и предпочтением интеграции, но не связана с толерантностью; у татар воспринимаемая безопасность имеет значимую позитивную взаимосвязь только с поддержкой мультикультурной идеологии. Кроме того, у русских и татар обнаружена значимая позитивная корреляционная связь воспринимаемой безопасности с межкультурными дружескими контактами.

Гипотеза контакта частично подтвердилась на выборках русских и украинцев и полностью — на выборке татар: у русских межкультурные дружеские контакты значимо позитивно связаны только с их установками на толерантность, у украинцев — только с предпочтением стратегии интеграции; у татар межкультурные дружеские контакты значимо позитивно связаны и с установ-

Рисунок 2

Путевая модель проверки трех гипотез межкультурных отношений на выборке русских, украинцев и татар Крыма

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Примечание. Результаты трех групп представлены через слеш: русские/украинцы/татары. Параметры моделей удовлетворительны:

- русские – $\chi^2/df = 1.41$; CFI = 0.986; RMSEA = 0.046; PCLOSE = 0.483; SRMR = 0.041;
- украинцы – $\chi^2/df = 1.3$; CFI = 0.98; RMSEA = 0.043; PCLOSE = 0.507; SRMR = 0.041;
- татары – $\chi^2/df = 1.17$; CFI = 0.99; RMSEA = 0.03; PCLOSE = 0.643; SRMR = 0.046

ками на толерантность, и с предпочтением стратегии интеграции. Кроме этого, у татар межкультурные дружеские контакты значимо отрицательно взаимосвязаны с предпочтением стратегии сепарации.

Гипотеза интеграции была полностью подтверждена на всех выборках: предпочтение интеграции значимо позитивно взаимосвязано как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением респондентов.

Было выявлено, что предпочтение сепарации имеет значимую позитивную взаимосвязь с удовлетворенностью жизнью у представителей всех трех групп, но взаимосвязь с самоуважением определена только у крымских татар.

Помимо тестирования гипотез, были обнаружены значимые позитивные корреляционные связи мультикультурной идеологии с удовлетворенностью жизнью и самоуважением у представителей всех трех этнических групп. У крымских татар была обнаружена значимая позитивная взаимосвязь воспринимаемой безопасности с удовлетворенностью жизнью (у русских и украинцев данная связь проявляется на уровне тенденции).

Выявлены значимые позитивные корреляции между поддержкой мультикультурной идеологии и предпочтением интеграции у представителей всех исследуемых групп. Также на всех выборках обнаружены отрицательные взаимосвязи между толерантностью и предпочтением сепарации (у русских и татар данная связь значимая, у украинцев — на уровне тенденции), между интеграцией и сепарацией (у русских и украинцев данная связь значимая, у татар — на уровне тенденции). Корреляционная взаимосвязь поддержки мультикультурной идеологии и предпочтения сепарации у русских и украинцев является значимой отрицательной, а у татар — значимой положительной.

Обсуждение

Цель настоящего исследования состояла в проверке трех гипотез межкультурных отношений Д. Берри в группах русских, украинцев и крымских татарах, проживающих в Крыму.

Сравнение основных переменных исследования продемонстрировало достаточно благоприятный фон межкультурных отношений в Крыму. У представителей всех этнических групп нет различий в уровне психологического благополучия (удовлетворенности жизнью и самоуважения), они достаточно высоки. Уровень воспринимаемой безопасности и предпочтением интеграции меньшинств на полуострове значимо выше у этнического большинства (русских). У крымских татар (этнического меньшинства) поддержка мультикультурной идеологии значимо выше, чем у русских и украинцев, а межкультурные дружеские контакты отличаются большей интенсивностью, чем у русских. При этом крымские татары предпочитают стратегию сепарации больше, чем русские и украинцы.

Далее с помощью путевого анализа мы оценили степень подтверждения гипотез настоящего исследования. Гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично во всех исследуемых этнических группах, однако со своими особенностями. У русских и украинцев безопасность позитивно взаимосвязана с мультикультурной идеологией и предпочтением интеграции, у крымских татар только с мультикультурной идеологией, при этом ни в одной группе воспринимаемая безопасность не связана с этнической толерантностью.

Это полностью согласуется с рядом предыдущих исследований, выявивших связь безопасности с мультикультурной угрозой и установками на интеграцию в Новой Зеландии (Ward, Masgoret, 2008), Эстонии (Kruusvall et al., 2009) и России (Галяпина, Лепшокова, 2017; Лепшокова, 2017; Рябиченко, Лебедева, 2017), но не согласуется с исследованиями, выявившими связь безопасности и этнической толерантности в России (Галяпина, 2017; Lebedeva, Tatarko, 2013) и Латвии (Лебедева, Татарко, 2017). По-видимому, для толерантности одной безопасности в Крыму недостаточно.

Гипотеза контакта подтвердилась полностью лишь на выборке крымских татар, межкультурные дружеские контакты которых способствуют их установкам на интеграцию и толерантность и препятствуют сепарации в межэтническом взаимодействии. Данная гипотеза подтвердилась частично у русских и

украинцев, при этом у русских контакты связаны с толерантностью, тогда как у украинцев – со стратегией интеграции. В предыдущих исследованиях было показано, что межкультурные контакты мигрантов связаны с высоким уровнем этнической толерантности, тогда как межкультурные контакты представителей принимающего населения связаны с предпочтением интеграции мигрантов (Рябиченко, Лебедева, 2017). Исследования в республиках Северного Кавказа (РСО-А, КБР, Дагестан) показали, что межкультурные дружеские контакты связаны с предпочтением взаимной интеграции в межкультурном взаимодействии (Галяпина, 2017; Галяпина, Лепшокова, 2017; Лепшокова, 2017).

Гипотеза интеграции подтвердилась полностью на выборках всех исследуемых этнических групп: межкультурная интеграция способствует психологическому благополучию жителей Крыма независимо от их этнического происхождения. Это согласуется с многочисленными исследованиями на разных выборках во многих странах (Лебедева, 2017; Berry, 2017; Berry, Hou, 2016; Lebedeva, Tatarko, 2013; Nguyen, Benet-Martinez, 2013).

В нашем исследовании, исходя из ранее проведенных исследований и особенностей социокультурного контекста Крыма, мы выдвинули исследовательский вопрос: как связана установка на сепарацию/сегрегацию с удовлетворенностью жизнью и с самоуважением у русских, украинцев и крымских татар? Выяснилось, что у русских и украинцев стратегия сепарации сопряжена с удовлетворенностью жизнью, но не сочетается с самоуважением, тогда как у крымских татар стратегия сепарации оказалась связанной как с удовлетворенностью жизнью, так и с самоуважением.

Согласно предыдущим исследованиям, сепарация является предиктором хорошей психологической, но плохой социокультурной адаптации мигрантов (Berry et al., 2006). Несмотря на то что интеграция в целом сулит наибольшие выгоды при адаптации, другие способы аккультурации, в частности сепарация, могут быть полезны в некоторых случаях. Согласно последним исследованиям на репрезентативной выборке иммигрантов в Канаде, у тех, кто предпочитал сепарацию, был высокий уровень психического здоровья (Berry, Hou, 2016). В ассимиляционистском контексте Эстонии более высокие уровни психологического благополучия были присущи тем представителям этнических меньшинств, которые были нацелены на ассимиляцию или сепарацию (Kus-Harbord, Ward, 2015; Kruusvall et al., 2009).

Согласно модели отвержения-идентификации (Rejection-Identification Model; Branscombe et al., 1999), члены притесняемых групп ищут поддержки у своей группы в ситуации дискриминации, и их этническая идентичность становится более выраженной. Это дает им чувство принадлежности и смягчает психологические последствия воспринимаемой дискриминации, что может объяснить, почему в некоторых случаях сепарация может играть адаптивную роль (Sam, Berry, 2016).

Крым с его сложной историей и в свете последних событий смены государственной принадлежности – пример получения психологической поддержки представителями каждой этнической группы во внутригрупповых

контактах и в своей групповой идентичности. Результаты нашего качественного исследования это подтверждают. Ниже мы приводим выдержки из интервью с представителями крымских татар, украинцев и русских: «...Нет, есть, конечно, другие нации, но у нас почему-то всегда все любят вот кучковаться именно сами. <...> А сейчас вот, живя здесь, в Крыму, почему-то все татары тянутся к татарам, русские к русским, украинцы к украинцам. У меня корянок сколько подруг было, и русские, и украинцы, всех было много. А у моих детей, по-моему, нету, у них все друзья татары крымские. Ну, может быть, один-два...» (крымская татарка 57 лет). «...Когда я очень нервничаю, где-то серьезная проблема, я про себя начинаю говорить на украинском, это как бы слегка помогает в какой-то момент психологически. Те, кто были украинцами, у них очень сильно, сильнее чем я себе представляла, вот эта идентичность...» (украинка, 26 лет).

Однако, по данным нашего исследования, межкультурные контакты у русских способствуют толерантности, у украинцев — интеграции, у татар — толерантности, интеграции и не способствуют сепарации. Интеграция и мультикультурная идеология повышают психологическое благополучие представителей всех групп. У русских и татар межкультурные контакты и безопасность позитивно взаимосвязаны. Это означает, что условием психологического благополучия всех жителей Крыма являются чувство безопасности языка, культуры и идентичности, равноправные межкультурные контакты и интеграция. Отличительным признаком Крыма является естественно сложившаяся поликультурность, которую местные жители воспринимают как данность и к которой относятся положительно. «...У меня управляющий компании казанский татарин, исполнительный директор — украинец, а генеральный директор вообще из Турции... Ну и, соответственно, т.е. как был и коллектив у нас, непосредственно там, менеджер по закупкам и энергетик — это крымские татары, ландшафтный дизайнер — русская. И все мы вместе, и все мы ладим очень хорошо...» (украинка, 25 лет). «У нас здесь многонациональный город. Здесь и армяне, и азербайджанцы, и грузины, и чеченцы, и дагестанцы, и башкиры и все кто хочешь есть... я не против, пожалуйста...» (крымский татарин, 27 лет). «...Крымчане отличаются тем, что тут уживается много народов, и мы все живем в мире, особенно в Евпатории. Когда отстраивали церковь, мечеть, синагогу, если у одной религиозной общины возникали трудности — другая ей помогала...» (крымский татарин, 42 года). «...Ну, наверно, да, многонациональный. Но он всегда таким был. Он не стал вчера таким, не стал с присоединением к России таким. Я тут живу с детства, и он такой с детства, я другого Крыма и не знаю по факту» (русская, 26 лет).

Особенность Крыма, которая предполагает объединение культур, также формирует у людей особое отношение к этому месту, идентификацию с ним. Многие участники опроса отмечали, что все они «крымчане», что для них очень важно быть частью Крыма, его истории, культуры. «...Я крымчанин, я здесь родился, вырос, это мой дом...» (крымский татарин, 19 лет). «...Я все время говорю, что я крымчанка, я родилась в Крыму, я здесь выросла...» (русская, 19 лет). «...Живя там (в Ташкенте), все равно мы были гости. Я не могу

назвать Узбекистан родиной, я там родилась, но родина все равно моя здесь, а там мы просто родились...» (крымская татарка, 57 лет).

Данные количественного и качественного социально-психологического исследования межкультурных отношений в Крыму позволяют нам сделать вывод о благоприятном фоне этих отношений и векторе развития Крыма в полноценное мультикультурное общество, заботящееся о сохранении культур всех населяющих его народов и стремящееся к интеграции на базе единой «крымской» идентичности, которая способствует их самоуважению и удовлетворенности жизнью.

Литература

- Галяпина, В. Н. (2017). Межкультурные отношения в Республике Северная Осетия-Алания. В кн. Н. М. Лебедева (ред.), *Межкультурные отношения на постсоветском пространстве* (с. 186–211). М.: Менеджер.
- Галяпина, В. Н., Лепشوкова, З. Х. (2017). Межэтнические отношения в современном Дагестане. В кн. Н. М. Лебедева (ред.), *Межкультурные отношения на постсоветском пространстве* (с. 212–239). М.: Менеджер.
- Гузенкова, Т. С., Неменский, О. Б., Хизриева, Г. А. (2016). Крымские татары: Особенности и проблемы интеграции в российское пространство. *Проблемы национальной стратегии*, 4(37), 31–57.
- Лебедева, Н. М. (ред.). (2017). *Межкультурные отношения на постсоветском пространстве*. М.: Менеджер.
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (ред.) (2009). Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России. М.: РУДН.
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2017). Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии. В кн. Н. М. Лебедева (ред.), *Межкультурные отношения на постсоветском пространстве* (с. 301–323). М.: Менеджер.
- Лепشوкова, З. Х. (2017). Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике. В кн. Н. М. Лебедева (ред.), *Межкультурные отношения на постсоветском пространстве* (с. 156–186). М.: Менеджер.
- Мукомель, В. И., Хайкин, С. Р. (2016). Крымские татары после «крымской весны»: Трансформация идентичностей. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3, 51–68.
- Рябиченко, Т. А., Лебедева, Н. М. (2017). Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России. В кн. Н. М. Лебедева (ред.), *Межкультурные отношения на постсоветском пространстве* (с. 57–81). М.: Менеджер.
- Федеральная служба государственной статистики. (2015). *Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе*. М.: ИИЦ «Статистика России» (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/KRUM_2015.pdf).

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Коджа Екатерина Андреевна — аспирант, департамент психологии, факультет социальных наук; стажер-исследователь, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: межкультурные отношения, идентичность, кросс-культурная психология.

Контакты: ekodja@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна — заведующая, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: этническая и кросс-культурная психология, межкультурные отношения, аккультурация мигрантов, трансмиссия ценностей, креативность, инновации.

Контакты: nlebedeva@hse.ru

Галяпина Виктория Николаевна — ведущий научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, межкультурные отношения, ценности и нормы, идентичность.

Контакты: vgalyapina@hse.ru

Лепшокова Зарина Хизировна — старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: социальная и кросс-культурная психология, межкультурные отношения, аккультурация, ценности, множественные идентичности.

Контакты: zlepshokova@hse.ru

Рябиченко Татьяна Анатольевна — старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: межкультурные отношения, аккультурация, ценности, культурная преемственность, идентичность.

Контакты: tryabichenko@hse.ru

Intercultural Relations in Russian Crimea: Empirical Testing of Three Hypotheses

E.A. Kodja^a, N.M. Lebedeva^a, V.N. Galyapina^a, Z.Kh. Lepshokova^a, T.A. Ryabichenko^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

This article examines intercultural relations in Crimea - one of the multicultural regions of Russia. Our goal was to test three hypotheses in Crimea: the multiculturalism hypothesis, the integration hypothesis, and the contact hypothesis. The sample included members of the ethnic majority in Crimea, Russians (N = 195), and members of the ethnic minorities, Crimean Tatars (N = 197) and Ukrainians (N = 196). Data processing was carried out using path analysis. We additionally conducted 25 interviews with the members of three ethnic groups to deeper analyze the results of the quantitative study. The results showed partial support for the multiculturalism hypothesis: perceived security was linked with support for a multicultural ideology and integration among Russians and Ukrainians, and support for multicultural ideology among Crimean Tatars, however, there was no significant correlation with tolerance in the three samples. The contact hypothesis was partially confirmed: intercultural contacts predicted support for tolerance among Russians, preference for integration among Ukrainians, and both tolerance and integration among Crimean Tatars. Integration hypothesis was fully confirmed: preference for integration promotes well-being in three samples. However, the preference for separation promoted self-esteem among Crimean Tatars and life satisfaction among three ethnic groups. The results of the research are discussed from the perspective of the socio-cultural and historical context of interethnic relations in Crimea.

Keywords: intercultural relations, acculturation, ethnic minority, multiculturalism, integration, intercultural contacts, Crimea.

References

- Abu-Rayya, H. M., & Sam, D. L. (2017). Is integration the best way to acculturate? A re-examination of the bicultural-adaptation relationship in the "ICSEY-data set" using the bilinear method. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 48(3), 287–293. doi:10.1177/0022022116685846
- Berry, J. W. (1984). Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 16, 353–370. doi:10.1037/h0080859
- Berry, J. W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology*, 46(1), 5–34. doi:10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
- Berry, J. W. (Ed.). (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781316875032
- Berry, J. W., & Hou, F. (2016). Acculturation and wellbeing among immigrants to Canada. *Canadian Psychology: Special Issue on Immigrants and Refugees in Canada*, 57, 254–264. doi:10.1037/cap0000064

- Berry, J. W., Phinney, J. S., Sam, D. L., & Vedder, P. (2006). Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology, 55*, 303–332. doi:10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x
- Branscombe, N. R., Schmitt, M. T., & Harvey, R. D. (1999). Perceiving pervasive discrimination among African-Americans: Implications for group identification and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology, 77*, 135–149. doi:10.1037/0022-3514.77.1.135
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment, 49*, 71–75. doi:10.1207/s15327752jpa4901_13
- Federal State Statistics Service. (2015). *Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge* [Results of the population census in the Crimean Federal district]. Moscow: Statistika Rossii. Retrieved from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/KRUM_2015.pdf (in Russian)
- Galyapina, V. N. (2017). Mezhhkul'turnye otnosheniya v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya [Intercultural relations in the Republic of North Ossetia-Alania]. In N. M. Lebedeva (Ed.), *Mezhhkul'turnye otnosheniya na postsovetском prostranstve* [Intercultural relations in the Post-Soviet space] (pp. 186–211). Moscow: Menedzher. (in Russian)
- Galyapina, V. N., & Lepshokova, Z. H. (2017). Mezhetnicheskie otnosheniya v sovremennom Dagestane [Interethnic relations in contemporary Dagestan]. In N. M. Lebedeva (Ed.), *Mezhhkul'turnye otnosheniya na postsovetском prostranstve* [Intercultural relations in the Post-Soviet space] (pp. 212–239). Moscow: Menedzher. (in Russian)
- Grad, H. (2017). Intercultural relations in Spain. In J. W. Berry (Ed.), *Mutual intercultural relations* (pp. 249–267). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781316875032.013
- Guzenkova, T. S., Nemenskiy, O. B., & Khizrieva, G. A. (2016). Krymskie tatyary: Osobennosti i problemy integratsii v rossiyskoe prostranstvo [Crimean Tatars: specifics and problems of integration into the Russian space]. *Problemy Natsional'noy Strategii [National Strategy Issues], 4*(37), 31–57. (in Russian)
- Jasinskaja-Lahti, I., Horenczyk, G., & Kinunen, T. (2011). Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies, 37*(9), 1423–1440. doi:10.1080/1369183X.2011.623617
- Kruusvall, J., Vetik, R., & Berry, J. W. (2009). The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians. *Studies of Transition States and Societies, 1*, 3–24.
- Kus-Harbord, L., & Ward, C. (2015). Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation, 4*(1), 66–81. doi:10.1037/ipp0000025
- Lebedeva, N. M. (Ed.). (2017). *Mezhhkul'turnye otnosheniya na postsovetском prostranstve* [Intercultural relations in the Post-Soviet space]. Moscow: Menedzher. (in Russian)
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (Eds.). (2009). *Strategii mezhhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii: Sbornik nauchnykh statey* [Strategies for the intercultural interaction of migrants and the population of Russia: A collection of scientific articles]. Moscow: RUDN University. (in Russian)
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2013). Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia. In E. Tartakovsky (Ed.), *Immigration: Policies, challenges and impact* (pp. 179–194). New York: Nova Science.

- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2017). Mezhhkul'turnye otnosheniya latyshej i russkih v postsovet-skoj Latvii [Intercultural relations between Latvians and Russians in Post-Soviet Latvia]. In N. M. Lebedeva (Ed.), *Mezhhkul'turnye otnosheniya na postsovet'skom prostranstve* [Intercultural relations in the Post-Soviet space] (pp. 301–323). Moscow: Menedzher. (in Russian)
- Lepshokova, Z. H. (2017). Mezhhkul'turnye otnosheniya kabardintsev, balkartsev i russkih v Kabardino-Balkarskoj Respublike [Intercultural relations between Kabardians, Balkars and Russians in the Kabardino-Balkar Republic]. In N. M. Lebedeva (Ed.), *Mezhhkul'turnye otnosheniya na postsovet'skom prostranstve* [Intercultural relations in the Post-Soviet space] (pp. 156–186). Moscow: Menedzher. (in Russian)
- Mukomel, V. I., & Khaykin, S. R. (2016). Crimean Tatars after the “Crimean spring”: transformation of identities. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Economicheskoe i Sotsial'nye Peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 3, 51–68. (in Russian)
- Nguyen, A.-M. D., & Benet-Martinez, V. (2013). Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44, 122–159. doi:10.1177/0022022111435097
- Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image*. Princeton, NJ: Princeton University Press. doi:10.1515/9781400876136
- Ryabichenko, T. A., & Lebedeva, N. M. (2017). Vzaimnaya akkul'turatsiya migrantov i prini-mayshchego naseleniya v tsentral'noy Rossii [Mutual acculturation of migrants and the host pop-ulation in Central Russia]. In N. M. Lebedeva (Ed.), *Mezhhkul'turnye otnosheniya na postsovet'skom prostranstve* [Intercultural relations in the Post-Soviet space] (pp. 57–81). Moscow: Menedzher. (in Russian)
- Sam, D. L., & Berry, J. W. (Eds.). (2016). *Cambridge handbook of acculturation psychology* (2nd ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Tropp, L. R., & Pettigrew, T. F. (2005). Relationships between intergroup contact and prejudice among minority and majority status groups. *Psychological Science*, 16, 951–957. doi:10.1111/j.1467-9280.2005.01643.x
- Ward, C., & Masgoret, A.-M. (2008). Attitudes toward immigrants, immigration and multiculturalism in New Zealand. *International Migration Review*, 42, 222–243. doi:10.1111/j.1747-7379.2007.00119.x

Ekaterina A. Kodja — research intern, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; Ph.D. student, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics.
Research area: intercultural relations, identity, cross-cultural psychology.
E-mail: ekodja@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva — head, International Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics”, D.Sc., professor.
Research area: ethnic and cross-cultural psychology, intercultural relations, acculturation of migrants, values transmission, creativity, innovation.
E-mail: nlebedeva@hse.ru

Victoria N. Galyapina — leading research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
Research area: cross-cultural psychology, intercultural relations, values and norms, identity.
E-mail: vgalyapina@hse.ru

Zarina Kh. Lepshokova — senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

Research area: social and cross-cultural psychology, intercultural relations, acculturation, values, multiple identities.

E-mail: taimiris@yandex.ru; zlephokova@hse.ru

Tatiana A. Ryabichenko — senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

Research area: intercultural relations, acculturation, values, cultural continuity, identity.

E-mail: tryabichenko@hse.ru

RELIGIOUS IDENTIFICATION AND ATTITUDE TOWARD ECONOMIC INVOLVEMENT AMONG CHRISTIANS AND MUSLIMS IN RUSSIA

M.V. EFREMOVA^a, Z.KH. LEPSHOKOVA^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

This study presents the results of empirical research into the relationship between strength and positivity of religious identification and attitudes towards economic behavior in a group of Orthodox Christians and Sunni Muslims in Russia (N = 820). In order to measure strength and positivity of religious identification, we used two components based on the Social Identity Theory. Attitudes toward models of economic behavior were measured through economic attitudes based on a scenario approach. The results revealed that attitudes towards three models of economic behavior can be clustered into a single economic involvement factor. In addition, generalized economic involvement was confirmed by CFA in both religious groups. In our study we found that strength and positivity of religious identification are differently associated with attitudes toward economic involvement in the two groups. Thus, it was concluded that the strength of religious identification negatively related to attitudes reflecting economic involvement. Positivity of religious identification was found to have a positive association with economic involvement. However, the further MGSEM demonstrated that the relationship between positivity of religious identification and economic involvement had interfaith specifics: positivity of religious identification was positively related to the models of economic involvement only in the group of Christians, while in the group of Muslims this relationship was insignificant. The results are discussed in terms of features of religious identification in these two groups.

Keywords: religious identification, economic attitudes, models of economic behavior, economic involvement, Christians, Muslims, Russia.

Introduction

Although research on the role of religion in human behavior originated more than a century ago (Weber, 1978), the defining nature of religion in our lives still remains a controversial issue (Iannaccone, 1998).

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

However, religion as a socially sustained system of beliefs, values, norms, symbols, and practices (Cohen, 2009) continues to play an important role in the lives of people in most societies (Iannaccone, 1998; Parboteeah, Paik & Cullen, 2009). The present study examines differences in the relationship between strength and positivity of religious identification, and models of economic behavior. The relevance of the study is determined by several factors. First, the role of religious identification, which also functions as a factor of ethnic differentiation and integration, has increased in recent years (WIN – Gallup International Association, 2012). Second, the present study does not focus on macroeconomic and social problems, but rather on social and economic attitudes and models of peoples' behavior that are often imbued within a culture and eventually determine the socioeconomic development of a country (Basedau, Gobien, & Prediger, 2018; Guiso, Sapienza, & Zingales, 2006).

The novelty of the study is the focus on the role of strength and positivity of religious identification at increasing attitudes toward economic involvement.

Previous empirical research indicated that there is a stable relationship between religious affiliation and economic attitudes (Dana, 2009; Parboteeah et al., 2009; Hayward & Kemmelmeier, 2011). Several studies suggest that religion has a regulatory effect on individual economic behavior (Barro & McCleary, 2003; Benjamin, Choi, & Fisher, 2010; Putnam, 1993; Dana, 2009). What is the nature of that effect? To answer this question, some studies indicate that religion is positively correlated with attitudes that favor the free market and its institutions. The results of a study conducted on a sample of representatives from six religious groups (Catholics, Protestants, Jews, Muslims, Hindus, and Buddhists) reveal that religious people tend to be more trustful towards others and the state, and are more likely to believe that market outcomes are fair. On the other hand, they investigated the effect of religiosity in relation to women's rights but results showed a less tolerant and less sympathetic correlation. Religiosity correlates with a higher emphasis on thrift, strong feelings of individual responsibility (Guiso, Sapienza, & Zingales, 2003). At the same time, other studies demonstrate that religion can be seen as a source of conflicts that hinder effective management in different cultures (Parboteeah et al., 2009).

The question of exactly which psychological characteristics form the basis for the differences between religious and non-religious people and to what extent they may be manifested in the socioeconomic sphere were partly clarified in a study by Schwartz and Huisman (1995) where it was established that religiosity is negatively associated with the values of Achievement, Stimulation, and Self-Direction. This finding suggests that the opposition of self-enhancing, materialistic aspects of Achievement values and the Self-transcending anti-materialism of religious teachings may constitute a rather important link between these values and religiosity.

A number of studies explain the positive relationship between religiosity and individual achievements by referring to the influence of religious norms (Ellison, 1991; Freeman, 1986). In this context it should be emphasized that the majority of studies examining the role of religious identification focus on major religions (such as Christianity, Islam, Judaism, and Buddhism) without taking into account the internal divisions, each bearing different religious norms. Based on the results of a

series of cross-denominational studies, Parboteeah, Paik and Cullen (2009) suggest that people belonging to all forms of Christianity share the same attitude to work. However, it was found that there are differences in values in relation to work among representatives of Protestantism, Catholicism, and Orthodoxy.

These empirical results indicate that the analysis of the relationship between religious identification and economic attitudes and perceptions requires a consideration of the features of a particular religion's beliefs. More specifically, in Orthodoxy this relationship has an antinomic character: from an Orthodox perspective, any economic activity may be both good and bad depending on "the motivation behind it, the purpose of the activity" (Koval', 1994, p. 66). Orthodoxy does not have a specifically developed and theologically sound economic ethics. Conversely, Protestantism provides greater freedom and mobility, thus the Christian doctrine of morality requires a greater responsibility and places a greater emphasis on personal faith than on universal obedience. On the contrary, all aspects of a Muslim's life are governed by Islamic law (Sharia). This results in a specific status of Islamic identification in the sense that Islam is "not only a religion but a secular social system" (Kudryashova, 2012, p. 158). By institutionalizing virtually all spheres of human life and society, "Islam becomes a way of life" (Albakova, 2009, p. 37). As social identification is defined as an awareness of belonging to a group, the adoption of values, attitudes, and norms important for members of this group (in this case, religious ones) is the outcome of identification.

Components of religious identification. Our study views religious identification as a multidimensional construct (Allport, 1950; Glock, 1962) and, as a part of social identification, it includes cognitive, emotional, and behavioral components (Glock, 1962; Elçi, Şener, & Alpkın, 2011). These components are relatively independent (Ashmore, Deaux, & McLaughlin-Volpe, 2009) and each of them has a corresponding impact on the formation of attitudes and patterns of individual behavior inasmuch as religious identification does not form by itself but in conjunction with other components of social identification (Ammerman, 2003). The behavioral component is less universal for representatives of the two religions being investigated, therefore it was excluded from our analysis. In the present study, we focus on two elements: strength and positivity of religious identification. Subjective religiosity is a universal construct for both Christianity and Islam, which adequately reflects affiliation to a religious group. It seems plausible to study the affective component of religiosity in terms of positivity of religious identification since previous research demonstrated that it leads to positive outcomes of identification (Amiot & Sansfaçon, 2011; Tajfel, 1978).

This study analyses the relationship between the strength and positivity of religious identification and models of economic behavior in a group of Orthodox Christians and Sunni Muslims.

The model of economic behavior and economic involvement

Researchers emphasized different aspects of economic behavior, and thus it is conceptualized in many different ways. Some defined economic behavior as a specific

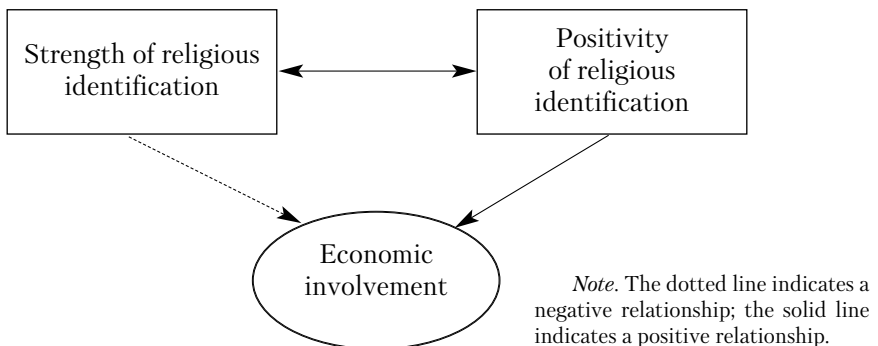
behavior in the economic sphere of one's life (Lea, Webley, & Levine, 1993; Lea, 1999). Others viewed it as any behavior that relates to money, time or effort (Webley, Burgoyne, Leo, & Young, 2001). However, neither definition includes all possible types of economic behavior. Nowadays, there are several specific directions in economic behavior research (Kirchler & Holzl, 2006). Researchers are focusing on aspects of economic behavior, such as consumer behavior, financial behavior (including investments), entrepreneurship, and job market behavior. The variety of theoretical approaches to personality in psychology results in a variety of models of economic behavior. In the present study, we define attitudes towards economic behavior as economic involvement. Although economic involvement does not relate to specific types of economic behavior, it reflects the level of economic activity. We study attitudes towards economic behavior using a scenario approach (Smith et al., 2002) that helped develop models of economic behavior (scenarios for economic involvement were designed by members of the Scientific-Educational Laboratory of Socio-Psychological Research at HSE in 2010). Individuals with high economic involvement will score highly for economic independence in decision making, economic activity, and orientation toward long-term planning in economic behavior. We tested this theoretical assumption using CFA. It is important to note that models of economic behavior reflect attitudes towards behavior and not behavior itself. We use the term "models of economic behavior" further in the text.

Strength of religious identification and models of economic involvement

Based on the results of past studies, we formulate the following hypothesis. Despite significant differences in the postulates of faith, representatives of different religions share the same basic moral principles of social and economic ethics and prioritize spiritual values over material ones. Therefore, we hypothesize that (H1) the strength of religious identification is negatively related to attitudes of economic involvement defined as economic activity, independence, and long-term perspectives in economic behavior (Figure 1).

Figure 1

The Model of the Relationship between Strength and Positivity of Religious Identification and Economic Involvement

Positivity of religious identification and models of economic involvement

Past research has suggested that three components of social identification (cognitive, evaluative, and emotional) are empirically distinct and relate differently to key outcome variables (Bergami & Bagozzi, 2000). The emotional component has been shown to most clearly “supply the motivational force” leading to action or the “readiness to engage in or disengage from interaction” (Ibid., p. 563).

Psychological well-being is one of the outcomes of positive religious identification, and also an affective component of social identity (Ashmore et al., 2009; Greenfield & Marks, 2007). Psychological well-being is positively related to phenomena that reflect the active orientation of an individual, allowing them to restructure individual life goals and improve their quality of life, e.g. autonomy, self-actualization, dispositional and learned optimism (Csikszentmihalyi, 1999). Each of these phenomena reflects an individual’s active orientation. Therefore, we hypothesize that (H2) positivity of religious identification is positively related to attitudes of economic involvement defined as economic activity, independence, and long-term perspectives in economic behavior (Fig. 1).

Method

Participants. The study presents the results of a survey conducted in Russia (Moscow, Kazan’, Penza, Vladikavkaz, Nazran’, Grozny, Stavropol’). The sample included 820 people: 392 men and 428 women aged 15–70 (M = 34). The sample consisted of representatives of two denominations: Orthodox Christians (N = 559) and Sunni Muslims (N = 261). Social demographic characteristics are presented in Table 1.

Regarding education, 1.7% respondents had incomplete secondary education (4.8% of Christians, 1.1% of Muslims); 29.5% of respondents had complete secondary

Table 1

Socio-Demographic Characteristics of the Sample

Religious groups	Ethnic groups	N	Gender		Age	
			Male	Female	Mean (SD)	Range
Orthodox Christians	Russians N = 486 Ossetians N = 53 Ukrainians N = 6 Armenians N = 6 Chuvashs N = 3 Evens N = 5	559	269	290	36.3 (13.8)	15–70
Sunni Muslims	Russians N = 34 Ingushs N = 107 Chechens N = 77 Ossetians N = 3 Tatars N = 40	261	123	138	31.5 (12.8)	17–60

or specialized secondary education (51.3% of Christians, 29.9% of Muslims); 48.4% of respondents had higher education, i.e. bachelor's, or master's degree (38% of Christians, 43.3% of Muslims). 76.5% respondents had a job (77.1% of Christians, 75.1% of Muslims).

Measures

Independent variables: *Religious identification*

Respondents were asked to rate the strength of their religious identification by answering the question "How would you rate your level of religiosity?" on a 7-point scale: this item was retrieved from the European Social Survey (ESS, 2010). We constructed a question to measure the degree of positivity of religious identification. Respondents were asked to assess the type of feelings they associated their religion with on a 7-point scale, with 1 as "very negative" and 7 as "very positive".

Dependent variables: *Models of economic behavior*

To identify the models of economic behavior, specifically "economic involvement", we used a methodology of economic behavior scenarios which allows the identification of economic attitudes. This methodology is based on the scenario approach that was developed in the Scientific-Educational Laboratory of Socio-Psychological Research at HSE in 2010. It was validated on a sample of 424 respondents in two cities in Russia (Tatarko et al., 2011). The respondents were given a description of a scenario and were then asked to evaluate the situation using two scales: one assesses their willingness to act in the same way as in the vignette (the behavioral component of the attitude) and the other measures the emotional preference for this behavior (the affective component of the attitude). Each indicator of economic behavior has a bipolar dimension.

We included several scenarios of economic behavior in order to measure the level of economic involvement. These scenarios are economic paternalism vs. independence; focus on long-term vs. short-term perspective in economic behavior; economic activity vs. passivity.

For each situation, respondents were asked to evaluate the behavior of two people on a 7-point scale indicating:

(a) the behavior of the person who they liked the most and to what extent (the "Emotional preference" scale) (-3 – I like Alexander's behavior more; 0 – I don't know; 3 – I like Vasily's behavior more);

(b) how likely the respondent was willing to act similarly to one of the characters (the "Willingness" scale) (-3 – I would do as Alexander did; 0 – I don't know; 3 – I would do as Vasily did).

The situations were designed so that the behavior of one character reflects one pole of the dimension of economic behavior, and the behavior of the second reflects the opposite pole of this dimension, i.e. Alexander and Vasily's behaviors are opposite.

The personal data set included questions on the respondent’s age, sex, education, place of study/work, employment status and nationality. We used education and employment status as control variables.

Procedure. A questionnaire in Russian was individually completed by respondents in the interviewer’s presence. The average time for filling in the questionnaire was approximately 25 minutes.

Data analysis. We compared means using Student’s *t*-test. We also performed CFA in order to test the factorial structure of the model. To identify relationships between the variables, we used multi-group structural equation modelling (MGSEM) using the maximum likelihood estimation method. The data was analysed using SPSS 22 and AMOS (Version 22).

Results

Table 2 presents the means and standard deviations. The mean score for the Sunni Muslims on the positivity of religious identification measure is close to the scale’s upper limit and the standard deviation is relatively low, suggesting a ceiling effect. In total, 53.6% of the participants had the maximum score of 7 on this measure and 93.8% had scores of 5 or above. On all other measures, the mean score is around the scale midpoint and the range is wider. Not surprisingly, due to the lack of variability in the range of responses for this measure, positivity of religious identification was not associated with economic involvement.

We found significant differences between the two religious groups in attitudes toward economic independence. Economic independence is significantly higher in the group of Muslims than in the group of Christians. Cohen’s *d* coefficients are relatively low. This means that the differences might depend on the sample sizes.

Table 2

Means and Standard Deviation

Variables	Orthodox Christians		Sunni Muslims		t-test	Cohen’s d
	M	SD	M	SD		
<i>Independent variables</i>						
Strength of religious identification	3.79	1.22	5.05	1.37	-13.15***	.97
Positivity of religious identification	5.11	1.24	6.19	0.91	-12.17***	.99
<i>Dependent variables</i>						
Economic independence	3.56	1.41	3.95	1.30	-3.77***	.28
Long-term perspectives in economic behavior	3.53	1.42	3.58	1.29	-0.41	.03
Economic activity	3.63	1.40	3.69	1.34	-0.65	.04

*** $p < 0.001$.

The next section consists of two parts: in the first part the results of CFA run with variables measuring models of economic behavior are presented; in the second section we focus on the results of SEM.

We assumed that economic involvement forms a single factor derived from the three scenarios of economic independence, long-term perspectives in economic behavior, and economic activity. Each of them is the result of a combination of emotional preference and willingness scales. Therefore we tested the model using CFA on the combined sample (N=820). The model is presented in Figure 2.

Characteristics of the model are the following: CMIN/DF = 3.22; CFI = .99, RMSEA = .05, PCLOSE = .40. The model characteristics fit our data well enough to confirm the existence of one factor of economic involvement. Then we tested the resulting scales for scalar invariance in a multi-group simultaneous CFA with two religious samples. The characteristics of the model are: CMIN/DF = 1.65; CFI = .99, RMSEA = .03, PCLOSE = .91. Full scalar invariance was CFI = .001. Table 3 shows the standardized regression weights of the variables included in the economic involvement factor for the combined sample and both religious samples.

The models of economic behavior that form the factor of economic involvement have significant regression coefficients that confirm the overall and interfaith validity of the creation of the unified economic involvement factor.

The results of CFA demonstrated that the concept of economic involvement reflects the willingness to be economically independent, active, with the desire and willingness to build long-term prospects for economic behavior.

Prior to conducting the MGSEM on the groups of Orthodox Christians and Sunni Muslims, we compared means of religious identification in these two groups. *t*-test showed that strength and positivity of religious identification were significantly higher ($p < 0.001$) among the Muslims (5.11 and 6.19, respectively) than among the Christians (3.79 and 5.05).

Figure 2

The Model of Economic Behavior with the General Economic Involvement Factor

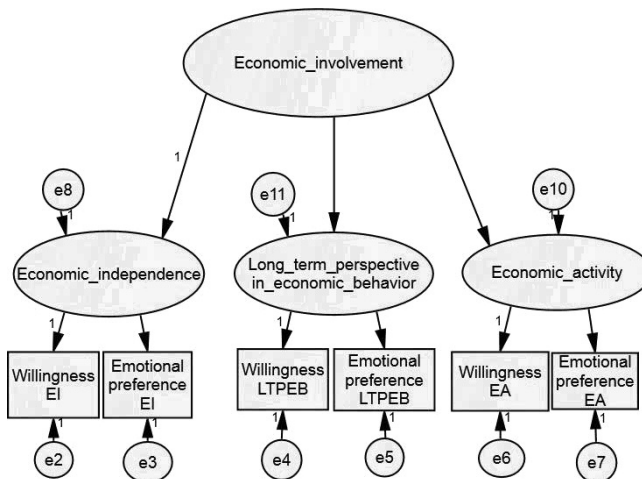

Table 3

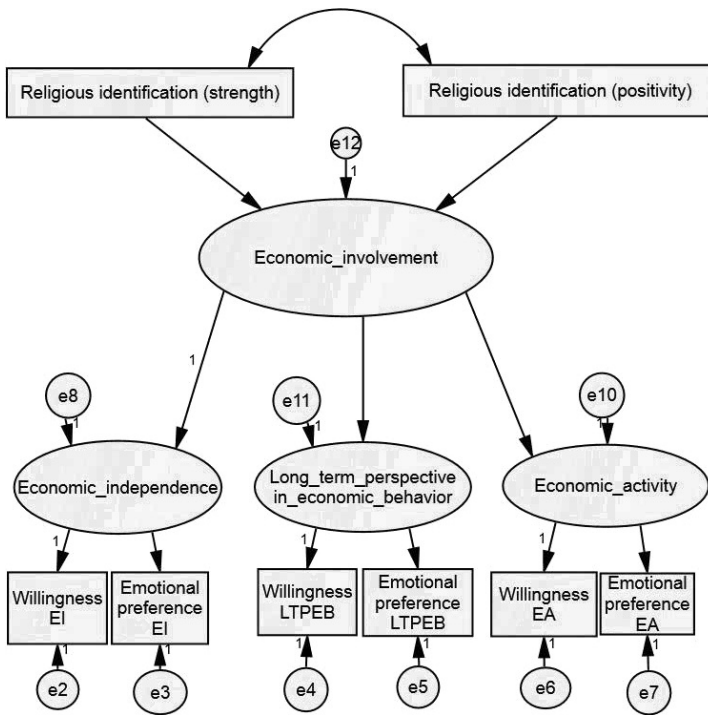
Standardized Factor Loadings for the Models of Economic Behavior
(Economic Involvement Factor)

Factor	Models of economic behavior	Combined sample	Christian Orthodox	Sunni Muslims
Economic involvement	Economic independence	.74***	.78***	.60***
	Long-term perspective in economic behavior	.62***	.72***	.39***
	Economic activity	.73***	.71***	.83***

*** $p < 0.001$.

Figure 3

The Model of the Relationship between Strength and Positivity of Religious Identification and Economic Involvement

To test H1 (the relationship between strength and positivity of religious identification and models of economic behavior that reflect economic involvement attitudes) we used SEM. Figure 3 presents the model of the relationship between strength and positivity of religious identification and economic involvement in the representatives of Christianity and Islam. The results are presented in Figure 3.

Table 4

**The Relationship between Strength and Positivity of Religious Identification
and Economic Involvement**

The relationship between strength and positivity of religious identification and economic involvement	Combined sample	Christian Orthodox	Sunni Muslims
Religious identification (strength) → Economic Involvement	-.11*	-.11*	-.18*
Religious identification (positivity) → Economic involvement	.13**	.12*	.04
Religious identification (strength) ↔ Religious identification (positivity)	.46***	.47***	.56***

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

The characteristics of the unified sample models are: CMIN/DF = 1.83; CFI = .99; RMSEA = .05; PCLOSE = .94; for multi-group (Christian Orthodox + Sunni Muslims): CMIN/DF = 1.30; CFI = .99; RMSEA = .02; PCLOSE = 1.000. The regression weights in the whole sample, as well as in the two samples split by religious affiliation, are presented in Table 4.

The results indicated that strength of religious identification is negatively associated with economic involvement attitudes. We found the same results in the MGSEM on the Orthodox and Sunni samples.

Positivity of religious identification was positively associated with economic involvement models. However, in the MGSEM, this result was found only in the group of Christians.

In order to avoid multicollinearity between the strength and positivity of religious identification, which were found to be significantly correlated, we calculated variance inflation factor coefficient (VIF). The results showed that VIF is lower than 10. The tolerance indicator was also within acceptable limits (> 0.3), which excludes the presence of the direct effect between strength and positivity of religious identification. Therefore we concluded that there was no multicollinearity between these two variables.

When controlling for education ($B = -.06$, $p > .05$) and employment status ($B = -.04$, $p > .05$), the relationship of the strength and positivity of religious identification with economic involvement remain significant.

Discussion

This paper studies the relationship between the characteristics of religious identification and models of economic behavior in groups of Orthodox Christians and Sunni Muslims. The results are consistent with previous research and support the idea that religion is associated with attitudes toward economic behavior (Dana, 2009; Parboteeah et al., 2009; Hayward & Kimmelmeier, 2011).

We found statistically significant interfaith differences in religious identification: strength of religious identification is significantly higher in the Muslim group. Muslims are characterized by a close relationship between ethnic and religious identification, since maintaining religious identification is a means to preserve their culture and the boundaries of their own ethnic group. Positivity of religious identification was also significantly higher in the Muslim group indicating consistent and more pronounced religiosity.

The presence of positive identification among respondents of both faiths suggests that the identification is voluntary, with high value for the person in general; while the awareness of forced identification leads to unfavorable evaluations (Amiot & Sansfaçon, 2011), in our results we recorded only positive scores.

Our study supported the hypothesis that strength of religious identification is negatively associated with economic involvement. S. Schwartz postulated that religious people showed lower levels of achievement and stimulation (Schwartz & Huisman, 1995). However, it is important to consider that those values form economically active behavior. For deeply religious Orthodox Christians and Sunni Muslims, the desire to take action in the economic sphere to increase material well-being, the willingness to build long-term prospects in economic behavior, and an interest in economics are nonessential. This confirms our assumption that lack of materialism in religious teachings is shared by members of the group and determines behaviors via social interaction. This hypothesis was supported both in the combined sample of Orthodox and Muslim people (SEM), and in two independent samples by religious affiliation (MGSEM). The hypothesis that positivity of religious identification is positively related to attitudes of economic involvement was also supported. It was revealed that positivity of religious identification promotes economic involvement attitudes. This is explained by the fact that the affective component of religious identification, i.e. actively participating achieves positive self-esteem (Tajfel, 1978), and promotes psychological well-being (Ashmore et al., 2004). Psychological well-being is closely linked to the active orientation of a person (such as autonomy and self-actualization) (Csikszentmihalyi, 1999). Thus, via psychological well-being, a positive religious identification promotes activity attitudes, in particular in economic behavior. However, this result was significant only in the group of Orthodox Christians, while positivity of religious identification did not have any effect on economic involvement among the Sunni Muslims. MGSEM showed that this relationship is also positive for them, though not statistically significant. The positive relationship between positivity of religious identification and economic involvement in the group of Christians can be explained by the fact that this group largely considers individual values, such as self-direction of thought and action, and openness to change, in a greater measure when compared to Muslims (Efremova & Lepshokova, 2013). Therefore, members of first group have more freedom and opportunities for individual choice, including economic involvement as well. People of different religions have different religious norms that promote specific orientations (Parboteeah et al., 2009). For example, in Islam, participation and the quest for economic activity is considered a religious duty (Yosef, 2000), therefore it is part of their bonds with the community. Thus, rates of economic

proactivity are higher in the group of Muslims than in the group of Christians. The lack of association between positivity of religious identification and economic involvement is not entirely surprising given the lack of variance in the responses to the positivity of religious identification measure. Indeed, the majority of responses were at (or very close to) the scale upper limit, suggesting a ceiling effect. This is consistent with M. Verkuyten's (2007) argument that Muslim identification is more like a nominal variable than a continuous variable, as one is either a believer or not (Triandis, 1992). Religious norms and rules affected by culture serve as behavioral guidelines. More importantly Islamic economic ethics is reflected in the sacred texts and in the system of doctrinal statements on economic relations. In Islam, laws defining and regulating market relations were formulated quite early (Susokolov, 2006).

When studying attitudes toward economic involvement in Muslims, it is important to look closely at the behavioral components of identity. It might help to identify more specifically how Islamic religious norms impact attitudes to economic involvement.

In our study we found that the strength and positivity of religious identification are associated differently with attitudes toward economic involvement.

Conclusions and Limitations

The link between religion and economic behavior has increasingly attracted scientific attention (Basedau et al., 2018). In our study we investigated relationship between strength and positivity of religious identification and attitudes towards economic behavior in a group of Orthodox Christians and Sunni Muslims in Russia. We found that strength and positivity of religious identification are related to economic involvement in a different way. In particular, strength of religious identification was not conducive to attitudes reflecting economic involvement. Positive religious identification was found to have a positive effect on economic involvement attitudes. Comparative analysis demonstrated that the relationship between positivity of religious identification and economic involvement has inter-faith specifics: positivity of religious identification was positively associated with economic involvement only in the group of Orthodox Christians, while in the group of Sunni Muslims, this association was not significant due to the ceiling effect.

The current research offers important insights but some limitations should be noted. First, in the current study the sample was collected only in Russia. Orthodox and Muslims were represented by members of different ethnic groups. The same relationships should be tested in other ethnic/national groups. Second, there was a lack of consideration of moderating factors (social and political) which also impact economic attitudes and views. Third, we took a closer look at cognitive and affective components of attitudes through self-reports, but did not focus on the behavior itself.

References

- Albakova, F. U. (2009). Kanony sotsial'no-ehkonomicheskoy deyatel'nosti v islame [The canons of socio-economic activity in Islam]. In S. V. Pirogova (Ed.), *Cennostnye orientiry v ehkonomicheskoy srede islamskogo mira* [Values in the economic environment of the Islamic world] (pp. 37–46). Moscow: Mir'is. (in Russian)
- Allport, G. W. (1950). *The individual and religion*. New York: MacMillan.
- Amiot, C. E., & Sansfaçon, S. (2011). Motivations to identify with social groups: A look at their positive and negative consequences. *Group Dynamics: Theory, Research and Practice, 15*, 105–127. doi:10.1037/a0023158
- Ammerman, N. T. (2003). Religious identities and religious institutions. In M. Dillon (Ed.), *Handbook of the sociology of religion* (pp. 207–224). New York: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511807961.016
- Ashmore, R. D., Deaux, K., & McLaughlin-Volpe, T. (2004). An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality. *Psychological Bulletin, 130*, 80–114. doi:10.1037/0033-2909.130.1.80
- Barro, R. J., & McCleary, R. M. (2003). Religion and economic growth. *American Sociological Review, 68*(5), 760–781. doi:10.2307/1519761
- Basedau, M., Gobien, S., & Prediger, S. (2018). The multidimensional effects of religion on socioeconomic development: A review of the empirical literature. *Journal of Economic Surveys, 32*(4), 1106–1133. doi:10.1111/joes.12250
- Benjamin, D. J., Choi, J. J., & Fisher, G. W. (2010). *Religious identity and economic behavior* (NBER Working Paper No. 15925). Retrieved from <https://www.nber.org/papers/w15925.pdf>
- Bergami, M., & Bagozzi, R. P. (2000). Self categorization, affective commitment and group self-esteem as distinct aspects of social identity in the organization. *British Journal of Social Psychology, 39*(4), 555–577. doi:10.1348/014466600164633
- Cohen, A. B. (2009). Many forms of culture. *American Psychologist, 64*(3), 194–204. doi:10.1037/a0015308
- Csikszentmihalyi, M. (1999). If we are so rich, why we aren't happy? *American Psychologist, 54*(10), 821–827. doi:10.1037/0003-066X.54.10.821
- Dana, L. P. (2009). Religion as an explanatory variable for entrepreneurship. *International Journal of Entrepreneurship and Innovation, 10*(2), 87–99. doi:10.5367/000000009788161280
- Efremova, M. V., & Lepshokova, Z. H. (2013). Vzaimosvjaz' cennostej i ekonomicheskikh ustanovok u rossijskikh studentov: mezhkonnessional'nyj analiz [Relationship between values and economic attitudes in Russian students: Interconfessional analysis]. *Kul'turno-Istoricheskaya Psihologija [Cultural-Historical Psychology], 2*, 18–26. (in Russian)
- Elçi, M., Şener, I., & Alpkan, L. (2011). The impact of morality and religiosity of employees on their hardworking behavior. *Procedia Social and Behavioral Sciences, 24*, 1367–1377. doi:10.1016/j.sbspro.2011.09.135
- Ellison, C. G. (1991). Religious engagement and subjective well-being. *Journal Health and Social Behavior, 32*, 80–99.
- Freeman, R. B. (1986). Who escapes? The relation of churchgoing and other background factors to the socioeconomic performance of black male youths from inner-city tracts. In R. B. Freeman (Ed.), *The black youth employment crisis* (pp. 353–376). Chicago, IL/London: University of Chicago Press. doi:10.3386/w1656

- Glock, C. Y. (1962). On the study of religious commitment. *Research Supplement to Religious Education*, 57, 98–110. doi:10.1080/003440862057S407
- Greenfield, E. A., & Marks, N. F. (2007). Religious social identity as an explanatory factor for associations between more frequent formal religious participation and psychological well-being. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 17(3), 245–259. doi:10.1080/10508610701402309
- Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2003). People's opium? Religion and economic attitudes. *Journal of Monetary Economics*, 50(1), 225–282. doi:10.1016/S0304-3932(02)00202-7
- Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2006). Does culture affect economic outcomes? *Journal of Economic Perspectives*, 20(2), 23–48. doi:10.1257/jep.20.2.23
- Hayward, R. D., & Kemmelmeier, M. (2011). Weber revisited: A cross-national analysis of religiosity, religious culture, and economic attitudes. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42, 1406–1420.
- Iannaccone, L. R. (1998). Introduction to the economics of religion. *Journal of Economic Literature*, 36(3), 1465–1496.
- Kirchler, E., & Holzl, E. (2006). Twenty-five years of the Journal of Economic Psychology (1981–2005): A report on the development of an interdisciplinary field of research. *Journal of Economic Psychology*, 27(6), 793–804.
- Koval', T. B. (1994). Etika truda pravoslaviya [Orthodox work ethic]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, 6, 55–70. (in Russian)
- Kudryashova, I. V. (2012). Politicheskie izmeneniya i transformatsiya identichnosti v stranakh musul'manskogo Vostoka [Political changes and identity transformation in the countries of the Muslim East]. In I. S. Semenenko (Ed.), *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political identity and identity policy] (Vol. 2: Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke [Identity and socio-political changes in the 21st century], pp.155–184). Moscow: ROSSPEN. (in Russian)
- Lea, S. (1999). Credit, debt and problem debts. In P. E. Earl & S. Kemp (Eds.), *The Elgar companion to consumer research and economic psychology*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Pub.
- Lea, S., Webley, P., & Levine, R. (1993). The economic psychology of consumer debt. *Journal of Economic Psychology*, 14, 85–119.
- Parboteeah, K. P., Paik, Y., & Cullen, J. B. (2009). Religious groups and work values: A focus on Buddhism, Christianity, Hinduism, and Islam. *International Journal of Cross Cultural Management*, 51(9), 51–67. doi:10.1177/1470595808096674
- Putnam, R. (1993). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Schwartz, S., & Huismans, S. (1995). Value priorities and religiosity in four western religions. *Social Psychology Quarterly*, 58(2), 88–107. doi:10.2307/2787148
- Susokolov, A. A. (2006). *Kul'tura i obmen. Vvedenie v ehkonomicheskuyu antropologiyu* [Culture and exchange. Introduction to economic anthropology]. Moscow: Russkaya panorama. (in Russian)
- Tajfel, H. (1978). Social categorization, social identity, and social comparison. In H. Tajfel (Ed.), *Differentiation between social groups* (pp. 61–76). London/New York: Academic Press.
- Tatarko, A. N., Kotova M. V., Agadullina E. R., & Efremova, M. V. (2011). Metodika issledovaniya kul'tury i modeley ekonomicheskogo povedeniya [Research methodology for studying culture and models of economic behavior]. In N. M. Lebedeva & A. N. Tatarko (Eds.), *Tsennosti kul'tury i modeli ekonomicheskogo povedeniya* [Values of culture and models of economic behavior] (pp. 134–150). Moscow: Sputnik. (in Russian)

- Triandis, H. C. (1992). Comments on Hinkle, Brown and Ely. *Revista de Psicologia Social*, 3, 113–123.
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and interreligious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*, 10, 341–357. doi:10.1177/1368430207078695
- Weber, M. (1978). *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Webley, P., Burgoyne, C. B., Lea, S. E. G. & Young, B. M. (2001). *The economic psychology of everyday life*. Hove: Psychology Press.
- WIN – Gallup International Association. (2012). Global index of religiosity and atheism. Retrieved from <http://www.sidmennt.is/wp-content/uploads/Gallup-International-um-tr%C3%BA-og-tr%C3%BAleysi-2012.pdf>
- Yosef, T. (2000). Islamic banks and investment financing. *Journal of Money, Credit and Banking*, 32(1), 93–120. doi:10.2139/ssrn.845

Maria V. Efremova – senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
Research area: social identity, religious identity, psychology of inequality.
E-mail: mefremova@hse.ru

Zarina Kh. Lepshokova – senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
Research area: social and cross-cultural psychology, intercultural relations, acculturation, values, multiple identities.
E-mail: taimiris@yandex.ru; zlephokova@hse.ru

Религиозная идентификация и установки на экономическую вовлеченность у христиан и мусульман в России

М.В. Ефремова^а, З.Х. Лепшокова^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Данное исследование посвящено изучению взаимосвязи выраженности и позитивности религиозной идентификации с установками на экономическое поведение в группе православных христиан и мусульман (суннитов) России (N = 820). Для измерения выраженности и позитивности религиозной идентификации сконструирована шкала на основе теории социальной идентичности. Измерение установок на экономическое поведение основано на сценарном подходе. В результате исследования обнаружено, что установки на три модели экономического поведения образуют единый фактор экономической вовлеченности. Кроме того, наличие единого фактора экономической вовлеченности было также подтверждено с помощью конфирматорного факторного анализа в двух религиозных группах. В исследовании обнаружено, что выраженность и позитивность религиозной идентификации по-разному связаны с экономической вовлеченностью. Выраженность религиозной идентификации отрицательно связана с экономической вовлеченностью, тогда как позитивность религиозной идентификации позитивно связана с экономической вовлеченностью. В результате мультигруппового моделирования структурными уравнениями выяснилось, что связь между позитивностью религиозной идентификации и экономической вовлеченностью имеет межконфессиональную специфику: позитивность религиозной идентификации положительно связана с экономической вовлеченностью в группе православных христиан, в то время как в группе мусульман данная связь оказалась незначимой. Полученные результаты обсуждаются с точки зрения особенностей религиозной идентификации представителей христианства и ислама.

Ключевые слова: религиозная идентичность, экономические установки, модели экономического поведения, экономическая вовлеченность, христиане, мусульмане, Россия.

Ефремова Мария Викторовна — старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: социальная идентичность, религиозная идентичность, психология неравенства.

Контакты: mefremova@hse.ru

Лепшокова Зарина Хизировна — старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: социальная и кросс-культурная психология, межкультурные отношения, аккультурация, ценности, множественные идентичности.

Контакты: zlepushokova@hse.ru

TEACHERS' EFFECTIVENESS AT CHANGING PUPILS' ATTITUDES TOWARDS MIGRANTS: A FIELD STUDY IN ITALY AND RUSSIA

L. BOMBIERI^{a, b}, V.N. GALYAPINA^b, E.V. BUSHINA^b

^a *Italian Ministry of Education (Padua, Italy)*

^b *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

In this study we examined whether different styles of teachers' instructions (pro-social vs behavioural) affect the attitudes and beliefs of pre-adolescents towards peers with migrant backgrounds. The research was conducted in two countries: in Italy (N = 93) and in Russia (N = 134) among students in their last year of primary school (M age = 11.27). Teachers provided one in two sets of instructions, highlighting either the welcoming and openness characteristics of the group or its adherence to school-norms. After receiving this recommendation, pupils read a fictional scenario depicting a fellow student from an undisclosed foreign country, with different cultural features, and who was expected to join that class-group. Children's opinions were measured through five scales addressing the newcomer's pleasantness, positive and negative attitudes towards the respondents' (ingroup) and the newcomer's group of friends (outgroup). On an individual level, results confirm that pro-social instructions enhance positive traits towards the unknown student at a higher extent. A significant difference was also reported when comparing the two conditions on a group level: favourable characteristics were more prominent in the pro-social condition than in the behavioural one and negative traits, both in the in-group's and out-group's projections, were reduced. We discuss the implications of these results with regard to teachers' impact in modelling social skills and the development of social processes in the school context.

Keywords: attitude towards migrants, newcomer, pro-social vs behavioural instructions, in-group and out-group attitudes.

Introduction

Migration floods have dramatically increased in frequency and numbers over the past two decades. The phenomenon is continually changing in characteristics and populations affected by it (Eurostat, 2017). The challenges they are posing are

also evolving, and they demand a difficult shift in host communities. Many spheres within the social structure are struggling to find effective strategies and policies to balance needs of the local population and those of immigrants who moved pursuing better life conditions for themselves and their families.

An important effect of this global challenge is the higher number of children with migration background living in countries that are not their own, meeting a lot of difficulties socializing in such new conditions. One crucial field of interaction between local people and newcomers is schooling. Most migrant families must cope with their offsprings' need for education and that means being involved in a host school system. In this specific context, and for the purpose of the study, teachers assume a pivotal role in modulating and stimulating behavioural outcomes among children.

Categorisation and prejudice

In their study on "New Racism" (Verkuyten & Masson, 1995), the authors highlighted the different meaning that ethnic prejudice assumes for a minority or majority population. While it can be seen as a cognitive boundary essential to protect their own cultural identity among the first group, for the host community it may uphold a feeling of superiority and in-group belonging. Verkuyten and colleagues investigated different age groups, and they suggested that preadolescence can be considered particularly vulnerable to prejudice formation because of important socio-cognitive developments that happen at this age. Children are increasingly aware of social group norms and of ethnicity as a dimension for group evaluation, and tend to unquestioningly trust those categories (Thijs & Verkuyten, 2016).

Further, Aboud (2003) identified four statements that accounted for changes in prejudice acquisition in young children. First, she considered age changes, and parents' and peers' influence. Second, two more mediators were included: the self-group-individual focus and affect-perception-cognition. In her studies, she then discriminated between egocentrism which is considered a strong bias on the self, and sociocentrism as a tendency to systematically favour a child's own group. This progression happens throughout daily interactions that children experience with significant adults, sometimes dealing with mixed, if not plainly opposite, inputs and feedback.

Finally, in his Developmental Social Identity Theory of Prejudice, Nesdale (2004) offered a model which provides a progression in four sequential development phases, namely "undifferentiated", "ethnic awareness", "ethnic preference", and "ethnic prejudice". When children acquire a stable ethnic self-identity approximately at the age of 7, they express more in-group preferences and biases rather than dislike towards the out-group. This is particularly true for children belonging to the dominant group. However, children belonging to a minority group can often observe rejection for their in-group in favour of the culturally dominant out-group. Almost at the same time, part of the population of children are not merely focusing on the in-group's positive differentiation from the out-group, but they are equally concerned about the out-group. "Instead of liking an out-group member less than

an in-group member, prejudice means that out-group members are disliked or hated" (Nesdale, 2004, p. 6).

Based on these converging results, the sample for this study will be selected among students in their final year of primary school, due to their expected level of maturity in global development, education and ethnic identity awareness.

Prejudice reduction

Another important theory, which adds information and strategies when tackling these issues, is the Intergroup Contact Hypothesis (Allport, 1954) to resolve prejudice and enhance cooperation. It was further developed to include several constructs and it was encoded as a larger theory starting in the nineties. In his article, Pettigrew (1998) investigated four different strategies for prejudice reduction through learning about the out-group, changing behaviour, generating affective ties, intergroup reappraisal. Thus, at the end of the same article, he outlined several examples of how societies are partially responsible for shaping contact effects. "[These] societal contexts severely limit all forms of intergroup contact. Moreover, they render the contact that does occur less than optimal (...)" (p. 78).

Even though this theory and all its expansions have shown major limitations, "[...] cross-group contact is an essential, if insufficient, component for lasting remedies. Strict segregation between groups, limiting positive intergroup contact, has failed around the globe." (Pettigrew, Tropp, Wagner, & Christ, 2011, p. 278). Under appropriate conditions, interpersonal contact is still one of the most effective ways to reduce prejudice between majority and minority group members (Allport, 1954; Stephan & Stephan, 2000).

Supported by these results, the vignette used for the study was worded to introduce a foreseeable meeting between participants and the fictional foreign character, so to make this contact plausible and meaningful.

Teachers' modelling and students' imitative learning

The core nature of imitative learning is intrinsically perceptual-motor, but it also includes abstract sociocultural knowledge that induces imitation (Losin et al., 2015). Children are more likely to generalize observed types of behaviour when they witness a positive and desirable outcome. They are also selective in whom they decide to copy (Boyd & Richerson, 1985). The imitative learning process, then, should be considered in its multiple layers of cognitive, adaptive, social and individual components. For these authors, all these learning processes require a high level of metacognition, because the focus is primarily on social learning from knowledgeable agents: skills required to make such decisions are so precise that they encourage blind, high-fidelity copying (a key requirement for cumulative cultural change).

More specifically, the role of teachers when modelling cognitive processes and behavioural outcomes is widely investigated with consistent results (Keene & Zimmermann, 2013; Montague, Krawec, Enders, & Dietz, 2014). The positive

effect of such insroletruction and expectations has been found using several measurements: literacy development, successful test outcomes, and metacognition, just to mention a few. While teachers' impact on value transmission is not so univocal and well-known, it is still considered to exert an implicit influence. Several surveys aimed at teenagers found that the main explicit models are family members and peers with little to no mention of teachers and educators. Nonetheless, a few studies have attempted to gather evidence concerning the transmission of values through teachers (van Oudenhoven, Blank, Leemhuis, Pomp, & Sluis, 2008; Fallona, 2000), with promising but still indecisive findings.

For these reasons, one of the goals of this study is to test whether the teachers' favourable impact on children can be measured through pro-social outcomes, such as enhancing beliefs and opinions towards a newcomer with a migrant background.

The present study

Sociocultural context

Italy and Russia were chosen due to some similarities both in their school organization and demographics.

Regarding the former, teachers are expected to exert similar outcomes in both countries due to their key position in pupils' school life. Both in Italy and in Russia, in fact, each group-class can clearly identify few role-modelling persons, considering that some practitioners are spending a larger amount of time with them than other specialists. Moreover, those people do not only teach core subjects (such as the national language, Maths, History, etc.) but they perform other caring duties, sharing meals and school trips, dealing with discipline, and implementing a fruitful collaboration with the families.

As for the latter, referring to a report published by the United Nations (http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/data/UN_MigrantStockTotal_2017.xlsx), the number of migrants in the countries is twice as much in Russia as in Italy (11.6 million versus 6 million), but it is compensated by the fact that the global population has also doubled. When considering the repercussions for the schools, the raw statistics show that Italy counts 20% of migrants aged 6–16 on its territory while Russia has 11% of them. This gap, however, doesn't account for the variety of ethnic diversities within the Russian Federation, where, on the one hand, some countries have shared and preserved a common background even after achieving an independent status in recent times while others are still formally citizens even though they have maintained and developed separate languages and traditions. In a study on migrant students in Saint Petersburg, Alexandrov, Baranova and Ivaniushina (2012) noted that, from a school's point of view, linguistic and cultural differences are much more important than citizenship. "Russian-speaking migrants from Belarus and Ukraine, although not citizens of Russia, are not thought of as migrants by the teachers, whereas arrivals from Chechnya or Dagestan which are parts of Russian Federation are considered migrants" (p. 7).

In summary, this research aims at examining the relationships between teachers' instruction and changes in attitudes and stereotypes towards migrants with unspecified backgrounds within the mainstream student population.

The study was carried out in two countries but the main calculations and comparisons were done on the whole sample. It is expected that teachers' own explicit expectations will affect how pupils react to a newcomer: the more inclusive is the priming received from teachers, the more well-disposed the children will be. Stereotypes and attitudes are also assumed to be similar in consideration to the country: notwithstanding discernible incongruences, the experience that students have in interacting with foreigners seem comparable in size and variety.

Thus, the goal of the study is to reveal the role of teacher's instruction at changing attitudes with a general hypothesis stating that teachers' pro-social instructions should promote more positive attitudes among majority pupils toward a newcomer than behavioural instructions.

More specifically, it will be investigated whether:

H1. Pro-social instruction increases the likeability towards newcomers as individuals;

H2. Pro-social instruction raises positive attitudes towards both the in-group and the out-group;

H3. Pro-social instruction reduces negative attitudes towards both the in-group and the out-group.

Method

Sample

Data was collected from three schools in Northern Italy (in the outskirts of Milan, in Ravarino – Modena, and in Padua) and in five schools in Russia, three in Moscow and two in the nearby region (Zvenigorod and Peredelkino). In both countries there was a combination of rural and urban backgrounds.

The participants were children in their last year of primary school. Teachers were trained to give pro-social and behavioural instruction to pupils. The total number of children involved was 216 in Russia and 119 in Italy. After screening for missing values, 134 completed questionnaires from respondents from Russia (59 males) and 93 from Italy (46 males) were retained.

The age group has been controlled by the researchers, so the two groups do not differ significantly on that count between them ($M = 11.27$).

Among the Russian participants, two thirds (98) recognised themselves as Russian because both their parents were Russian citizens. Similarly, 62 participants identified themselves as Italian. It is also worth noting that 12 Russian and 16 Italians selected the option "double nationality" with only one parent (or none) from the mainstream national group. When considering the countries of immigration, it should be noted that the list only partially overlaps. The two largest groups in Russia comprised Ukrainians (12) and Koreans (11), while in Italy it included Ukrainians (16) and Chinese (9) people. A total of 27 countries were represented

at least once in either of the two populations, ranging from South America to far Eastern Asian countries and North/Central Africa.

Measures

The survey booklet included a first page with general demographic information, the manipulation check, a short text of about 145 words with the description of the newcomer and 3 cohorts of questions addressing 5 scales.

In the text, pupils became acquainted with a perspective new classmate whose main feature was to be a recent migrant. In the story a few elements were considered and selected. First of all, gender and age matched those of the respondents and every reference to a peculiar national background was attentively avoided. Consequently, the name (Yori) was also neutral. A blurred family background is mentioned. An excerpt of this section reads: "He/She lives with his/her family. His/Her father is a farmer. [...] His/Her mother is very patient [...]. She works a few hours every day, and then does the house chores. He/She [...] loves tagging along his/her friends. Yori has a sister/brother. She/He is younger and they get along well with each other. They have a cow." Secondly, it is mentioned that the decision to leave their country of origin is due to contextual reasons: "Life is difficult for Yori's family and so his/her parents have decided to leave their country." Thirdly, it is stated that the student will soon join the respondents' class group: "Yori will be in your class when he/she relocates." At the end, several basic differences are listed, to create a cultural distance between the new student and the host community: "He/She doesn't speak your language. His/her alphabet is different as well. In his/her country clothes are a bit different: he/she has never worn a pair of jeans, for example."

Following the vignette, pupils found questions investigating their attitudes and beliefs towards the individual fellow student and the two groups as a whole, their own and Yori's.

Newcomer's Likeability was assessed through ten short statements measuring how positively the coming fellow student was anticipated. Each item was rated using a 6-point scale ranging from "very strongly disagree" (1) to "very strongly agree" (6). A higher score indicated a more favourable expectation and attitude toward the unknown peer. These items were retrieved in Reysen (2005). Sample items are "Yori is friendly", "I would like to ask Yori for advice", "I would like Yori as a team member", and "I would like to be friends with Yori". Other six characteristics matching the first structure were likeable, warm, approachable, physical attractive, similar to me and knowledgeable. Cronbach's α for Likeability scale is .82, and CFA indicators are $\chi^2/df = 1.47$, CFI = .9, RMSEA = .05, PCLOSE = .57.

Stereotypes towards the in-group and the out-group were measured using Multi-response Racial Attitude Scale (Doyle & Aboud, 1995). Each item included the target word and a brief description of a behavioural example, such as "Clean – never forgets to wash hands before eating" or "Unfriendly – always pushing others around and getting into fights". Participants were asked to indicate whether they thought these characteristics applied to members in their group of friends or in the

newcomer's. Each item was rated using a 5-point scale ranging from 'all' (1) to 'none' (5). The instructions were formulated as "In my opinion, ___ my friends are: ___" and "In my opinion, ___ Yori's friends are: ___". The values were reversed so that higher scores indicated a higher attribution both in the positive and in the negative spheres. The eight adjectives forming the In-group-positive (In-group-pos) and the Out-group-positive (Out-group-pos) scales are clean, healthy, nice, happy, friendly, kind, helpful, and smart. The In-group-pos subscale has a $\alpha = .72$ and $\chi^2/df = 2.01$; CFI = .96; RMSEA = .07; PCLOSE = .18; the Out-group-pos subscale has a $\alpha = .73$ and $\chi^2/df = 2.11$; CFI=.98; RMSEA = .07; PCLOSE = .14.

The seven adjectives included in the In-group-negative (In-group-neg) and the Out-group-negative (Out-group-neg) scales are unfriendly, mean, dirty, stupid, selfish, sick, and naughty. The In-group-neg subscale has a $\alpha = .75$ and $\chi^2/df=1,14$; CFI = .99; RMSEA = .03; PCLOSE=.70; the Out-group-neg subscale has a $\alpha = .75$ and $\chi^2/df = 2.35$; CFI = .98; RMSEA = .08; PCLOSE = .12.

Procedure

Prior to data collection, the researchers have obtained Ethical Approval from the home institution and individual consents from parents of the minors involved.

The session covered one academic hour (45') and was performed during regular school time and with the contribution of (one of) the main teachers for each class.

At first, the teachers guided the students through the demographic section and the training questions.

Then the teacher delivered the news that a new student (without any specification about gender or provenience) was going to join their class-group and two sets of instructions were used to prime the expected behaviour from the pupils. In the experimental condition (pro-social), it was reminded that "in our class we are always glad to meet new people, to know each other better and to include everybody with their similarities and differences". In the control condition, behavioural rules were made salient, stating that "in our class we sit nicely, are always on time for classes, do not run in the corridor and the same rules apply to everybody".

Results

After performing the preliminary screening to identify which questionnaires could be retained as valid, it was calculated the overall means and standard deviations for each scale (Table 1).

To test our first hypothesis whether the teacher's instructions contributed to pupils' attitudes towards the newcomer, we performed MANCOVA with instructions as an independent variable and Newcomer's Likeability, In-group and Out-group positive attitudes, In-group and Out-group negative attitudes as dependent variables. The analysis showed a significant multivariate main effect: Wilks' $\lambda = .897$, $F(5, 221) = 5.068$, $p < .001$, $\eta^2 = .103$. ANCOVAs on the individual measures were significant for all the scales (see Table 2).

Table 1

Descriptive Statistics (Whole Sample)

Scale	N	M	SD
Newcomer's Likeability	227	4.17	0.86
In-group-pos	227	3.36	0.69
In-group-neg	227	2.59	0.84
Out-group-pos	227	3.42	0.77
Out-group-neg	227	2.76	0.83

Note. The Newcomer's likeability scale is measured on a 6-point scale and the M lies above the average point; In-group and Out-group scales are all measured on a 5-point scales and both the positive means are above average while both the negative means are average.

Table 2

Instructions' Means for Newcomer's Likeability, In-group-pos, In-group-neg, Out-group-pos, Out-group-neg (N = 227)

Scale	Pro-social	Behavioural	F(1, 225)	Partial η^2
	M(SD)	M(SD)		
1. Newcomer's Likeability	4.39 (0.80)	3.96 (0.86)	14.921	.062***
2. In-group-pos	3.51 (0.72)	3.22 (0.63)	9.948	.042**
3. In-group-neg	2.41 (0.83)	2.76 (0.82)	10.094	.043**
4. Out-group-pos	3.59 (0.76)	3.25 (0.74)	11.657	.049***
5. Out-group-neg	2.62 (0.81)	2.89 (0.83)	6.247	.027*

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Note. The Newcomer's likeability scale is measured on a 6-point scale and the M lies above the average point; In-group and Out-group scales are all measured on a 5-point scales and both the positive means are above average while both the negative means are average.

In the condition of pro-social instructions, students expressed higher scores towards the newcomer as an individual. Moreover, they indicated more positive attitudes both towards the in-group and the out-group. When exposed to behavioural instructions, negative attitudes towards the in-group and the out-group were significantly higher in comparison with pro-social instructions.

The possible effect of gender was checked, but no significant difference between boys and girls was shown across all the scales (Table 3).

Furthermore, correlational analysis was performed (Table 4). Results showed that Newcomer's Likeability is positively correlated with positive attitudes towards the in-group and the out-group and negatively correlated with negative attitudes towards the in-group and the out-group.

To investigate the impact of teacher's instruction on the general perception of the newcomer and the two groups, we performed another correlational analysis

Table 3

Gender's Means for Newcomer's Likeability, In-group-pos, In-group-neg, Out-group-pos, Out-group-neg (N = 227)

Scale	Males	Females	F(1, 225)	Partial η^2
	M(SD)	M(SD)		
1. Newcomer's Likeability	4.09 (0.80)	4.24 (0.91)	1.614	.007
2. In-group-pos	3.39 (0.69)	3.33 (0.70)	0.419	.002
3. In-group-neg	2.60 (0.87)	2.59 (0.83)	0.004	.000
4. Out-group-pos	3.45 (0.78)	3.38 (0.75)	0.482	.002
5. Out-group-neg	2.78 (0.90)	2.74 (0.77)	0.147	.001

Note. The Newcomer's likeability scale is measured on a 6-point scale and the M lies above the average point; In-group and Out-group scales are all measured on a 5-point scales and both the positive means are above average while both the negative means are average.

Table 4

Newcomer's Likeability, In-group-pos, In-group-neg, Out-group-pos, and Out-group-neg Whole Sample Correlations (N = 227)

Variables	1	2	3	4
1. Newcomer's Likeability	–			
2. In-group-pos	.375***	–		
3. In-group-neg	–.226***	–.401***	–	
4. Out-group-pos	.397***	.479***	–.200**	–
5. Out-group-neg	–.295***	–.387***	.661***	–.424***

** $p < .01$, *** $p < .001$.

separating the two conditions. In Tables 5 and 6 the results of such analyses are shown.

The results point to the fact that in the experimental (pro-social) condition the scores mirror the findings of the global sample. On the opposite, when we look at the behavioural instructions, the in-group and out-group negative correlations with the Newcomer's likeability scale were no longer significant. More specifically, the new member's positive attitude was positively related to both the in-group and the out-group positive perception but not related to the negative spectrum for each group.

Table 5

**Newcomer's Likeability, In-group-pos, In-group-neg, Out-group-pos, and Out-group-neg
Pro-social Instruction Correlations (N = 109)**

Variables	1	2	3	4
1. Newcomer's Likeability	–			
2. In-group-pos	.401***	–		
3. In-group-neg	–.276**	–.484***	–	
4. Out-group-pos	.396***	.393***	–.322***	–
5. Out-group-neg	–.397***	–.472***	.685***	–.554***

** $p < .01$, *** $p < .001$.

Table 6

**Newcomer's Likeability, In-group-pos, In-group-neg, Out-group-pos, and Out-group-neg
Behavioural Instruction Correlations (N = 118)**

Variables	1	2	3	4
1. Newcomer's Likeability	–			
2. In-group-pos	.287**	–		
3. In-group-neg	–.106	–.261**	–	
4. Out-group-pos	.334***	.521***	–.009	–
5. Out-group-neg	–.156	–.258**	.618***	–.265**

*** $p < 0.001$.

Discussion

The results presented so far support the leading hypothesis advanced for this study.

With regard to the general assumption that receiving pro-social instruction should promote more positive attitudes among the majority pupils toward a newcomer, all the findings are converging and consistently reinforcing a quite noticeable effect of the teachers' influence.

In more detail, the performed analyses dig further into several layers in order to highlight how students reacted in the two conditions of pro-social versus behavioural instruction.

Firstly, it was checked whether the new pupil would elicit a generally positive reception as an individual. Important to note, the gender of respondents did not affect any of these results. While already in the whole sample the average assessment falls within the top range, thus above the mean, it is when a comparison between the two conditions is performed that the role of the instruction shows significant differences. The behavioural set acts as a baseline, so it comes as no surprise

that students are choosing the middle. When invited to be open and welcoming, students indicated a higher level of friendliness and kindness. According to the literature previously discussed, it is expected that the introduction of an unknown child as a future member of the in-group gives rise to a foreseeable alliance. In other words, it increases the cohesion within the group and reduces the distance with the newcomer's culture to accommodate all the members. Making salient a special aspect of being a member in that class-group activates a self-categorization process that recognises the new member as a good fit (Turner, Hogg, Oakes, Reicher, & Wetherell, 1987). Furthermore, the main assumption within Allport's Hypothesis of Contact suggests that a decreased distance between groups with similar status can conversely help to reduce prejudice and, therefore, the new member of the group was seen with both curiosity and positive expectations (Binder et al., 2009; Stephan & Stephan, 2001). Therefore, the first hypothesis has been fully confirmed.

Secondly, moving from the individual level to the group dimension, it was postulated that a pro-social set of instructions would enhance a more favourable perspective on the two groups as a whole, both regarding the respondent's circle of friends and the fictional newcomer's. Again, in the control (behavioural) condition the appraisal was still globally upward, above the mean, both for the in-group and the out-group; similarly, in the experimental (pro-social) condition, a pattern similar to the one described for the individual can be seen. Students expressed better-disposed beliefs both towards their network and the new pupil's. It is arguable that the positive evaluation of the in-group could be a reflection of favouritism or bias. Being both groups seen as positively connotated, it seems more appropriate to look for an explanation into Collective Efficacy Theory (Bandura, 2000): the increase in desirable characteristics among the other members of the in-group can be seen as a reflection that this group is able to achieve a given task, namely, being socially well-disposed towards an unknown person who has been explicitly endorsed by the "authority" (Hughes, Cavell, & Willson, 2001). Moreover, when observing the trait connotation of the out-group, the effect of a projection process can be recognized (Crisp & Turner, 2009). If a positive contact can make relevant out-group members seem more similar to self, which we know is the case for actual and extended contact (Eller & Abrams, 2004; Wright, Aron, McLaughlin-Volpe, & Ropp, 1997), then those out-group members should benefit from the positive projection that in-group members typically benefit from (Robbins & Krueger, 2005). Consequently, the second hypothesis has also been fully supported.

Thirdly, it was observed whether the given instructions could influence the perception of negative traits, both in the in-group and in the out-group members.

As expected, the sample as a whole tended to increase the out-group undesirable characteristics more when compared to the in-group. Nevertheless, even though in the control group the students rated both groups as neither good nor bad, in the pro-social condition they moved the general estimation towards the better end of the continuum. The relative low level of stigma in both conditions can be referred to the general atmosphere that students perceive at school, more supportive and less judgemental than in the following grades. A positive school climate leads to

serene pupils' relationships with peers and teachers and it simultaneously decreases other types of problems, i.e. behavioural (Thomas, Bierman, Powers, & Conduct Problems Prevention Research Group, 2011). Having daily interaction with students from different backgrounds in real life could certainly help reduce the level of uncertainty when anticipating a newcomer, even in case of an unclear origin. Our findings are in line with the results of previous studies and reflect the idea that cultural diversity largely contributes to the creation of a peaceful social climate (Schachner, Noack, Van de Vijver, & Eckstein, 2016; Civitillo et al., 2017). Thus, the third hypothesis has been confirmed as well.

It is worth mentioning that an unexpected result was found.

Correlations in the full sample follow a predictable sequence: observing the relations between the individual and the group scales presents positive correlations for positive items and a reverse pattern for negative items. According to the goal of this study, another comparison between the two manipulations has also been carried out. The previous outcome is mirrored in the condition of pro-social instructions, with a significant negative correlation between the individual level and the group scales measuring negative beliefs. In the control condition, however, this effect totally disappears, and those scales are responding only to their counterparts on the group level.

This finding can be considered supplementary evidence that the teacher's priming mark enforces cognitive and social changes beyond the mean comparisons: its echo is self-evident in the lack of an important link between the single and the collective level, both present in the general sample and in the experimental condition.

In conclusion, it seems that the class-group is a powerful aggregator that overcomes individual differences and helps to create a diffuse sense of "we" between all the members. Murray and Greenberg (2000) offered empirical support to the importance of a positive social and emotional adjustment for educational success in similar age-groups. The bond with teachers and the quality of peer-relations are crucial for reaching an optimal environment where to thrive and develop. Therefore, students are more sensitive to establish solid and fruitful relations with both the peers and the adults with whom they interact daily.

Limitations and conclusions

The data discussed above follows in the footsteps of previous researchers and opens new perspectives in the field.

Nevertheless, the study could not fully avoid some theoretical and methodological flaws.

Firstly, it has already been mentioned that inter-group dynamics are affected by several factors and it is still not fully understood to what extent personal and social levels intersect and interact. Therefore, it cannot be claimed that the offered tentative explanations can offer an exhaustive overview of the psychological processes underlying choices made by the participants. A few variables pertaining to the "persona" could not be controlled for practical reasons: levels of empathy, socio-economic status, religion, pre-existing beliefs, just to mention a few. Though the study

was aimed at investigating social influences in a very specific setting, it must be recognized that the chosen perspective is an important but still partial angle and it should be integrated by other approaches.

Secondly, methodologically speaking, the choice to use vignettes has a solid rationale but also some limitations: it is again a make-believe, and, had the situation happened as depicted in real life, there is no guarantee that students would behave accordingly to the stated opinions. Moreover, even though the instructions were plausible and credible, they might also clash with the "real" experience that students have with that particular teacher, either in the manipulation or in the control group. Some of the students, who failed to identify the manipulation, have clearly understood the wording but chose the option the fitted best with their expectations and former interactions. Being the schools taking part willingly, no real randomization was possible. It was clear by the enthusiasm and the requests of feedback that those schools have already developed a special sensitivity to the topic of inclusion and in many cases they have already set in place policies and pedagogical projects to facilitate it.

These limitations notwithstanding, the results showed that this procedure has a promising applicability to students as young as pre-adolescent. It has a side benefit of being easy to administer and fits well in the overflowing schedule of modern schools. A possible perspective that has not yet been addressed would be to explore cross-cultural differences as a separate variable and in conjunction with teachers' instructions.

Acknowledgements

The authors appreciate the contributions of Alexander Tatarko in testing the instrument and Maria Bultzeva's assistance with the Ethics application.

The authors would like to thank all the school staff members who relentlessly offered their invaluable help to make data-collection possible. Namely, the Italian Schools of Rozzano (MI), Ravarino (MO), I.C. Briosco (PD) and 1708 (Peredelkino), 1532 (Tepliy Stan), 17 (Konkovo), Karinskaya Srednyaya Shkola (Moscow Region) and Ershovskaya Srednyaya Shkola Named after Vasilii Fabrichnov (Moscow Region). Through their actions new standards for the future generation are being set.

References

- About, F. E. (2003). The formation of in-group favoritism and out-group prejudice in young children: Are they distinct attitudes? *Developmental Psychology*, 39(1), 48–60.
- Alexandrov, D., Baranova, V., & Ivaniushina, V. (2012). *Migrant children in Russia. Migration, ethnicity and segregation in St. Petersburg* (No. SESL WP 001). Saint Petersburg, Russian Federation.
- Allport, G. W. (1954). *The nature of prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Bandura, A. (2000). Exercise of human agency through collective efficacy. *Current Directions in Psychological Science*, 9(3), 75–78.

- Binder, J., Zagefka, H., Brown, R., Funke, F., Kessler, T., Mummendey, A., ... Leyens, J. P. (2009). Does contact reduce prejudice or does prejudice reduce contact? A longitudinal test of the contact hypothesis among majority and minority groups in three European countries. *Journal of Personality and Social Psychology, 96*(4), 843–856.
- Boyd, R., & Richerson, P. (1985). *Culture and the evolutionary process*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Civitillo, S., Schachner, M., Juang L., van de Vijver F. J.R., Handrick A., & Noack P. (2017). Towards a better understanding of cultural diversity approaches at school: A multi-informant and mixed-methods study. *Learning, Culture and Social Interaction, 12*, 1–14. doi:10.1016/j.lcsi.2016.09.002
- Crisp, R. J., & Turner, R. N. (2009). Can imagined interactions produce positive perceptions? Reducing prejudice through simulated social contact. *American Psychologist, 64*(4), 231–240.
- Eller, A., & Abrams, D. (2004). Come together: Longitudinal comparisons of Pettigrew's reformulated intergroup contact model and the common ingroup identity model in Anglo-French and Mexican-American contexts. *European Journal of Social Psychology, 34*(3), 229–256.
- Fallona, C. (2000). Manner in teaching: a study in observing and interpreting teachers' moral virtues. *Teaching and Teacher Education, 16*(7), 681-695.
- Hughes, J. N., Cavell, T. A., & Willson, V. (2001). Further support for the developmental significance of the quality of the teacher–student relationship. *Journal of School Psychology, 39*(4), 289–301. doi:10.1016/S0022-4405(01)00074-7
- Keene, E. O., & Zimmermann, S. (2013). Years later, comprehension strategies still at work. *The Reading Teacher, 66*(8), 601–606.
- Losin, E. A. R., Woo, C. W., Krishnan, A., Wager, T. D., Iacoboni, M., & Dapretto, M. (2015). Brain and psychological mediators of imitation: sociocultural versus physical traits. *Culture and Brain, 3*(2), 93–111.
- Montague, M., Krawec, J., Enders, C., & Dietz, S. (2014). The effects of cognitive strategy instruction on math problem solving of middle-school students of varying ability. *Journal of Educational Psychology, 106*(2), 469–481.
- Murray, C., & Greenberg, M. T. (2000). Children's relationship with teachers and bonds with school: an investigation of patterns and correlates in middle childhood. *Journal of School Psychology, 38*(5), 423–445.
- Nesdale, D. (2004). Social identity processes and children's ethnic prejudice. In M. Bennett & F. Sani (Eds.), *The development of the social self* (pp. 219–245). New York: Psychology Press.
- Pettigrew, T. F. (1998). Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology, 49*, 65–85.
- Pettigrew, T. F., Tropp, L. R., Wagner, U., & Christ, O. (2011). "Recent advances in intergroup contact theory. *International Journal of Intercultural Relations, 35*(3), 271–280.
- Robbins, J. M., & Krueger, J. I. (2005). Social projection to ingroups and outgroups: A review and meta-analysis. *Personality and Social Psychology Review, 9*(1), 32–47.
- Schachner, M. K., Noack, P., Van de Vijver, F. J. R., & Eckstein, K. (2016). Cultural diversity climate and psychological adjustment at school – equality and inclusion versus cultural pluralism. *Child Development, 87*(4), 1175–1191.
- Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (2000). An integrated threat theory of prejudice. In S. Oskamp (Ed.), *Reducing prejudice and discrimination* (pp. 23–45). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (2001). *Improving intergroup relations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc.

- Thijs, J., & Verkuyten, M. (2016). Ethnic attitudes and social projection in the classroom. *Child Development, 87*(5), 1452–1465.
- Thomas, D. E., Bierman, K. L., Powers, C. J., & Conduct Problems Prevention Research Group. (2011). The influence of classroom aggression and classroom climate on aggressive–disruptive behavior. *Child Development, 82*(3), 751–757.
- Turner, J. C., Hogg, M. A., Oakes, P. J., Reicher, S. D., & Wetherell, M. S. (1987). *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford, UK: Basil Blackwell
- Van Oudenhoven, J. P., Blank, T. D. S., Leemhuis, E., Pomp, M., & Sluis, A. F. (2008). Nederland deugd [Dutch virtue]. Assen, The Netherlands: Van Gorcum. (in Dutch)
- Verkuyten, M., & Masson, K. (1995). 'New racism', self-esteem, and ethnic relations among minority and majority youth in the Netherlands. *Social Behavior and Personality: An International Journal, 23*(2), 137–154.
- Wright, S. C., Aron, A., McLaughlin-Volpe, T., & Ropp, S. A. (1997). The extended contact effect: Knowledge of cross-group friendships and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology, 73*(1), 73–90.

Lucia Bombieri – research intern, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; Ph.D. student, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics.

Research area: cross-cultural psychology, developmental psychology, educational psychology, the role of teachers in education.

E-mail: lbombieri@hse.ru

Victoria N. Galyapina – leading research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

Research area: cross-cultural psychology, intercultural relations, values and norms, identity.

E-mail: vgalyapina@hse.ru

Ekaterina V. Bushina – senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute; associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

Research area: cross-cultural psychology, cross-cultural relations, values, creativity, attitudes toward innovations.

E-mail: evbushina@hse.ru

Эффективность влияния учителей на изменение отношения учащихся к мигрантам: исследование в Италии и России

Л. Бомбиери^а, В.Н. Галяпина^а, Е.В. Бушина^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Рост мигрантов ведет к увеличению числа детей с мигрантским прошлым, живущих в странах, которые не являются их родиной. Такие дети часто сталкиваются с большими трудностями при социализации в новых условиях. Одной из важнейших сфер взаимодействия принимающего населения и мигрантов является обучение в школе. В этом исследовании мы рассмотрели, как различные типы инструкций учителей (просоциальные и поведенческие) влияют на отношения и убеждения школьников по отношению к сверстникам с мигрантским опытом. Исследование проводилось среди школьников (средний возраст 11 лет) в двух странах: в Италии (N = 93) и в России (N = 134). В экспериментальных группах учитель давал просоциальную инструкцию перед началом основного исследования, в контрольной – поведенческую. Получив эту рекомендацию, ученики читали вымышленный сценарий, в котором потенциальный одноклассник из неустановленного иностранного государства, со своими культурными особенностями, должен был присоединиться к обучению в этом классе. Ответы были измерены с помощью пяти шкал оценки приятности новенького, положительных и отрицательных отношений к участникам ин-группы и группы друзей новенького (аутгруппы). На индивидуальном уровне результаты подтверждают, что просоциальные инструкции формируют положительные установки к новичку, увеличивают благоприятные установки и препятствуют формированию отрицательных установок по отношению к своей и чужой группам. Значимые различия были обнаружены при сравнении двух условий. Так, благоприятные характеристики были более выраженными в про-социальной группе, чем в поведенческой. К тому же отрицательные черты, по отношению к ингруппе и аутгруппе, в просоциальной группе значимо ниже. В работе обсуждаются последствия этих результатов в отношении влияния учителей в моделировании социальных навыков и развития социальных процессов в контексте школьного образования.

Ключевые слова: отношение к мигрантам, новенький, просоциальные и поведенческие инструкции, отношение к своей и внешним группам.

Бомбиери Лучия — аспирант, департамент психологии, факультет социальных наук; стажер-исследователь, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, психология развития, психология образования, роль учителя в образовании.

Контакты: lbombieri@hse.ru

Галяпина Виктория Николаевна — ведущий научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, межкультурные отношения, ценности и нормы, идентичность.

Контакты: vgalyapina@hse.ru

Бушина Екатерина Валерьевна — старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, межкультурные отношения, ценности, креативность, отношение к инновациям.

Контакты: evbushina@hse.ru

Статьи

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ РЕГУЛЯТОРНЫХ ФУНКЦИЙ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

О.В. АЛМАЗОВА^а, Д.А. БУХАЛЕНКОВА^а, А.Н. ВЕРАКСА^а

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Резюме

В статье рассматривается модель регуляторных функций А. Мияке, примененная к дошкольному возрасту. Основной задачей исследования выступила апробация диагностического инструментария NEPSY-II для оценки уровня развития трех основных компонентов регуляторных функций (рабочей памяти, когнитивной гибкости и торможения) у российских дошкольников. Выборку исследования составили 267 детей (143 мальчика и 124 девочки) в возрасте 5–6 лет ($M_e = 5.6$ года, $SD = 0.3$), посещающих старшую группу детских садов в г. Москве. В результате сравнения результатов американских и российских детей 5–6 лет выявлены некоторые кросс-культурные особенности: память на образы в среднем больше развита у российских, а на пространственные представления – у американских детей. Для проверки конвергентной валидности инструментария на части выборки ($N = 48$), проведен корреляционный анализ результатов выполнения дошкольниками двух батарей методик – апробируемой и разработанной под руководством Л.А. Венгера. Обнаруженные взаимосвязи подтвердили возможность использования рассматриваемого инструментария для диагностики регуляторных функций. Анализ данных исследования показал, что уровни развития слухоречевой и зрительной рабочей памяти старших дошкольников не связаны между собой. Однако слухоречевая память во многом лежит в основе развития когнитивной гибкости внимания (переключения), а зрительная – сдерживающего контроля (торможения). На основании результатов диагностики выделены и описаны четыре различных варианта развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте. Дети с достаточно высоким уровнем развития регуляторных функций распределены по двум группам в соответствии с ориентацией: на высокую скорость выполнения заданий и на высокое качество выполнения заданий (избегание ошибок).

Ключевые слова: дошкольный возраст, регуляторные функции, произвольность, слухоречевая память, зрительная память, гибкость внимания, сдерживающий контроль.

Одним из самых важных достижений старшего дошкольного возраста и предиктором успешной адаптации и обучения в школе является развитие произвольности или регуляторных функций (Выготский, 1984; Эльконин, 2006; Смирнова, 2015; Blair, 2002; Welsch et al., 2010; Willoughby et al., 2012; Yeniad et al., 2013; и др.). Хотя между понятиями «произвольность» (в культурно-историческом подходе) и «регуляторные функции» (neuroscience) есть методологические различия, в основе лежат схожие процессы (Алмазова и др., 2016; Ахутина и др., 2014; Лурия, 2002).

Согласно модели регуляторных функций А. Мияке (Miyake et al., 2000), нейропсихологической основой для овладения собственным поведением является группа когнитивных навыков, обеспечивающих целенаправленное решение задач и адаптивное поведение в новых ситуациях, которые объединяются под общим названием «регуляторные функции» («executive functions»). Они обеспечивают мониторинг и контроль мышления и деятельности через смещение процессов в сторону стимула, связанного с выполнением задания, несмотря на вторичные задачи и помехи. В нейрокогнитивных исследованиях процесс торможения и рабочая память рассматриваются в качестве основных процессов, обеспечивающих произвольную регуляцию (Barkley, 2001; Solovieva, Quintanar, 2015; Verbitskaya et al., 2015).

Регуляторные функции делятся на следующие основные компоненты: рабочую память («working memory») — зрительную и слухоречевую, гибкость внимания или переключение («cognitive flexibility»), которое связано со способностью переходить от одного правила к другому, и сдерживающий контроль («inhibitory control»), который предполагает торможение доминирующего ответа в пользу требуемого в задании. Эти компоненты связаны друг с другом, но они могут рассматриваться и как самостоятельные, отдельно друг от друга, поэтому данная модель получила название «единство с разнообразием» («unity-with-diversity»). Несмотря на то что данная модель была изначально основана на результатах, полученных на взрослых, возможность ее использования при описании развития в детском возрасте была подтверждена в работах зарубежных исследователей (Diamond et al., 2002; Diamond, Lee, 2011; Lehto et al., 2003; Visu-Petra et al., 2012).

Регуляторные функции в предложенном выше понимании, как целостный конструкт, в отечественной психологии практически не исследовались (Веракса, Васильева, Арчакова, 2016). В связи с этим нами был подобран и апробирован на российской выборке диагностический инструментарий для оценки уровня развития регуляторных функций у старших дошкольников (5–6 лет).

Методики

Для диагностики развития регуляторных функций был использован набор из четырех методик, широко применяющихся в зарубежной практике. Большую часть использованных в исследовании методов составляют субтесты нейропсихологического диагностического комплекса NEPSY-II

(Korkman et al., 2007), направленного на оценку психического развития детей в возрасте 3–16 лет.

Уровень развития рабочей памяти измерялся двумя методиками:

1. Субтест «Повторение предложений» (Sentences Repetition, NEPSY-II) — слухоречевая память;
2. Субтест «Память на конструирование» (Memory for Designs, NEPSY-II) — зрительная память.

Переключение и торможение диагностировались при помощи следующих методик:

1. Сортировка карт по изменяемому признаку (Dimensional Change Card Sort (DCCS)) (Zelazo, 2006);
2. Субтест «Торможение» (Inhibition, NEPSY-II).

Кроме того, для отсеивания детей с возможными нарушениями интеллектуального развития использовались Цветные прогрессивные матрицы Дж. Равена (Raven et al., 1998).

Так как все методики, кроме Цветных прогрессивных матриц Дж. Равена, не являются широко распространенными в отечественной психологии, опишем их подробнее.

В субтесте *Повторение предложений* используются 17 предложений. Предложения в методике организованы таким образом, что происходит постепенное усложнение стимульного материала (предложения становятся и длиннее, и сложнее по структуре). Так, первое предложение для повторения состоит из двух слов — «Спокойной ночи», а двенадцатое — «Женщина, стоящая рядом с человеком в зеленом пиджаке, — моя тетя». Опускание слова, замена или добавление слова считается ошибкой. Изменения в порядке слов, перемещенное слово также считается ошибкой. За каждое предложение ребенку начисляется 2 балла в случае отсутствия ошибок, 1 балл — за 1 или 2 ошибки, 0 баллов — за 3 и более ошибок или при отсутствии ответа от ребенка. Если за 4 предложения подряд ребенок получал 0 баллов, тестирование прекращалось. Исходный материал (предложения из оригинала методики) был переведен профессиональным переводчиком вначале с английского языка на русский, потом другим переводчиком был сделан обратный перевод. После чего был сделан анализ расхождений и проведена корректировка.

При помощи субтеста *Память на конструирование* происходит измерение сразу двух аспектов зрительной памяти — памяти на «образы» («Content score» — выбор картинок, как в предъявленном образце, из массива похожих) и пространственного расположения карточек на поле («Spatial score» — выбор места, где были расположены карточки в образце). По каждому заданию начисляется по одному баллу за каждую правильно выбранную карточку, по одному — за каждое правильно указанное место, занятое в эталоне, и по два бонусных балла — за каждое полное соответствие эталону (правильно выбранная карточка, помещенная в нужное место). Таким образом, результатом

выполнения методики являются несколько оценок — оценки памяти: 1) на образы, 2) на пространственное расположение; 3) на сочетание первого и второго.

Методика *Сортировка карт* по изменяемому признаку содержит три серии заданий. В первой ребенок сортирует предложенные ему 6 карточек по цвету (красные откладываются в одну сторону, синие — в другую). Во второй сортировка происходит «по форме» 6 карточек (лодочки откладываются в одну сторону, зайцы — в другую). В третьем задании ребенок должен, ориентируясь на внешний для цвета или формы стимул — наличие или отсутствие черной рамки на карточке, раскладывать 12 карточек либо исходя из формы, либо исходя из цвета объекта на картинке. В каждой серии, за каждый правильный ответ начисляется по 1 баллу. Переключение с задания первой серии на задания второй является показательным для оценки уровня развития переключения у детей 3–4 лет. К 5–6 годам с этим справляются абсолютное большинство дошкольников. Таким образом, хотя мы оцениваем количество правильно разложенных карточек в каждой серии, решающим для определения уровня развития переключения в старшем дошкольном возрасте является балл, набранный ребенком в третьей серии.

Методика *Торможение* состоит из двух частей — название и собственно торможение. Предъявляется серия из 40 геометрических фигур (квадратов и кругов). На первом этапе ребенка просят назвать все фигуры в том порядке, в котором они находятся на карточке. На втором этапе правила меняются: когда ребенок видит «круг», он должен сказать «квадрат», а когда видит «квадрат» — «круг». Для каждой части предусмотрена тренировка. Фиксируются время, затраченное на выполнение задания, количество допущенных ошибок и количество самоисправлений.

Выборка и процедура исследования

Выборку исследования составили 267 детей в возрасте 5–6 лет ($M_e = 5.6$ года, $SD = 0.3$), посещающих старшую группу детских садов в г. Москве, из них 143 мальчика и 124 девочки. Данное исследование было проведено в 2016 учебном году. Обследования проводились в индивидуальном порядке, в тихом помещении. Все задания предъявлялись ребенку в игровой форме, что обеспечивало высокую степень включенности ребенка в их выполнение. С каждым ребенком было проведено по две встречи продолжительностью 15–20 минут каждая.

Авторы диагностического комплекса NEPSY-II выделяют следующие ограничения для детей, которые участвовали в исследовании при стандартизации комплекса.

Ребенок исключался из исследования, если:

- 1) проходил любое другое нейропсихологическое исследование в течение 6 месяцев;
- 2) имеет слуховые или зрительные нарушения или является дальтоником;
- 3) имеет психиатрический диагноз, нейропсихологические нарушения, дефицит внимания, гиперактивность, задержку интеллектуального развития;

- 4) родился с очень маленьким весом — менее 2,5 кг;
- 5) на момент исследования принимает медицинские препараты, способные повлиять на результаты (стимуляторы, антидепрессанты, лекарства от тревожности и т.д.);
- 6) в истории развития зафиксированы потеря сознания более чем на 5 минут, впадение в кому (по шкале Глазго до 14) и т.д.;
- 7) имеет языковые трудности или язык исследования не родной для ребенка (языковые трудности не включают в себя проблему с артикуляцией, если это не затрудняет коммуникацию с ребенком) (Korkman et al., 2007).

Из этих условий мы не контролировали 4, 5 и 6. Уровень интеллектуально-го развития проверялся при помощи Цветных прогрессивных матриц Дж. Равена.

Описание результатов

Общий анализ данных

При помощи Цветных прогрессивных матриц Дж. Равена из исследования были исключены дошкольники с подозрениями на нарушения познавательного развития (3 дошкольника).

В таблице 1 представлены основные психометрические характеристики результатов выполнения методик на оценку развития разных компонентов регуляторных функций, полученные в нашем исследовании и при адаптации комплекса методик NEPSY-II (нормы США).

Из таблицы 1 можно выделить общие тенденции и особенности выполнения методик в различных выборках:

1) Небольшая разница в средних баллах по методике «Повторение предложений» объясняется, на наш взгляд, не разницей в уровне развития слухоречевой памяти, а небольшим различием в сложности структур предложений в русской и англоязычной версии.

1) «Память на конструирование». Средние баллы за воспроизведение образа выше у российских, а за воспроизведение места — у американских детей. При этом общий балл в среднем выше у российских дошкольников. Сами картинки в среднем точнее запоминаются российскими дошкольниками, а расположение в пространстве — их американскими сверстниками, что, скорее всего, объясняется различием образовательных программ. Большое же различие в средних общих баллах свидетельствует о том, что российские дети чаще выполняли задание полностью хорошо, т.е. воспроизводили и правильно выбрали объекты, и их место на поле, что позволяло получать максимально возможные бонусные баллы.

2) Хотя данные по основным психометрическим характеристиками методики «Сортировка карт по изменяемому признаку» не представлены, но данные большинства исследований автора методики показывают, что к шести годам около половины детей начинают успешно справляться с последней

Таблица 1

Основные психометрические характеристики оценок компонентов регуляторных функций у российских и американских дошкольников

Компоненты РФ	Страна			
	Россия		США	
	Me	SD	Me	SD
Память на конструирование, образ (MDC)	39.5	6.2	31.5	6.1
Память на конструирование, расположение (MDS)	16.6	6.7	19.2	6.3
Память на конструирование, общий балл (MDT)	79.9	23.4	63.4	22.6
Повторение предложений (SR)	19.6	4.3	17.2	5.4
Сортировка по цвету (DCCS_Pr)	5.9	0.3		
Сортировка по форме (DCCS_Ps)	5.5	1.2		
Сортировка с рамкой (DCCS_B)	7.5	2.9		
Сортировка, общий балл (DCCS_T)	18.9	3.5		
Называние, время (INT)	44	11		
Торможение, неисправленные ошибки (IIUE)	3.1	5.3		
Торможение, исправленные ошибки (IICE)	1.9	1.6		
Торможение, время (IIT)	61	15		

пробой методики (набирают 9 или более баллов из 12). Среди наших респондентов 38% дошкольников справились с этим блоком. Таким образом, можно говорить о близости результатов по этой методике.

Вернемся к результатам нашего исследования. Были проверены гендерные различия в результатах выполнения всех методик (использован критерий Манна–Уитни для двух независимых выборок). Получено, что девочки значительно лучше выполняют задания по сортировке карт по форме ($U = 7906.0$; $p = 0.001$) и делают значительно меньше ошибок (как исправленных, так и неисправленных) в пробе на торможение ($U = 7103.5$; $p < 0.000$ и $U = 7859.5$; $p = 0.020$).

В таблице 2 представлены результаты корреляционного анализа данных, полученных по разным методикам комплекса (был использован коэффициент корреляции Спирмена).

Прежде всего остановимся на связях результатов выполнения заданий, направленных на диагностику уровня развития разных компонентов регуляторных функций.

Запоминание образа при выполнении методики на проверку зрительной памяти оказалось связанным со временем, которое требовалось для выполнения двух проб в методике «Торможение», т.е. чем лучше запоминается образ, тем быстрее происходит работа с называнием фигуры и ее инверсией.

Результаты, полученные при выполнении методики «Повторение предложений», связаны с разными параметрами методики «Сортировка карт по изменяемому признаку», что может, к примеру, свидетельствовать о том, что хорошо развитая слухоречевая память способствует лучшему усвоению инструкций.

Что касается результатов методик на торможение и переключение, то количество неисправленных ошибок связано (обратно) с успешностью выполнения третьего задания на переключение (сортировка по изменяемому признаку), а время называния — с успешностью выполнения первых двух проб на переключение.

Оценки же внутри методик оказались связанными между собой, что стало ожидаемым результатом.

Конвергентная и конструктивная валидность инструментария

Оценка *конвергентной валидности* проводилась путем вычисления на части выборки (N = 48, 24 девочки и 24 мальчика) корреляции результатов, полученных по описанным выше методикам, с результатами выполнения дошкольниками батареи методик, разработанных в лаборатории Л.А. Венгера (Венгер и др., 1986). Причинами использования этого инструментария являются его широкая распространенность в России, использование культурно-исторического подхода Л.С. Выготского как основы построения методологии методического инструментария и особое внимание к развитию произвольности через освоение средств наглядного моделирования (Там же).

Были введены в рассмотрение следующие методики:

1. Методика *Эталоны* (Венгер, Холмовская, 1978) позволяет определить развитие уровня восприятия у детей старшего дошкольного возраста, а именно умение соотносить сенсорные эталоны формы с реальными объектами.

2. Методика *Систематизация* (Там же) показывает степень сформированности у дошкольника таких действий логического мышления, как сериация и классификация.

3. Методика *Схематизация* (Там же) отражает уровень овладения ребенком действий наглядного моделирования: при выполнении заданий ребенок использует условно-схематическое изображение в качестве образца или правила, для достижения положительного результата ему необходимо строго следовать заданной последовательности ориентиров. Таким образом, при выполнении данного задания задействованы процессы восприятия, наглядно-образного мышления, произвольного внимания и регуляции своей деятельности.

4. Методика *Самое непохожее* (Венгер и др., 1995) позволяет изучить развитие восприятия и мышления детей, оценить уровень овладения такими мыслительными операциями, как анализ, сравнение и обобщение признаков.

5. Методики запоминания *10 слов* (Там же) и *10 предметов* (Марцинковская, 2000) позволяют определить уровень развития рабочей слуховой и зрительной памяти.

Проведенное сравнительное исследование показало, что результаты проведения двух диагностических наборов достаточно хорошо соотносятся друг с другом и позволяют увидеть вклад уровня развития, памяти и произвольного внимания в успешность выполнения заданий, направленных на изучение регуляторных функций. Например, количество ошибок, которое допускает ребенок при выполнении пробы на называние методики *Торможение*, оказалось связано (обратно) с результатами большинства методик, направленных на диагностику степени усвоения ребенком сенсорных эталонов и уровня развития наглядно-образного мышления (*Эталоны* ($r = -0.359, p = 0.015$), *Систематизация* ($r = -0.315, p = 0.042$), *Схематизация* ($r = -0.342, p = 0.022$)). А это, в свою очередь, и свидетельствует о связи представлений о сдерживающем контроле как компоненте регуляторных функций и произвольности мыслительных процессов, согласно теории способностей Л.А. Венгера.

Связь же результатов методик *Самое непохожее* и *Сортировка карт по изменяемому признаку* ($r = 0.402, p = 0.006$) может указывать на то, что в основе выполнения и той и другой методики лежит умение ориентироваться на свойства внешнего эталона для совершенствования своих действий.

Результаты методики, направленные на диагностику уровня развития слухоречевой памяти *10 слов* и *Повторение предложений*, оказались связаны ($r = 0.328; p = 0.028$), тогда как результаты методик *10 предметов* и *Память на конструирование* оказались связаны частично: результаты методики *10 предметов* связаны только с одним из аспектов, рассматриваемых в методике *Память на конструирование*, а именно с памятью на образы ($r = 0.402, p = 0.006$). Это позволило нам сделать вывод, что *Память на конструирование* дает больше диагностических данных, чем *10 предметов*.

Таким образом, мы можем говорить о диагностике произвольности с помощью данных методов, отмечая высокую детализацию развития различных аспектов регуляторных функций с использованием методик, разработанных в зарубежных подходах.

Для проверки того, что в методике *Повторение предложений* происходит постепенное усложнение заданий, было проведено сравнение результатов, полученных в каждом из вопросов. Итогом этой работы стало перемещение некоторых предложений для дальнейшей работы с методикой. Так, к примеру, предложение 14 «Подростки в нашем доме собирают деньги на строительство развлекательного центра» оказалось значимо более трудным для дошкольников, чем предложение 15 «Мы сложили еду для пикника обратно в корзину, потому что приближалась буря» (критерий Вилкоксона для двух зависимых выборок, $W = -5.808, p < 0.000$). В связи с этим на следующем этапе стандартизации порядок предъявления предложений будет несколько изменен.

Типология развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте

Достаточно большой разброс данных в результатах выполнения методик на диагностику уровня развития регуляторных функций (таблица 1) позволил

выдвинуть предположение о возможности построения типологии развития регуляторных функций дошкольников 5–6 лет. При помощи кластерного анализа (метод k-средних) данных всех рассматриваемых методик респонденты были распределены на четыре группы (количество групп было выведено опытным путем). В таблице 3 представлены центры полученных кластеров-типов (средневзвешенные значения).

При помощи критерия Краскела–Уоллиса для нескольких независимых выборок проверили, являются ли различия между оценками дошкольников разных групп значимыми. Значимые различия наблюдаются по результатам всех методик, кроме «Сортировка по изменяемому признаку». Отметим, что именно по этой методике относительный разброс данных наименьший. Опишем получившиеся группы дошкольников подробнее.

1 тип (12% выборки). Дошкольники, попавшие в эту группу, имеют невысокие оценки развития зрительной памяти, тратят много времени при выполнении проб на называние и торможение, допуская при этом довольно много ошибок, которые не исправляются. Слухоречевая память развита хорошо.

2 тип (41% выборки). Респонденты этой группы имеют невысокие оценки развития зрительной памяти, быстро выполняют пробы на называние и торможение. При этом в пробе на торможение допускается много ошибок, большая часть которых не исправляется. Слухоречевая память у дошкольников этой группы развита хуже, чем у остальных дошкольников.

3 тип (18% выборки). Дошкольники из этой группы имеют высокие оценки развития зрительной памяти. Затраты времени на выполнение проб на называние и торможение средние. При этом допускается минимальное число оши-

Таблица 3

Центры кластеров по всем оценкам компонент регуляторных функций

	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип
Память на конструирование, образ (MDC)	35.89	35.98	42.55	44.11
Память на конструирование, расположение (MDS)	13.32	12.76	21.11	21.34
Память на конструирование, общий балл (MDT)	65	61	97	101
Повторение предложений (SR)	21	19	20	21
Сортировка по цвету (DCCS_Pr)	6	6	6	6
Сортировка по форме (DCCS_Ps)	5	5	6	6
Сортировка с рамкой (DCCS_B)	8	7	7	7
Сортировка, общий балл (DCCS_T)	19	19	19	19
Называние, время (INT)	65.5	41.4	49.6	37.8
Торможение, неисправленные ошибки (HUE)	5.2	3.6	1.9	3.4
Торможение, исправленные ошибки (HCE)	1.9	1.9	2.4	1.8
Торможение, время (HT)	94.1	57.6	70.6	51.0

бок, бóльшая часть которых исправляется. Развитие слухоречевой памяти находится на среднем уровне.

4 тип (29% выборки). Респонденты, попавшие в эту группу, получили самые высокие оценки при тестировании развития зрительной памяти. Слухоречевое развитие также находится на высоком уровне. Затраты времени на выполнение проб на называние и торможение — минимальные по сравнению с другими группами. При этом ошибки в пробе на торможение (количество ошибок — на среднем уровне) чаще не исправляются, чем исправляются.

Важными представляются различия между третьим и четвертым типом развития регуляторных функций дошкольников. Дошкольники третьего типа предпочитают тратить больше времени, стараясь избежать ошибок, тогда как дети четвертого типа настроены на быстрое выполнение задания, не так сильно заботясь о точности получаемого результата.

Обсуждение результатов и выводы

В работе представлен первый этап адаптации и стандартизации комплекса методик, направленных на диагностику уровня развития регуляторных функций у старших дошкольников и на изучение основных их компонентов.

Проведен сравнительный анализ результатов, полученных на российских и американских дошкольниках. Выявлены как общие, так и различные черты, которые можно объяснить разницей в системах образования и опыта ребенка. Так, к примеру, уровень развития памяти на образы (картинки) оказался выше у российских старших дошкольников, а памяти на пространственные представления — у их американских сверстников. Мы находим полученные результаты логичными, так как в американском начальном образовании обучение по большей части ведется путем освоения детьми практических навыков, что и ведет к лучшей ориентации в пространстве. В российской школе занятия проводятся чаще всего за партами и включают теоретическую часть, а это, в свою очередь, помогает больше сосредотачиваться на деталях изображений (Борисова, 2010).

В результате проверки связей между результатами выполнения разных методик было получено, что уровни развития слухоречевой и зрительной памяти не связаны между собой. При этом слухоречевая память в большей степени обеспечивает успешность выполнения задач на переключение, а зрительная — на торможение. Уровни же развития переключения и торможения оказались связанными.

Для проверки конвергентной валидности методического комплекса были сравнены (на части выборки) результаты выполнения дошкольниками двух батарей методик: заявленной в исследовании и разработанной в лаборатории Л.А. Венгера. Большое количество связей подтверждает правомерность использования выбранного комплекса для диагностики уровня развития регуляторных функций.

Для получения более объемной картины вариантов развития регуляторных функций старших дошкольников респонденты были разделены на четыре

группы. Были описаны особенности и численный состав каждой группы. При достаточно высоком уровне развития регуляторных функций можно увидеть начало формирования двух основных стратегий выполнения задания: первая направлена на как можно более быстрое выполнение, вторая — на безошибочное.

Заключение

Уже на данном этапе можно видеть диагностические возможности предложенного к рассмотрению инструментария, направленного на диагностику уровня развития регуляторных функций.

На следующем этапе с внесением небольших изменений в материалы, с применением более строгого контроля возраста детей на момент проведения каждой из методик будут разработаны нормы для российской выборки. Кроме того, планируется проведение ретеста на аналогичных материалах и контроль таких переменных, как личность тестера, географическое расположение детских садов и т.д.

Литература

- Алмазова, О. В., Бухаленкова, Д. А., Веракса, А. Н. (2016). Произвольность в дошкольном возрасте: сравнительный анализ различных подходов и диагностического инструментария. *Национальный психологический журнал*, 24(4), 14–22.
- Ахутина, Т. В., Варако, Н. А., Григорьева, В. Н., Микадзе, Ю. В., Скворцов, А. А., Фуфаева, Е. В. (2014). *Нейропсихологическая диагностика и нейропсихологическая реабилитация нарушений управляющих (регуляторных) функций и критичности при повреждениях головного мозга. Клинические рекомендации*. М.: Союз реабилитологов России.
- Борисова, С. П. (2010). Современное дошкольное образование за рубежом. *Теория и практика общественного развития*, 3, 132–137.
- Венгер, Л. А., Агаева, Е. Л., Венгер, Н. Б., Говорова, Р. И., Дьяченко, О.М., Журова Л.Е., ... Цеханская, Л. И. (1986). *Развитие познавательных способностей в процессе дошкольного воспитания*. М.: Педагогика.
- Венгер, Л. А., Агаева, Е. Л., Бардина, Р. И., Брофман, В. В., Булычева, А. И., Бурлакова, И. А., ... Цеханская, Л. И. (1995). *Психолог в детском саду*. М.: ИНТОР.
- Венгер, Л. А., Холмовская, В. В. (1978). *Диагностика умственного развития дошкольников*. М.: Педагогика.
- Веракса, А. Н., Васильева, М. Д., Арчакова, Т. О. (2016). Развитие произвольности регуляторных функций в дошкольном возрасте: обзор современных зарубежных исследований. *Вопросы психологии*, 6, 150–166.
- Веракса, А. Н., Якупова, В. А., Алмазова, О. В., Мартыненко, М. Н. (2016). Познавательное и социальное развитие дошкольников в контексте готовности к школе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология и педагогика*, 3, 97–108.
- Выготский, Л. С. (1984). Детская психология. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (т. 4, с. 243–385). М.: Педагогика.

- Лурия, А. Р. (2002). *Основы нейропсихологии*. М.: Академия.
- Марцинковская, Т. Д. (2000). *Детская практическая психология*. М.: Гардарика.
- Смирнова, Е. О. (2015). К проблеме воли и произвольности в культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, 11(3), 9–15.
- Эльконин, Д. Б. (2006). *Детская психология*. М.: Академия.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Алмазова Ольга Викторовна — доцент, кафедра возрастной психологии, факультет психологии, ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: привязанность, эмоциональная, когнитивная и регуляторная сферы развития ребенка в дошкольном и младшем школьном возрасте.
Контакты: almaz.arg@gmail.com

Бухаленкова Дарья Алексеевна — младший научный сотрудник, кафедра психологии образования и педагогики, факультет психологии, ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: эмоциональная, когнитивная и регуляторная сферы развития ребенка в дошкольном и младшем школьном возрасте.
Контакты: d.bukhalenkova@inbox.ru

Веракса Александр Николаевич — заведующий кафедрой, профессор, кафедра психологии образования и педагогики, факультет психологии, ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО.
Сфера научных интересов: эмоциональная, когнитивная и регуляторная сферы развития ребенка в дошкольном и младшем школьном возрасте.
Контакты: veraksa@yandex.ru

Assessment of the Level of Development of Executive Functions in the Senior Preschool Age

O.V. Almazova^a, D.A. Bukhalenkova^a, A.N. Veraksa^a

^aLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The article employs the model of executive functions by A. Miyake to preschool age. The main objective of the research was the approbation of the diagnostic instrument NEPSY-II to assess the level of development of the three main components of executive functions (working memory, cognitive flexibility and inhibition) in the Russian preschoolers. The sample consisted of 267 children (143 boys and 124 girls) aged 5–6 (M = 5.6, SD = 0.3), who frequented the senior group of Moscow nursery schools. In the result of comparison of the performance of American and Russian children aged 5–6 years, certain cross-cultural differences were found: remembering images in general is more developed in Russian children, while spatial memory is better in American kids. To verify the convergent validity of the instrument on a partial sample (N = 48), correlation analysis was conducted of the results of two batteries of tests: one that was approbated and one by L.A. Venger. The found correlations confirmed the feasibility to use this instrument for the executive functions assessment. The data analysis showed that the levels of audio-verbal and visual working memory in senior preschoolers are not connected. But audio-verbal working memory is at large the foundation of the development of cognitive flexibility (switching), while visual working memory underlies the inhibition. Based on the results of the assessment four variants of executive functions in senior preschool age were distinguished and described. Children with relatively high level of development of executive functions were arranged in two groups in accordance with orientation: those who sought to perform the tasks faster and those who were focused on quality (avoidance of mistakes).

Keywords: preschool age, executive functions, voluntariness, audio-verbal working memory, visual working memory, cognitive flexibility, inhibition.

References

- Akhutina, T. V., Varako, N. A., Grigorieva, V. N., Mikadze, Yu. V., Skvortsov, A. A., & Fufaeva, E. V. (2014). *Neiropsiknologicheskaya diagnostika i neiropsiknologicheskaya reabilitatsiya narusheniy upravlyayushchikh (regulyatornykh) funktsiy i kritichnosti pri povrezhdeniyakh golovnogo mozga. Klinicheskie rekomendatsii* [Neuropsychological diagnostics and neuropsychological rehabilitation of impairment of executive functions and criticism in brain injuries]. Moscow: Soyuz reabilitologov Rossii. (in Russian)
- Almazova, O. V., Bukhalenkova, D. A., & Veraksa, A. N. (2016). The voluntariness in the preschool age: a comparative analysis of various approaches and diagnostic tools. *Natsionalny Psikhologichesky Zhurnal [National Psychological Journal]*, 24(4), 14–22. (in Russian)

- Barkley, R. A. (2001). The executive functions and self-regulation: An evolutionary neuropsychological perspective. *Neuropsychology Review*, 11(1), 1–29.
- Blair, C. (2002). School readiness: Integrating cognition and emotion in a neurobiological conceptualization of children's functioning at school entry. *American Psychologist*, 57, 111–127.
- Borisova, S. P. (2010). Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie za rubezhom [Modern preschool education abroad]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, 3, 132–137.
- Diamond, A., & Lee, K. (2011). Interventions shown to aid executive function development in children 4–12 years old. *Science*, 333, 959–964.
- Diamond, A., Kirkham, N., & Amso, D. (2002). Conditions under which young children can hold two rules in mind and inhibit a prepotent response. *Developmental Psychology*, 38, 352–362.
- Elkonin, D. B. (2006). *Detskaya psikhologiya* [Child psychology]. Moscow: Akademiya.
- Korkman, M., Kirk, U., & Kemp, S. L. (2007). *NEPSY II. Administrative manual*. San Antonio, TX: Psychological Corporation.
- Lehto, J., Juujarvi, P., Kooistra, L., & Pulkkinen, L. (2003). Dimensions of executive functioning: evidence from children. *The British Journal of Developmental Psychology*, 21, 59–80.
- Luria, A. R. (2002). *Osnovy neiropsikhologii* [Foundations of neuropsychology]. Moscow: Akademiya. (in Russian)
- Martsinkovskaya, T. D. (2000). *Detskaya prakticheskaya psikhologiya* [Practical child psychology]. Moscow: Gardarika. (in Russian)
- Miyake, A., Friedman, N. P., Emerson, M. J., Witzki, A. H., Howerter, A., & Wager, T. (2000). The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis. *Cognitive Psychology*, 41, 49–100.
- Raven, J., Raven, J. C., & Court, J. H. (1998). *Manual for Raven's progressive matrices and vocabulary scales. Section 2: The coloured progressive matrices*. Oxford, UK: Oxford Psychologists Press.
- Smirnova, E. O. (2015). On the problem of will and self-regulation in cultural-historical psychology. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 11(3), 9–15. (in Russian)
- Solovieva, Yu., & Quintanar, L. (2015). Qualitative syndrome analysis by neuropsychological assessment in preschoolers with attention deficit disorder with hyperactivity. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(3), 112–124.
- Venger, L. A., Agaeva, E. L., Bardina, R. I., Brofman, V. V., Bulycheva, A. I., Burlakova, I. A., ... Tsekhanskaya, L. I. (1995). *Psikholog v detskom sadu* [Psychologist in the nursery school]. Moscow: INTOR. (in Russian)
- Venger, L. A., Agaeva, E. L., Venger, N. B., Govorova, R. I., D`yachenko, O.M., Zhurova L.E., ... Cexanskaya, L. I. (1986). *Razvitie poznavatel'nykh sposobnostej v processe doshkol'nogo vospitaniya* [Development of cognitive abilities in the process of preschool education]. Moscow: Pedagogika. (in Russian)
- Venger, L. A., & Kholmovskaya, V. V. (1978). *Diagnostika umstvennogo razvitiya doshkol'nikov* [Diagnostics of the cognitive development]. Moscow: Pedagogika. (in Russian)
- Veraksa, A. N., Vasilieva, M. D., & Archakova, T. O. (2016). Development of arbitrary regulatory functions in preschool children: A review of contemporary foreign studies. *Voprosy Psikhologii*, 6, 150–166. (in Russian)
- Veraksa, A. N., Yakupova, V. A., Almazova, O. V., & Martynenko, M. N. (2016). Cognitive and social development of preschoolers in the context of school readiness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 3, 97–108. (in Russian)

- Verbitskaya, L. A., Malykh, S. B., Zinchenko, Yu. P., & Tikhomirova, T. N. (2015). Cognitive predictors of success in learning Russian. *Psychology in Russia: State of the Art*, 8(4), 91–100.
- Visu-Petra, L., Cheie, L., Benga, O., & Miclea, M. (2012). The structure of executive functions in preschoolers: An investigation using the NEPSY battery. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 33, 627–631.
- Vygotsky, L. S. (1984). Detskaya psikhologiya [Child psychology]. In L. S. Vygotsky, *Sobranie sochineniy* [Collected works] (Vol. 4, pp. 243–385). Moscow: Pedagogika. (in Russian)
- Welsch, J. A., Nix, R. L., Blair, C., Bierman, K. L., & Nelson, K. E. (2010). The development of cognitive skills and gains in academic school readiness for children from low-income families. *Journal of Educational Psychology*, 102, 43–53.
- Willoughby, M. T., Kupersmidt, J. B., & Voegler-Lee, M. E. (2012). Is preschool executive function causally related to academic achievement? *Child Neuropsychology: A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence*, 18(1), 79–91.
- Yeniad, N., Malda, M., Mesman, J., Van IJzendoorn, M. H., & Pieper, S. (2013). Shifting ability predicts math and reading performance in children: A meta-analytical study. *Learning and Individual Differences*, 23, 1–9. doi:10.1016/j.lindif.2012.10.004
- Zelazo, P. D. (2006). The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children. *National Protocols*, 1, 297–301.

Olga V. Almazova — associate professor, Department of Developmental Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Ph.D.
Research area: emotional, cognitive and regulatory spheres of preschoolers and primary schoolers.
E-mail: almaz.arg@gmail.com

Daria A. Bukhalenkova — junior research fellow, Department of Psychology of Education and Pedagogics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Ph.D.
Research area: emotional, cognitive and regulatory spheres of preschoolers and primary schoolers.
E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

Aleksandr N. Veraksa — head of the department, professor, Department of Psychology of Education and Pedagogics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Ph.D.
Research area: emotional, cognitive and regulatory spheres of preschoolers and primary schoolers.
E-mail: veraksa@yandex.ru

АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА Е.Т. ХИГГИНСА ПО ДИАГНОСТИКЕ ФОКУСА РЕГУЛЯЦИИ НА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЫБОРКЕ

В.А. ГЕРШКОВИЧ^а, Н.В. МОРОШКИНА^а, А.К. КУЛИЕВА^а,
А.Д. НАСЛЕДОВ^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9

Резюме

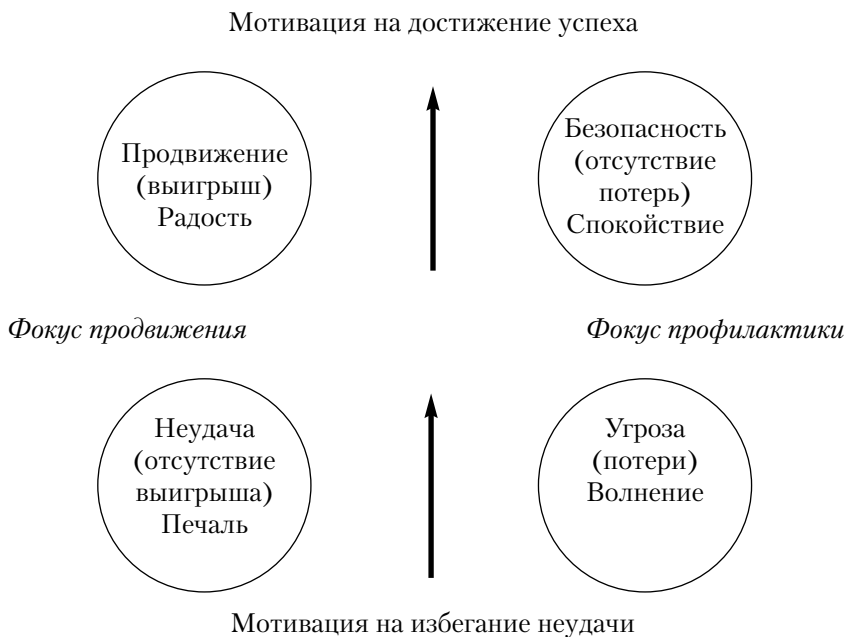
В статье представлены результаты адаптации опросника Т. Хиггинса по диагностике фокуса регуляции (Regulatory Focus Questionnaire, RFQ) на русскоязычной выборке. В соответствии с теорией фокуса регуляции целенаправленное поведение регулируется двумя различными мотивационными системами (системами саморегуляции) – фокусом продвижения (promotion) и фокусом профилактики (prevention), которые подразумевают качественно различные средства достижения желаемых состояний. Система продвижения связана с переживанием удовольствия от наличия позитивных исходов и неудовольствия от их отсутствия, а система профилактики связана с переживанием удовольствия от отсутствия негативных исходов (потерь) и неудовольствия от их наличия. В процедуре адаптации опросника приняли участие 536 (в возрасте от 17 до 23 лет) человек, из них 158 – на пилотажном этапе, 308 – на основном этапе исследования. В процессе адаптации опросника выполнен прямой и обратный перевод опросника, проведены проверки: факторной структуры опросника с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА), внутренней согласованности шкал опросника, ретестовой надежности. Проверка валидности опросника проводилась с помощью изучения влияния доминирующего фокуса регуляции на подверженность классическим когнитивным искажениям при принятии решений. Результаты применения КФА показали сохранение двухфакторной ортогональной структуры опросника (CMIN = 52.580; df = 39; $p = 0.072$; GFI = 0.971; CFI = 0.957; RMSEA = 0.034; Pclose = 0.884), шкалы методики обладают достаточно высокой надежностью по внутренней согласованности их пунктов (α Кронбаха для шкалы «Фокус продвижения» 0.77 и для шкалы «Фокус профилактики» – 0.78), по ретестовой надежности. Количество вопросов, вошедших в русскоязычную версию, соответствует оригинальной версии опросника. Проведенные исследования свидетельствуют в пользу конструктивной валидности шкал. Опросник может быть использован для людей в возрасте от 17 до 23 лет. В статье приведены текст опросника, инструкции и ключ.

Ключевые слова: опросник по диагностике фокуса регуляции, теория фокуса регуляции, фокус продвижения, фокус профилактики, мотивация достижения.

В настоящее время в зарубежных исследованиях все большую популярность набирает теория фокуса регуляции (regulatory focus), предложенная Т. Хиггинсом в 1997 г. (Higgins, 1997). Эта теория является развитием классической модели мотивации достижения (Atkinson, 1964). Согласно теории мотивации достижения, новая задача, с которой сталкивается человек, вызывает чувства, связанные с выполнением предыдущих заданий. Например, для людей с субъективной историей успеха новая задача достижения вызывает чувство гордости. Это чувство провоцирует реакции предвосхищения будущей цели и направляет поведение на ее достижение (мотивация достижения успеха). С другой стороны, для людей с субъективной историей неудачи новая задача вызывает чувство стыда, и это чувство, в свою очередь, приводит к появлению стратегий, связанных с избеганием достижения цели (мотивация избегания неудачи). В развиваемой Т. Хиггинсом теории фокуса регуляции предполагается, что сами стратегии достижения цели также могут быть различными в зависимости от того, какова была история достижения успеха (см. рисунок 1). Фактически теория фокуса регуляции — это теория о том, как люди достигают поставленных ими целей. Основываясь на том, что люди в основном мотивированы либо на достижение удовольствия, либо, наоборот, на избегание неудовольствия, Т. Хиггинс предполагает, что сами эти цели могут быть репрезентированы совершенно по-разному в зависимости от того, какая система саморегуляции активирована у человека.

Рисунок 1

**Связь понятий мотивация достижения/избегания неудач и
фокус продвижения/профилактики (Molden et al., 2008, p. 171)**

В соответствии с теорией фокуса регуляции (Higgins, 1997, 1998) целенаправленное поведение регулируется двумя различными мотивационными системами (системами саморегуляции) — фокусом продвижения (promotion) и фокусом профилактики (prevention), которые подразумевают качественно различные средства достижения желаемых состояний. В случае работы фокуса продвижения люди представляют цель как надежду и вдохновение, в случае фокуса профилактики — как обязанность или долг. Подобные репрезентации целей приводят соответственно к тому, что люди предпочитают либо более рискованные стратегии поведения (eagerness means), либо стратегии бдительности (vigilance means) и профилактики ошибок для достижения поставленных целей. Система продвижения связана с переживанием удовольствия от наличия позитивных исходов и неудовольствия от их отсутствия, люди с выраженным фокусом продвижения более к ним чувствительны, а используемые ими стратегии достижения целей включают готовность достигать успеха или получать выигрыш. Система профилактики связана с переживанием удовольствия от отсутствия негативных исходов (потерь) и, соответственно, неудовольствия от их наличия, что порождает чувствительность к наличию или отсутствию негативного результата и использование бдительности с тем, чтобы избежать потерь. Например, как пишет Т. Хиггинс (Higgins et al., 1994), студент с выраженным фокусом продвижения, цель которого получить наивысший балл на экзамене, воспринимаемая им как достижение, может стремиться к этому путем чтения дополнительной литературы по теме или организации группы сокурсников для обсуждения вопросов курса. Студент с выраженным фокусом профилактики, который воспринимает цель получения наивысшего балла как ответственность, будет стараться минимизировать помехи, способные помешать ему достичь поставленной цели, стремясь убедиться, что он хорошо знает материал, или избежать каких-либо дополнительных раздражителей перед экзаменом. Эти стратегические различия в достижении желаемых состояний внутри двух мотивационных систем, согласно автору теории, могут быть рассмотрены в терминах теории обнаружения сигнала (Tanner, Swets, 1954). Тогда фокус профилактики будет пониматься как установка на уменьшение ошибок ложной тревоги (false alarm) и чувствительность к потерям, а фокус продвижения — как установка на увеличение попаданий (hit) и чувствительность к приобретениям (Higgins et al., 2001).

Фокус регуляции может быть как вызван ситуативно, например с помощью инструкций (Crowe, Higgins, 1997; Higgins, 1997), так и являться устойчивой индивидуальной стратегией (так называемый доминирующий фокус — chronic regulatory focus), связанной с субъективной историей достижения успеха в различных видах деятельности. Развитие доминирующего фокуса регуляции авторы связывают, в частности, со стилями воспитания (Higgins, Silberman, 1998). Акцент родителей на позитивном результате, т.е. вознаграждение за желаемое поведение и отсутствие вознаграждения при отсутствии требуемого поведения, подкрепляет формирование фокуса продвижения. Акцент на негативном результате, т.е. наказание за несоответ-

ствующее поведение и отсутствие наказания при соблюдении правил, подкрепляет формирование фокуса профилактики. На основании идеи о том, что доминирующий фокус регуляции формируется в течение жизни, Т. Хиггинс с соавт. разработали опросник по диагностике фокуса регуляции – Regulatory Focus Questionnaire (RFQ; Higgins et al., 2001).

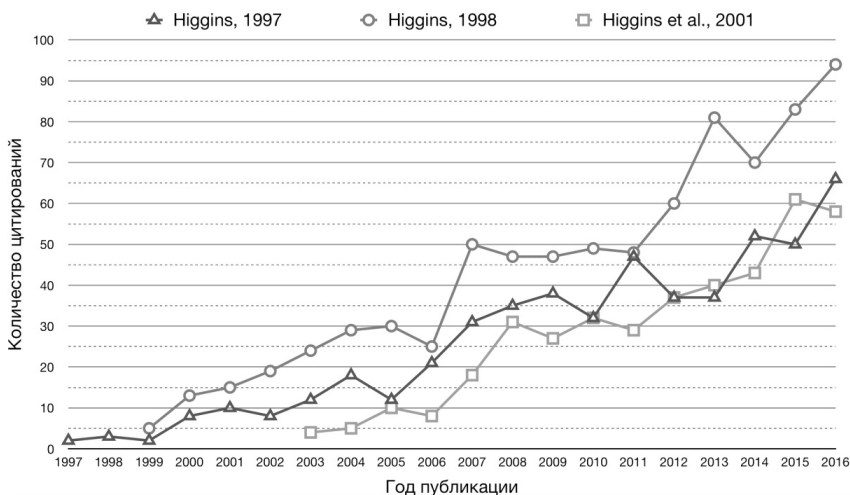
За двадцатилетнюю историю своего существования теория фокуса регуляции приобрела достаточно большую известность и влияние. Начиная с первой публикации теории фокуса регуляции в 1997 г. количество ссылок на работы Т. Хиггинса, посвященные фокусу регуляции и опроснику, созданному для его диагностики, неуклонно растет (см. рисунок 2).

В рамках данной теории был не только предложен новый взгляд на мотивацию, связанную с достижением, но и обоснована связь репрезентации целей и стратегий их достижения с базовыми когнитивными механизмами (чувствительностью к определенным параметрам ситуации, вниманием, запоминанием и т.п.) (см., например: Molden, 2012).

Исследования, в которых регуляторный фокус измерялся с помощью опросника или же варьировался с помощью ситуативных факторов, показали различия в поведении, характерные для фокуса продвижения и профилактики. Выраженность фокуса продвижения положительно коррелировала со скоростью глобальной обработки информации и отрицательно – со скоростью локальной обработки, обратное было характерно для выраженности фокуса профилактики (Förster, Higgins, 2005). Также была обнаружена связь с балансом скорости/точности обработки информации: испытуемые с фокусом продвижения демонстрировали более быстрое, но менее точное выполнение

Рисунок 2

Количество цитирований (по данным Web of Science на июнь 2017 г.) ключевых статей Т. Хиггинса, посвященных изложению теории фокуса регуляции (Higgins, 1997, 1998) и опроснику по диагностике фокуса регуляции (Higgins et al., 2001)

заданий, чем испытуемые с фокусом профилактики. Было показано, что по мере приближения к концу выполнения задачи у испытуемых с фокусом продвижения скорость увеличивалась, а точность падала, тогда как у испытуемых с фокусом профилактики — наоборот (Förster et al., 2003). Фокус регуляции оказался связан с решением творческих задач: индукция фокуса продвижения способствовала более быстрому нахождению решения в творческой задаче и генерации новых вариантов решений. Как предполагают авторы исследования, в основе таких различий лежат большая склонность к выбору рискованной стратегии ответа и активация поиска в памяти, связанного с новыми вариантами ответов (Stowe, Higgins, 1997; Friedman, Förster, 2001). Согласно точке зрения Хиггинса (Higgins, 1997), система регуляторного фокуса состоит из базовых механизмов, побуждающих к специфической настройке на обработку информации, аффективные переживания при этом дают дополнительную информацию касательно эффективности/неэффективности выбранного стиля обработки информации относительно достижения поставленной цели.

Обнаружена связь фокуса регуляции с особенностями взаимодействия в социальных ситуациях. Когда поведение людей основано на целях продвижения, они извлекают из социального окружения информацию, связанную с достижением успеха, т.е. они с большей вероятностью обратят внимание и будут вспоминать информацию, связанную с тем, как другие люди достигали успеха (Higgins, Tykocinski, 1992). Люди с таким фокусом регуляции хорошо настроены на эмоциональное состояние людей, связанное с успешным или неуспешным стремлением к выигрышу (т.е. к счастью или унынию соответственно) (Higgins et al., 1997). Более того, они демонстрируют высокую мотивацию и настойчивость в тех ситуациях, задачи в которых сформулированы в терминах продвижения (Shah et al., 1998). Когда же поведение людей регулируется целями профилактики, они обращают внимание на неудачи, вспоминают, как другие люди избегали неудач, и особо чувствительны к эмоциям других людей, связанных с их успешным или неуспешным избеганием негативных результатов (покой и тревожность соответственно). Они демонстрируют высокую мотивацию в тех ситуациях, задачи в которых сформулированы в терминах профилактики.

Таким образом, у людей с разным фокусом регуляции (продвижения или профилактики) обнаруживаются различные когнитивные и эмоциональные реакции, которые приводят к различному, а иногда даже противоположному поведению. В целом люди особо чувствительны к информации, которая соответствует их доминирующему регуляторному фокусу, они более мотивированы и результативны в ситуациях, когда поставленные задачи вынуждают их использовать те стратегии, которые соответствуют их фокусу (Higgins, 2000). Это наблюдение привело к разработке механизма регуляторного совпадения (*regulatory fit*). Постулируется, что если цель задания, с которым работает человек, совпадает с его доминирующим фокусом регуляции, то человек переживает регуляторное совпадение. Такое совпадение в целом приводит к более эффективному выполнению задания (Higgins, 2000, 2005), т.е. опосредованно, через регуляторное совпадение, фокус регуляции влияет на то, какова будет

мотивация к выполнению задания и как будет оценен достигнутый результат (положительно или отрицательно) (Higgins, 2006).

Теория фокуса регуляции и механизм регуляторного совпадения активно исследуются в области социальной и организационной психологии, психологии рекламы и психологии спорта. Наибольший интерес исследователей вызывают эффекты регуляторного совпадения. Было показано, что соответствие доминирующего фокуса регуляции и фрейминга сообщений (акцент на приобретениях/акцент на потерях) приводит к большей эффективности последних. Так, например, если у человека преобладает фокус продвижения, он скорее обратит внимание на рекламу сока, если она сообщает о возможных приобретениях («Этот сок даст вам много энергии для новых свершений!»). Если у человека преобладает фокус профилактики, то его внимание больше привлечет сообщение о возможности предотвращения потерь (например: «Этот сок способствует профилактике болезней благодаря содержащимся в нем витаминам»). Применение данного эффекта исследуется на примере воздействия рекламных сообщений, в техниках переговоров, при разработке рекомендаций для врачей (что и как сообщать больному, чтобы он придерживался здоровьесберегающего поведения) и т.д. (Cesario et al., 2013; Mowle et al., 2014). Соответствие доминирующего фокуса регуляции и индуцированного задачей (например, с помощью инструкций тренера «Обязательно попади!» или «Только не промахнись!») способствует повышению эффективности выполнения когнитивных и двигательных задач (regulatory fit effects). Применение данного эффекта в последнее время все чаще исследуется у профессиональных спортсменов (футболистов, теннисистов, игроков в гольф и др.) (Kacperski, Kutzner, 2016; Kutzner et al., 2013; Plessner et al., 2009). При этом было показано, что несоответствие индивидуального фокуса регуляции и фрейма задачи, по-видимому, само по себе может вызывать напряжение и стресс (Schwab et al., 2015).

Все это свидетельствует об эвристичности теории фокуса регуляции. Еще одна область ее применения — кросс-культурные исследования мотивации. Согласно подходу Т. Хиггинса, культура играет важную роль в формировании фокусов регуляции. В теории предполагается, что восточноазиатские коллективистские культуры больше ориентированы на профилактику, тогда как западная индивидуалистская культура больше ориентирована на продвижение (Heine, Ruby, 2010; Higgins et al., 2008). Однако в реальных исследованиях обнаруживается более сложная картина (см., например: Kurman, Hui, 2011).

Интерес к теории мотивации Тори Хиггинса в России, несомненно, возрастает. В 2014 г. на русском языке была издана книга Х. Хэлворсона и Т. Хиггинса «Как глубинные установки влияют на наши желания и поступки» (Хэлворсон, Хиггинс, 2014), в которой излагаются базовые постулаты теории, был адаптирован на русский язык «опросник самостей» Т. Хиггинса (Кургинян, 2013), положение о регуляторном фокусе используется в когнитивно-психологических исследованиях (см., например: Агафонов, Козлов, 2014). Однако прямое сопоставление результатов отечественных исследований с работами иностранных коллег затруднено в связи с отсутствием методики диагностики фокуса регуляции, адаптированной для русскоязычной выборки. Мы

обнаружили адаптации опросника на диагностику фокуса регуляции на финской (Leikas et al., 2009), китайской (Ip, Chiu, 2001), румынской (Rusu et al., 2015), польской (Ваk et al., 2015) выборках.

Цель настоящей работы — адаптация опросника «Regulatory Focus Questionnaire» на русскоязычной выборке. Адаптация опросника проводилась в несколько этапов. Ниже будут приведены результаты пилотажного и основного этапов исследования, в которое входили: проверка факторной структуры опросника, внутренней согласованности шкал, тест-ретестовой надежности; будет описано исследование, направленное на проверку валидности опросника.

Структура оригинальной версии опросника

Опросник на диагностику фокуса регуляции состоит из 11 вопросов и содержит две психометрически независимые шкалы. Шкала «Фокус продвижения» измеряет субъективное восприятие успеха, достигнутого посредством продвижения, и содержит 6 вопросов. Шкала «Фокус профилактики» измеряет субъективное восприятие успеха, достигнутого посредством профилактики, и содержит 5 вопросов. Вопросы в обеих шкалах сформулированы как в прямом, так и в обратном виде. Опросник основан на предположении, что люди с более высокими баллами по шкале «Фокус продвижения» будут использовать более рискованные стратегии при достижении цели, чем люди с меньшим количеством баллов по данной шкале. И независимо от этого люди с более высокими баллами по шкале «Фокус профилактики» будут более склонны к профилактике ошибок, чем люди с меньшим количеством баллов по данной шкале. Разработка опросника, проверка факторной структуры и надежности опросника проводились авторами на студенческой выборке (Higgins et al., 2001). Показана внутренняя согласованность пунктов шкалы: для шкалы «Фокус продвижения» — 0,73, для шкалы «Фокус профилактики» — 0,8; корреляции между суммарными баллами по шкалам не обнаруживается. Отметим, что в теории фокуса регуляции предполагается, что как фокус продвижения, так и фокус профилактики отражают две разных формы реализации мотивации достижения. При проверке Т. Хиггинсом этого предположения с использованием шкалы мотивации достижения опросника Д. Джэксона (Jackson, 1974) была показана положительная корреляция выраженности каждого из фокусов с выраженностью мотивации достижения.

Методика исследования и процедура адаптации¹

В процедуре адаптации опросника приняли участие 536 человек, из них 158 — на пилотажном этапе, 308 — на основном этапе исследования, 70 человек в дополнительном исследовании, направленном на проверку валидности

¹ Авторы выражают благодарность своим коллегам и студентам И.И. Иванчею, И.В. Овчинниковой, М.И. Нелюбову, Р.В. Тихонову, Д.К. Урих., В.Д. Шеремет за помощь в сборе данных.

опросника. В связи с тем что оригинальная версия опросника разрабатывалась на студенческой выборке, а известные нам адаптации опросников также ограничивались этим возрастным диапазоном, в выборку для русскоязычной адаптации включались испытуемые в возрасте от 17 до 23 лет.

Процесс адаптации методики осуществлялся в соответствии со стандартным методом адаптации зарубежных опросников (см., например: Бурлачук, 2006). Перевод методики с английского языка на русский был выполнен двумя независимыми экспертами: психологом, владеющим английским языком, и профессиональным переводчиком. В процессе перевода внимание уделялось сохранению содержания вопроса, а также сохранению грамматической формы высказывания.

После этого с целью проверки адекватности перевода был выполнен обратный перевод с русского на английский язык. Перевод осуществлялся профессиональным переводчиком, не знакомым с текстом оригинала. Полученный обратный перевод (с русского на английский) был прочитан Тори Хиггинсом (автором методики). Было получено подтверждение от автора оригинальной версии опросника сохранения содержания вопросов и инструкции с учетом двух этапов перевода опросника.

Пилотажное исследование

На первом этапе было проведено пилотажное исследование, целями которого были: проверка факторной валидности методики; проверка надежности шкал методики по внутренней согласованности их пунктов; проверка понимания испытуемыми вопросов методики. В пилотажном исследовании приняли участие 158 человек, в возрасте от 17 до 23 лет ($M = 20.5$ года, $\sigma = 1.7$); 122 женщины, 36 мужчин. Все опросы проводились в индивидуальном порядке на добровольной основе.

В результате применения конфирматорного факторного анализа (КФА) была подтверждена двухфакторная ортогональная структура опросника, правда, с потерей одного пункта (№ 9). Для проверки внутренней согласованности рассчитывался коэффициент α Кронбаха. Были получены следующие показатели: шкала «Фокус продвижения» — α Кронбаха = 0.523, шкала «Фокус профилактики» — α Кронбаха = 0.677. Корреляции между суммарными показателями шкал обнаружено не было ($r = 0.114$, $p = 0.152$).

Мы предположили, что сохранение факторной структуры при невысокой внутренней согласованности может быть связано с не очень понятными формулировками вопросов. Для основного этапа нами было сделано несколько вариантов формулировок каждого вопроса с тем, чтобы подобрать формы высказывания, наиболее адекватные нормам русского языка. В работе над формулировками приняли участие два эксперта-филолога. При коррекции формулировок содержание вопроса практически не изменялось (например, для вопроса англоязычной версии «Do you often do well at different things that you try?» были сформулированы следующие варианты перевода: вариант 1. Как часто вы преуспеваете в ваших начинаниях?; вариант 2. Как часто вам

удается достичь успеха в новых видах деятельности?). В некоторых случаях для избегания формулировки вопроса с двойным отрицанием предлагался вариант перевода, ведущий к изменению подсчета баллов по шкале (например, для вопроса англоязычной версии «Compared to most people, are you typically unable to get what you want out of life?» были предложены следующие варианты: вариант 1. В сравнении с другими людьми как часто вы не получаете от жизни то, чего хотите?; вариант 2 (обратная формулировка вопроса): Обычно я добиваюсь того, чего хочу. Для каждого вопроса было сформулировано 2–3 разных варианта перевода, что в итоге составило 28 вопросов. В связи с небольшим количеством вопросов было принято решение предъявлять испытуемым все 28 вопросов, так как мы предполагали, что влияние последовательности вопросов будет незначительным.

Основной этап

В основном этапе адаптации опросника приняли участие 308 человек, в возрасте от 17 до 23 лет ($M = 20.8$ года, $\sigma = 1.76$); 207 женщин, 101 мужчина. Все опрошенные – студенты различных вузов.

Испытуемые заполняли онлайн-версию опросника. При описании оригинальной версии опросника мы не нашли указаний на предпочтительные формы его заполнения, однако в описанных выше исследованиях, включающих этот опросник, используются как онлайн-, так и офлайн-версии. Вопросы предъявлялись по одному и были разбиты на условные блоки: сначала первые формулировки всех 11 вопросов, потом вторые варианты формулировок и затем – третьи варианты для нескольких вопросов.

Анализ надежности русскоязычной версии

Для исследования надежности был проведен анализ внутренней согласованности шкал теста. На первом этапе мы выбрали 11 из 28 формулировок вопросов, которые показали наилучшую внутреннюю согласованность по каждой из шкал. Для проверки внутренней согласованности рассчитывался коэффициент α Кронбаха (Наследов, 2013; Шмелев, 2013) и GLB (Guttman's L2) (Bentler, 1972; Shapiro, ten Berge, 2000). Были получены следующие показатели надежности шкал по внутренней согласованности их пунктов: шкала «Фокус продвижения» (6 вопросов) – 0.770 (GLB (Guttman's L2) = 0.777); шкала «Фокус профилактики» (5 вопросов) – 0.784 (GLB (Guttman's L2) = 0.794).

Удаление любого из оставшихся пунктов не приводило к увеличению надежности шкал, поэтому по критерию надежности данный набор из 11 оставшихся вопросов является оптимальным для двух шкал методики.

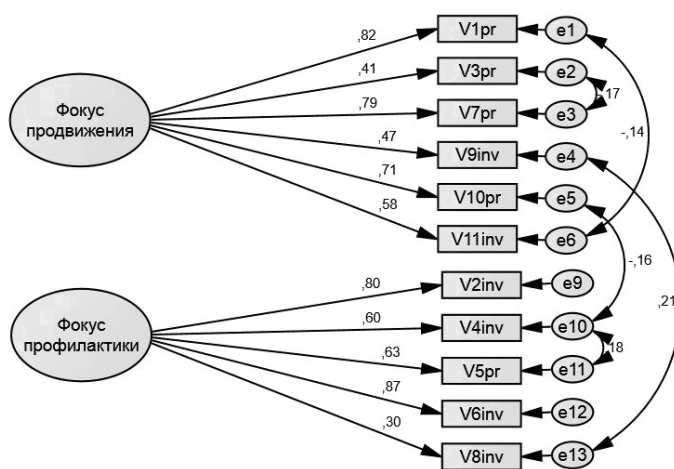
Для проверки факторной валидности двухшкального опросника применялся конфирматорный факторный анализ (КФА) в отношении отобранных 11 вопросов (программа SPSS AMOS). Допустимость применения КФА проверяется по достаточному объему выборки и по многомерной нормальности переменных. Соотношение объема выборки ($N = 308$) и числа оцениваемых

параметров модели ($T = 28$) существенно превышает недопустимо низкий порог 5, следовательно, объем выборки достаточен. Многомерная нормальность проверяется по критическому отношению (C.R.) для многомерного эксцесса, который не должен заметно превышать 5 (Kline, 2011). В нашем случае $C.R. = 7.211$, что указывает на отклонение распределения переменных от многомерной нормальности. В этом случае, однако, возможно применение метода анализа, приблизительно свободного от распределения (ADF, Asimptotically Distribution Free) (Наследов, 2013; Byrne, 2010). Этот метод, доступный в программе AMOS, и был нами применен для КФА.

В качестве исходной гипотетической (априорной) модели использовалась модель оригинальной версии методики. Финальная модель (блок-схема) представлена на рисунке 3. Степень соответствия модели исходным данным оценивалась по следующим индексам согласия (приведены под блок-схемой на рисунке 3): отношение Хи-квадрат к числу степеней свободы ($CMIN/df$) < 2.0 , p -уровень для $CMIN$ (p) > 0.05 , индекс согласия Goodness of Fit Index (GFI) > 0.95 , индекс согласия Comparative Fit Indices (CFI) > 0.95 , среднеквадратичная ошибка аппроксимации Root Mean Square Error of Approximation (RMSEA) < 0.05 , с ее

Рисунок 3

Финальная модель двухшкальной методики

$CMIN=52,580$; $df=39$; $p=,072$; $GFI=,971$; $CFI=,957$; $RMSEA=,034$; $Pclose=,884$

Примечание. В прямоугольных контурах — явные переменные-индикаторы, в округлых контурах — латентные Факторы (шкалы), и «ошибки» измерения; числа у направленных стрелок — стандартизованные коэффициенты регрессии, числа у ненаправленных стрелок — величины корреляций между переменными. Номера вопросов (V1–V11) соответствуют порядку вопросов, приведенных в Приложении 1. Код «pr» означает, что по данному пункту шкалы производится прямой подсчет баллов, код «inv» означает, что по данному пункту шкалы производится обратный подсчет баллов (см. ключ к методике в Приложении 1).

близостью согласия (P_{close}) > 0.50 (Burne, 2010, p. 73–84). Пронумерованный список вопросов, представленный на блок-схеме, приведен в приложении 1. Все индексы согласия, приведенные под блок-схемой, свидетельствуют об отличном соответствии модели исходным данным. Все регрессионные коэффициенты модели статистически достоверны ($p < 0.01$). Дисперсии латентных переменных (факторов) статистически достоверно отличаются от 0 ($p < 0.001$). Корреляция между факторами статистически не достоверно отличается от нуля ($p > 0.1$). Таким образом, каждый пункт методики является индикатором только одной шкалы (отсутствие «стрелок» на блок-схеме означает, что соответствующая связь пренебрежимо мала). Факторы (шкалы) не коррелируют (ортогональны). Статистическая значимость дисперсий факторов (шкал) означает, что эти шкалы достаточно хорошо дифференцируют испытуемых. Таким образом, факторная валидность двухшкального опросника, состоящего из 11 пунктов, полностью подтверждается.

Результаты анализа показали соответствие структуры адаптируемой методики двухфакторной ортогональной структуре оригинальной версии опросника.

Полученные показатели внутренней согласованности соответствуют данным, полученным при разработке оригинальной англоязычной версии опросника (α Кронбаха для шкалы «Фокус продвижения» 0.73 и для шкалы «Фокус профилактики» – 0.80) (Higgins et al., 2001).

Описательные статистики по каждой шкале приведены в таблице 1.

В описании оригинальной версии опросника мы не обнаружили указаний на то, различаются ли средние значения по шкалам у мужчин и женщин (нет данных, обосновывающих как возможное наличие влияния фактора пола, так и его отсутствие). Мы решили проконтролировать этот показатель на нашей выборке, чтобы уточнить возможное наличие половых различий. Мы сравнили средние суммарные баллы по шкалам «Фокус профилактики» и «Фокус продвижения» для мужчин и женщин, вошедших в выборку для адаптации. Влияние фактора пола обнаружено не было (данные см. в таблице 2). Наши данные свидетельствуют о том, что исследовательский вариант опросника можно использовать как на мужской, так и на женской выборке.

В выборку для проведения ретеста вошло 96 человек (68 женщин, 28 мужчин). Повторный опрос проводился спустя 4 недели после первичного опроса. Были подсчитаны корреляция между суммарными баллами по каждой из шкал, а также различия средних значений. Полученные данные приведены в таблице 3.

Таблица 1

Описательные статистики, полученные по каждой из шкал опросника

Шкалы опросника	М	SD	Min	Max	Асимметрия/эксцесс
Шкала «Фокус продвижения» (6 вопросов)	21.3	4.29	8	30	–0.390/0.076
Шкала «Фокус профилактики» (5 вопросов)	16.6	3.79	5	24	–0.526/–0.125

Таблица 2

Данные по шкалам опросника, полученные на мужской и женской подвыборках

	Пол	N	M	SD	t-критерий, p-уровень	Критерий ра- венства дисперсий
Фокус продвижения	женский	207	21.4	4.18	$t = 0.349$ $p = 0.727$	$F = 0.444$ $p = 0.506$
	мужской	101	21.2	4.52		
Фокус профилактики	женский	207	16.7	3.77	$t = 0.930$ $p = 0.353$	$F = 0.122$ $p = 0.727$
	мужской	101	16.3	3.83		

Таблица 3

Результаты проверки ретестовой надежности опросника

	Корреляция суммарных бал- лов по шкале (тест-ретест)	Средний суммар- ный показатель шкалы/станд. откл. — тест	Средний суммар- ный показатель шкалы/станд. откл. — ретест	t-критерий, p-уровень
Фокус продви- жения	0.872**	21.3/4.29	20.9 / 4.1	$t = -0.559$ $p = 0.577$
Фокус профи- лактики	0.879**	16.6/3.79	16.9/3.7	$t = -1.045$ $p = 0.299$

Данные ретестовой выборки были дополнительно подвергнуты КФА. В результате была получена финальная модель, в точности соответствующая приведенной на рисунке 3, индексы согласия: CMIN = 46.059; $df = 40$; $p = 0.236$; GFI = 0.962; CFI = 0.984; RMSEA = 0.040; Pclose = 0.600. Несмотря на недостаточный объем выборки ($N = 96$; $T = 26$), индексы согласия демонстрируют очень хорошее соответствие модели исходным данным, а ее идентичность финальной модели (рисунок 3) подтверждает факторную валидность адаптируемой методики.

Отобранные в результате основного этапа адаптации 11 вопросов были еще раз подвергнуты обратному переводу на английский язык и повторно сверены с автором методики. Было получено подтверждение сохранения логики опросника и содержания вопросов.

Проверка валидности опросника

В теории Т. Хиггинса утверждается, что особенности доминирующего фокуса регуляции должны проявляться в различных стратегиях при принятии решений. Люди, у которых преобладает фокус продвижения, будут склонны использовать более рискованные стратегии, делая акцент на вероятности приобретения, тогда как люди с фокусом профилактики будут использовать более осторожные стратегии, оценивая вероятность потерь. Следует ожидать

(Higgins et al., 2001), что фокус регуляции может оказывать влияние на подверженность классическим когнитивным искажениям при принятии решений (Kahneman, Tversky, 1979).

В исследовании Хиггинса с соавт. (Higgins et al., 2001, исследования 1a, 1b) была показана связь типа ошибок при решении задач и выраженности соответствующего фокуса регуляции. Для проверки валидности опросника, адаптированного на русскоязычной выборке, мы решили воспроизвести это исследование. Опишем его подробнее.

В исследовании использовались две задачи. Первая задача провоцировала выбор между двумя путешествиями (невозвратные вклады), запланированными на одно и то же время. При этом стоимость одного из них в два раза меньше, чем другого, но менее ценное при этом доставит больше удовольствия. Таким образом, необходимо выбрать либо избегание больших финансовых потерь, либо получение большего удовольствия. В рамках исследования предполагалось, что испытуемые с более выраженным фокусом продвижения вследствие их общей нацеленности на приобретение будут реже отказываться от выбора, связанного с большим удовольствием.

В первом исследовании испытуемым давалась задача, взятая из исследования Х. Аркса и К. Блумер (Arkes, Blumer, 1985; ниже задача приведена в нашем переводе):

Представьте себе, что вы потратили 100 долларов на билет на поездку в Мичиган на выходные. Несколько недель спустя вы покупаете билет на поездку на выходные дни в Висконсин за 50 долларов. Вам кажется, что поездка в Висконсин понравится вам больше, чем поездка в Мичиган. И только вы собираетесь положить только что купленный билет в Висконсин в кошелек, как замечаете, что и поездка в Мичиган, и поездка в Висконсин приходятся на одни и те же выходные дни! Уже слишком поздно продать какой-либо из билетов, и ни один из них нельзя вернуть. Вы должны использовать только какой-то один из билетов. В какую поездку вы поедете?

Авторы полагали, что испытуемые с более выраженным фокусом продвижения будут с большей вероятностью выбирать поездку в Висконсин, а связи с выраженностью фокуса профилактики обнаружено не будет. По результатам исследования (см. 1a в: Higgins et al., 2001), несмотря на то что 80% испытуемых выбирали поездку в Висконсин, была также обнаружена положительная связь между выбором поездки в Висконсин и выраженностью фокуса продвижения, связи с выраженностью фокуса профилактики обнаружено не было.

Во второй задаче (Higgins et al., 2001, исследование 1b) выбор стоял между вкладом дополнительных ресурсов в окончание проекта (который с высокой вероятностью будет неуспешным) и полным отказом от участия в нем. Так как люди с выраженным фокусом профилактики более чувствительны к возможным потерям, они будут менее склонны вкладывать дополнительные ресурсы в убыточный проект. Для проверки этого предположения авторы взяли задачу из исследования Х. Аркса и К. Блумер (Arkes, Blumer, 1985, эксперимент 3; задача приведена в нашем переводе):

Являясь президентом авиакомпании, вы инвестировали 10 миллионов долларов денег компании в исследовательский проект. Цель проекта — построить самолет, который не смогут заметить обычные радары. Когда ваш проект уже на 90% завершен, другая компания представляет самолет, который также не могут заметить радары. Причем их самолет быстрее и его строительство обходится компании дешевле, чем ваш проект. Вопрос: станете ли вы инвестировать оставшиеся 10% денег в окончание своего проекта?

В исследовании авторов 70% испытуемых ответили «да», однако была показана связь между выраженностью фокуса профилактики и тенденцией отвечать «нет».

Для проверки валидности русскоязычной версии опросника было проведено два исследования.

В первом исследовании приняли участие 276 человек, входивших в исходную выборку для адаптации опросника. После заполнения опросника испытуемым предлагалось решить первую задачу. После консультации с экспертами лингвистами и психологами была предложена следующая формулировка задачи 1:

Представьте, что вы потратили 6000 рублей на билеты на выходные в Москву. Через несколько недель вы купили билеты на выходные в Казань за 3000 рублей. Причем поехать в Казань вы хотите больше, чем в Москву. Просматривая вечером билеты, вы понимаете, что они куплены на одни и те же выходные! Возможности купить новые билеты у вас уже нет, возвращать купленные тоже слишком поздно. Вам придется поехать лишь в один из этих городов. Куда вы поедете?

Мы ожидали, что испытуемые с более выраженным фокусом продвижения будут чаще предпочитать поездку в Казань, чем испытуемые с менее выраженным фокусом продвижения.

Мы обнаружили, что в этой задаче 82% испытуемых выбирают поездку в Казань (что соответствует данным, полученным исследователями по аналогичной задаче, сформулированной на английском языке). Далее были рассчитаны суммарные показатели по шкалам «Фокус продвижения» и «Фокус профилактики», по каждой из шкал выборка была поделена по среднему — соответственно на более и менее выраженный показатель по выборке. Связь между выраженностью фокусов продвижения и профилактики и ответом на задачу была проанализирована с помощью таблиц сопряженности (см. таблицу 4).

Таблица 4

Ответы на задачу 1 в связи с выраженностью фокусов продвижения и профилактики

Выраженность фокусов регуляции (выше/ниже среднего по выборке)		Ответ на задачу	
		Москва	Казань
Выраженность фокуса продвижения	низкая ($M < 21.3$)	32 чел. (23.2%)	106 чел. (76.8%)
	высокая ($M > 21.3$)	17 чел. (12.3%)	121 чел. (87.7%)
Выраженность фокуса профилактики	низкая ($M < 16.6$)	19 чел. (15.8%)	101 чел. (84.2%)
	высокая ($M > 16.6$)	30 чел. (19.2%)	126 чел. (80.8%)

Полученные результаты позволили подтвердить выдвинутую гипотезу: более выраженный фокус продвижения связан с более частым предпочтением поездки в Казань, чем менее выраженный фокус продвижения (точный критерий Фишера, $p = 0.027$). Связи выраженности фокуса профилактики с предпочтением того или иного ответа на задачу не обнаружено (точный критерий Фишера, $p = 0.526$).

Во втором исследовании приняли участие 70 человек (в возрасте от 18 до 22 лет, $M = 20.2$, $\sigma = 1.24$; 49 женщин, 21 мужчина), не входившие в исходную выборку для адаптации опросника. Испытуемые для этого исследования набирались отдельно от основного этапа адаптации. Испытуемые заполняли опросник в окончательной редакции (только ранее отобранные 11 вопросов), по окончании заполнения опросника решали предложенную задачу. После консультации с экспертами лингвистами и психологами была предложена следующая формулировка задачи 2:

Представьте, что вы руководите крупной авиакомпанией и уже потратили 1 миллиард рублей из денег компании на исследовательский проект. Цель проекта – построить самолет, который не смогут заметить обычные радары. Когда ваш проект уже на 90% завершен, другая компания представляет самолет, который также не смогут заметить радары. Причем их самолет быстрее, и его строительство обходится компании дешевле. Вопрос: станете ли вы инвестировать оставшиеся 10% денег в создание своего самолета?

Для начала мы проверили внутреннюю согласованность шкал опросника. Это было сделано для независимой проверки ранее выделенных 11 вопросов.

Показатель α Кронбаха для фокуса продвижения = 0.758, показатель α Кронбаха для фокуса профилактики = 0.789. Корреляции между суммарными показателями шкал не обнаружено ($r = -0.078$, $p = 0.522$).

Мы обнаружили, что в этой задаче 65.7% испытуемых выбирают ответ «да». Далее были рассчитаны суммарные показатели по шкалам «Фокус продвижения» и «Фокус профилактики», по каждой из шкал выборка была поделена по среднему – соответственно на более и менее выраженный показатель по выборке. Связь между выраженностью фокусов продвижения и профилактики и ответом на задачу была проанализирована с помощью таблиц сопряженности (см. таблицу 5).

Таблица 5

Ответы на задачу 2 в связи с выраженностью фокусов продвижения и профилактики

Выраженность фокусов регуляции (выше/ниже среднего по выборке)		Ответ на задачу	
		да	нет
Выраженность фокуса продвижения	низкая ($M < 20.9$)	21 чел. (75.0%)	7 чел. (25.0%)
	высокая ($M > 20.9$)	25 чел. (59.5%)	17 чел. (40.5%)
Выраженность фокуса профилактики	низкая ($M < 17.2$)	22 чел. (78.6%)	6 чел. (21.4%)
	высокая ($M > 17.2$)	24 чел. (57.1%)	18 чел. (42.9%)

Статистически достоверной связи между выраженностью фокуса продвижения и выбором одного из вариантов ответа на задачу не обнаружено (точный критерий Фишера, $p = 0.208$). Связь выраженности фокуса профилактики с выбором ответа «нет» не достигает уровня статистической значимости (точный критерий Фишера, $p = 0.077$). Полученные результаты не позволили однозначно подтвердить выдвинутую гипотезу. Однако направленность полученных различий в целом соответствует предсказаниям.

Отметим, что проверка валидности русскоязычной версии опросника проводилась через воспроизведение результатов исследования Т. Хиггинса с соавт. (Higgins et al., 2001), в котором была показана связь выраженности того или иного фокуса регуляции и стратегий принятия решений. Полученные данные в целом свидетельствуют о том, что русскоязычная версия опросника, позволяет предсказывать такое же направление связи, как и в оригинальном исследовании авторов. Наши данные не позволяют говорить о том, что можно проводить индивидуальную диагностику склонности к когнитивным искажениям. Скорее, мы можем констатировать, что в целом по выборке наблюдается общая тенденция, в соответствии с которой особенности доминирующего фокуса регуляции проявляются в различных стратегиях принятия решений в ситуации неопределенности.

Общая характеристика итоговой версии опросника, адаптированной для русскоязычной выборки

Предполагаемые адресаты опросника — юноши и девушки в возрасте от 17 до 23 лет.

Представление опросника и обработка результатов. Методика Диагностика фокуса регуляции состоит из двух шкал. Шкала диагностики фокуса продвижения включает 6 вопросов, диагностики фокуса профилактики — 5 вопросов. Утверждения отдельных шкал перемешаны. Испытуемые дают ответы, используя шкалу от 1 (никогда/совершенно не согласен) до 5 (очень часто/совершенно согласен). При подсчете баллов ответы на «обратные» утверждения меняются на противоположные значения. (Опросник и ключ к опроснику см. в приложении 1.) Общий показатель по каждой шкале вычисляется путем сложения баллов.

Заключение

Результаты применения КФА показали сохранение двухфакторной ортогональной структуры опросника, шкалы методики обладают достаточно высокой надежностью по внутренней согласованности их пунктов, по ретестовой надежности. Количество вопросов, вошедших в русскоязычную версию, соответствует оригинальной версии опросника. В целом подтверждается и конструктивная валидность шкал, однако, на наш взгляд, их дальнейшая проверка с помощью других психологических методик представляет несомненный интерес.

Дальнейшая работа по проверке и обоснованию конструктивной валидности адаптированной методики может быть направлена на проверку связей с такими релевантными с точки зрения теории Т. Хиггинса переменными, как стратегия принятия решения в ситуации неопределенности и склонность к риску (Higgins, 1997, 1998). Также важной представляется проверка положения о связи высокой выраженности обоих фокусов регуляции с высокими показателями мотивации достижения (см.: Molden et al., 2008) на русскоязычной выборке. Это позволит прояснить структуру связей между такими теоретическими конструктами, как «мотивация достижения успеха/избегания неудач» и «фокус регуляции (продвижение/профилактика)», и обосновать дальнейшие перспективы применения методики диагностики фокуса регуляции в практических целях.

Литература

- Агафонов, А. Ю., Козлов, Д. Д. (2014). Познавательные стратегии в работе сознания и бессознательного. *Известия Самарского научного центра РАН*, 16(2), 864–872.
- Бурлачук, Л. Ф. (2006). *Психодиагностика: учебник для вузов*. СПб.: Питер.
- Кургинян, С. С. (2013). Апробация опросника самостей. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 122–137.
- Наследов, А. Д. (2013). *IBM SPSS 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных*. СПб.: Питер.
- Хэлворсон, Х., Хиггинс, Т. (2014). *Психология мотивации. Как глубинные установки влияют на наши желания и поступки*. М.: Манн, Иванов, Фербер.
- Шмелев, А. Г. (2013). *Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом*. М.: ООО «ИПЦ «Маска».

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Приложение 1

Инструкция и текст опросника

ИНСТРУКЦИЯ

Вопросы ниже касаются того, КАК ЧАСТО определенные события происходят или происходили в вашей жизни.

Пожалуйста, укажите ваш ответ, обведя соответствующую цифру после вопроса. Воспользуйтесь шкалой, приведенной после каждого вопроса. Неподписанные цифры соответствуют промежуточным вариантам ответов между подписанными.

Обычно я добиваюсь того, чего хочу	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто
Переходили ли вы в детстве границы дозволенного, делая то, что ваши родители вам запрещали?	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто

Как часто завершение какого-либо дела вдохновляло вас на дальнейшее продолжение работы в этом направлении?	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто
Как часто вы «играли на родительских нервах», когда были ребенком?	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто
Слушались ли вы ваших родителей?	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто
Как часто в детстве вы совершали поступки, которые ваши родители явно не одобряли?	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто
Как часто вы преуспеваете в ваших начинаниях?	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто
Я бываю неосторожен	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто
Как часто при решении важной для вас задачи вам кажется, что вы справляетесь хуже, чем хотели бы?	1	2	3	4	5
	Никогда или очень редко				Очень часто
Я чувствую, что двигаюсь к достижению успеха в своей жизни	1	2	3	4	5
	Совершенно не согласен				Совершенно согласен
В моей жизни мало хобби и увлечений, отвечающих моим интересам, заниматься которыми мне действительно хочется	1	2	3	4	5
	Совершенно не согласен				Совершенно согласен

Ключ. По каждой шкале подсчитывается сырой балл по следующим формулам:

Фокус продвижения: № 1 + № 3 + № 7 + (6 - №9) + № 10 + (6 - № 11).

Фокус профилактики: (6 - № 2) + (6 - № 4) + № 5 + (6 - № 6) + (6 - №8).

Гершкович Валерия Александровна — доцент, кафедра проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, когнитивный контроль, научение, соревновательный стресс, мотивация достижения, иллюзии памяти.

Контакты: valeria.gershkovich@gmail.com

Морошкина Надежда Владимировна — старший научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, имплицитное научение и память, сознание и когнитивное бессознательное, эффекты фрейма, мотивация достижения.

Контакты: moroshkina.n@gmail.com

Кулиева Алмара Кудрат кызы — аспирант, кафедра общей психологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, психология сознания, психология воли, зрительные иллюзии.

Контакты: almara.kulieva@gmail.com

Наследов Андрей Дмитриевич — доцент, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: применение математических методов и моделей в психологии; методы измерений в психологии; разработка методик психодиагностики.

Контакты: andrey.nasledov@gmail.com

Measure of Chronic Regulatory Focus: Adaptation of T. Higgins Regulatory Focus Questionnaire in Russia

V.A. Gershkovich^a, N.V. Moroshkina^a, A.K. Kulieva^a, A.D. Nasledov^a

^a Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

The adaptation of Regulatory Focus Questionnaire, RFQ for Russian sample is described. According to regulatory focus theory the goal-directed behavior is regulated by two different motivational systems (self-regulation strategic systems) – promotion focus and prevention focus. People with promotion focus strive for positive end-states, gains, use eager means; people with prevention focus strive for security and non-losses and use vigilant means. After back-translating procedure, the factor structure (confirmatory factor analysis), internal reliability and test-retest reliability were explored. Construct validity was explored in the studies of interconnection of chronic regulatory focus and cognitive biases in decision making. The studies were aimed to replicate on a Russian sample the study by Higgins et al., 2001. Overall 536 people (aged 17 to 23) participated in the study (158 in the pilot study, 308 in the main study). The results of confirmatory factor analysis showed that a two-factor orthogonal structure had the best fit (CMIN = 52.580; $df = 39$; $p = .072$; GFI = .971; CFI = .957; RMSEA = .034; $P_{close} = .884$). The high internal reliability of both scales ((Cronbach's α for "Promotion focus" scale 0.77 and for "Prevention focus" scale – 0.78) and temporal stability (4 weeks interval) were shown. The number of questions is equal to the original version of the questionnaire. The overall relationship between promotion and prevention focuses and cognitive biases in decision making was partly shown, which stands for construct validity of the scales. The Russian version of Regulatory

Focus Questionnaire can be used in future research in samples aged 17 to 23. At the end, the full text of the questionnaire, the instructions and scores calculation are listed.

Keywords: Regulatory Focus Questionnaire (RFQ), regulatory focus theory, promotion focus, prevention focus, achievement motivation.

References

- Agafonov, A. Yu., & Kozlov, D. D. (2014). Cognitive strategies in the work of consciousness and the unconscious. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra RAN*, *16*(2), 864–872. (in Russian)
- Arkes, H. R., & Blumer, C. (1985). The psychology of sunk cost. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, *35*, 124–140.
- Atkinson, J. W. (1964). *An introduction to motivation*. Princeton, NJ: Van Nostrand.
- Bąk, W., Laguna, M., & Bondyra-Luczka, E. (2015). Kwestionariuszowe metody pomiaru ukierunkowań regulacyjnych. Polskie adaptacje kwestionariuszy RFQ i RFS. *Psychologia Społeczna*, *10*, 84–99. doi:10.7366/1896180020153206
- Bentler, P. M. (1972). A lower method for the dimension-free measurement of internal consistency. *Social Science Research*, *1*(4), 343–357. doi:10.1016/0049-089X(72)90082-8
- Burlachuk, L. F. (2006). *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnostics]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Byrne, B. M. (2010). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (2nd ed.). New York: Taylor & Francis Group.
- Cesario, J., Corker, K. S., & Jelinek, S. (2013). A self-regulatory framework for message framing. *Journal of Experimental Social Psychology*, *49*(2), 238–249. doi:10.1016/j.jesp.2012.10.014
- Crowe, E., & Higgins, E. T. (1997). Regulatory focus and strategic inclinations: Promotion and prevention in decision-making. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, *69*, 117–132. doi:10.1006/obhd.1996.2675
- Förster, J., & Higgins, E. T. (2005). How global versus local perception fits regulatory focus. *Psychological Science*, *16*, 631–636. doi:10.1111/j.1467-9280.2005.01586.x
- Förster, J., Higgins, E. T., & Bianco, A. T. (2003). Speed/accuracy decisions in task performance: Built-in trade-off or separate strategic concerns? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, *90*, 148–164. doi:10.1016/S0749-5978(02)00509-5
- Friedman, R., & Förster, J. (2001). The effects of promotion and prevention cues on creativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, *81*(6), 1001–1013. doi:10.1037//0022-3514.81.6.1001
- Halvorson, H. G., & Higgins, E. T. (2014). *Psikhologiya motivatsii. Kak glubinnye ustanovki vliyayut na nashi zhelaniya i postupki* [Psychology of motivation. How hidden attitudes influence our wishes and actions] Moscow: Mann, Ivanov, Ferber. (in Russian) (Trans. of: Halvorson, H. G., & Higgins, E. T. (2013). *Focus: Use different ways of seeing the world for success and influence*. New York: Hudson Street Press.)
- Heine, S. J., & Ruby, M. B. (2010). Cultural psychology. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*, *1*(2), 254–266. doi:10.1002/wcs.7
- Higgins, E. T. (1997). Beyond pleasure and pain. *American Psychologist*, *52*, 1280–1300. doi:10.1037/0003-066X.52.12.1280
- Higgins, E. T. (1998). Promotion and prevention: Regulatory focus as a motivational principle. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 30, pp. 1–46). New York: Academic Press.

- Higgins, E. T. (2000). Making a good decision: Value from fit. *American Psychologist*, *55*, 1217–1230. doi:10.1037/0003-066X.55.1
- Higgins, E. T. (2005). Value from regulatory fit. *Current Directions in Psychological Science*, *14*, 209–213. doi:10.1111/j.0963-7214.2005.00366.x
- Higgins, E. T. (2006). Value from hedonic experience and engagement. *Psychological Review*, *113*(3), 439–460. doi:10.1037/0033-295X.113.3.439
- Higgins, E. T., Friedman, R. S., Harlow, R. E., Idson, L. C., Ayduk, O. N., & Taylor, A. (2001). Achievement orientations from subjective histories of success: Promotion pride versus prevention pride. *European Journal of Social Psychology*, *31*, 3–23. doi:10.1002/ejsp.27
- Higgins, E. T., Pierro, A., & Kruglanski, A. W. (2008). Re-thinking culture and personality: How self-regulatory universal create cross-cultural differences. In R. M. Sorrentino & S. Yamaguchi (Eds.), *Handbook of motivation and cognition across cultures* (pp. 161–190). New York: Elsevier.
- Higgins, E. T., Roney, C., Crowe, E., & Hymes, C. (1994). Ideal versus ought predilections for approach and avoidance: Distinct self-regulatory systems. *Journal of Personality and Social Psychology*, *66*, 276–286. doi:10.1037/0022-3514.66.2.276
- Higgins, E. T., Shah J., & Friedman, R. S. (1997). Emotional responses to goal attainment: Strength of regulatory focus as moderator. *Journal of Personality and Social Psychology*, *72*, 515–525. doi: 10.1037/0022-3514.72.3.515
- Higgins, E. T., & Silberman, I. (1998). Development of regulatory focus: Promotion and prevention as ways of living. In J. Heckhausen & C. S. Dweck (Eds.), *Motivation and self-regulation across the life span* (pp. 78–113). New York: Cambridge University Press.
- Higgins, E. T., & Tykocinski, O. (1992). Self-discrepancies and biographical memory: Personality and cognition at the level of psychological situation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *18*, 527–535. doi:10.1177/0146167292185002
- Ip, G. W. M., & Chiu, C. Y. (2001). Implicit theories and responses to achievement setbacks. In C. Y. Chiu, F. Salili, & Y. Y. Hong (Eds.), *Multiple competencies and self-regulated learning: Implications for multicultural education* (pp. 193–204). Greenwich, CT: Information Age.
- Jackson, D. N. (1974). *The personality research form*. Port Huron, MI: Research Psychologists Press.
- Kacperski, C., & Kutzner, F. L. W. (2016). Adherence to tactical choices mediates regulatory fit effects in table tennis. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*, 1–9. Advance online publication. doi:10.1080/1612197X.2016.1199581
- Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, *47*, 263–291.
- Kline, R. B. (2011). *Principles and practice of structural equation modeling* (3rd ed.). New York: The Guilford Press.
- Kurginyan, S. S. (2013). Testing the Selves Questionnaire. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, *10*(2), 122–137. (in Russian)
- Kurman, J., & Hui, C. (2011). Promotion, prevention or both: Regulatory focus and culture revisited. *Online Readings in Psychology and Culture*, *5*(3). doi:10.9707/2307-0919.1109
- Kutzner, F. L. W., Förderer, S., & Plessner, H. (2013). Regulatory fit improves putting in top golfers. *Sport, Exercise, and Performance Psychology*, *2*(2), 130–137. doi:10.1037/a0030733
- Lalwani, A. K., Shrum, L. J., & Chiu, C. Y. (2009). Motivated response styles: The role of cultural values, regulatory focus, and self-consciousness in socially desirable responding. *Journal of Personality and Social Psychology*, *96*(4), 870–872. doi:10.1037/a0014622

- Lee, A. Y., Aaker, J. L., & Gardner, W. L. (2000). The pleasures and pains of distinct self-construals: The role of interdependence in regulatory focus. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78, 1122–1134. doi:10.1037/0022-3514.78.6.1122
- Leikas, S., Lönnqvist, J.-E., Verkasalo, M., & Lindeman, M. (2009). Regulatory focus systems and personal values. *European Journal of Social Psychology*, 39(3), 415–429. doi:10.1002/ejsp.547
- Molden, D. (2012). Motivated strategies for judgment: How preferences for particular judgment processes can affect judgment outcomes. *Social and Personality Psychology Compass*, 6(2), 156–169. doi:10.1111/j.1751-9004.2011.00424.x
- Molden, D. C., Lee, A. Y., & Higgins, E. T. (2008). Motivations for promotion and prevention. In J. Y. Shah, & W. L. Gardner (Eds.), *Handbook of motivation science* (pp. 169–187). New York: Guilford Press.
- Mowle, E. N., Georgia, E. J., Doss, B. D., & Updegraff, J. A. (2014). Application of regulatory focus theory to search advertising. *Journal of Consumer Marketing*, 31(6/7), 494–502. doi:10.1108/JCM-06-2014-1003
- Nasledov, A. D. (2013). *IBM SPSS 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh [IBM SPSS 20 i AMOS: professional statistical data analysis]*. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Plessner, H., Unkelbach, C., Memmert, D., Baltes, A., & Kolb, A. (2009). Regulatory fit as a determinant of sport performance: How to succeed in a soccer penalty-shooting. *Psychology of Sport and Exercise*, 10(1), 108–115. doi:10.1016/j.psychsport.2008.02.001
- Rusu, A., Hojbotă, A., & Sălăgean, N. (2015). Measuring chronic regulatory focus in Romania: adaptation of the Regulatory Focus Questionnaire. *Romanian Journal of Applied Psychology*, 17(2), 45–51.
- Schwab, S., Wolf, O. T., & Memmert, D. (2015). The influence of motivation on stress: is it stressful not to fit? *Stress*, 18(5), 597–601. doi:10.3109/10253890.2015.1053453
- Shah, J., Higgins, E. T., & Friedman, R. S. (1998). Performance incentives and means: How regulatory focus influences goal attainment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 285–293. doi:10.1037/0022-3514.74.2.285
- Shapiro, A., & ten Berge, J. M. F. (2000). The asymptotic bias of minimum trace factor analysis, with applications to the greatest lower bound to reliability. *Psychometrika*, 65(3), 413–425. doi:10.1007/BF02296154
- Shmelev, A. G. (2013). *Prakticheskaya testologiya. Testirovanie v obrazovanii, prikladnoi psikhologii i upravlenii personalom [Practical testology. Testing in education, applied psychology and human resource management]*. Moscow: OOO "IPTs Maska".
- Tanner, W. P. Jr., & Swets, J. A. (1954). A decision-making theory of visual detection. *Psychological Review*, 61, 401–409. doi:10.1037/h0058700
- Zhang, Y., & Mittal, V. (2007). The attractiveness of enriched and impoverished options: Culture, self-construal, and regulatory focus. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33(4), 588–598. doi:10.1177/0146167206296954

Valeriia A. Gershkovich — associate professor, Department of the Problems of Convergence in Natural Sciences and Humanities, Saint Petersburg State University, Ph.D.

Research area: cognitive psychology, cognitive control in memory and learning tasks, choking under pressure, achievement motivation, memory illusions.

E-mail: valeria.gershkovich@gmail.com

Nadezhda V. Moroshkina – senior research fellow, Laboratory of Cognitive Studies, Saint Petersburg State University, Ph.D.

Research area: cognitive psychology, implicit learning and implicit memory, consciousness and cognitive unconsciousness, frame effects, achievement motivation.

E-mail: moroshkina.n@gmail.com

Almara K. Kulieva – Ph.D. student, Department of General Psychology, Saint Petersburg State University.

Research area: cognitive psychology, consciousness, psychology of will, visual illusions.

E-mail: almara.kulieva@gmail.com

Andrey D. Nasledov – associate professor, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Ph.D.

Research area: application of mathematical methods and models in psychology; measurement methods in psychology; development of psychodiagnostic methods.

E-mail: andrey.nasledov@gmail.com

ТРЕХМЕРНАЯ МОДЕЛЬ СТРУКТУРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ, ОСНОВАННАЯ НА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДАННЫХ

Д.В. ЛЮСИН^{a, b}

^a *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

^b *ФГБУН «Институт психологии РАН», 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1*

Резюме

Предлагается модель, описывающая структуру эмоциональных состояний, в основу которой положены эмпирические данные, собранные на русскоязычных испытуемых. В зарубежной психологии чаще всего предлагаются двух- и трехфакторные модели, при этом получаемая структура зависит от языка, на котором собираются данные, и от культуры, к которой принадлежат испытуемые. Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы выяснить, какие измерения лежат в основе самоописаний эмоциональных состояний на русском языке. Для сбора данных изначально был составлен максимально объемный список слов, используемых в русском языке для обозначения эмоциональных состояний. Этот список был сокращен до 56 слов, с помощью которых испытуемые (184 человека) оценивали свое эмоциональное состояние. Далее эксплораторный факторный анализ ответов позволил выявить главные измерения, лежащие в основе самоописаний эмоциональных состояний. Были получены три фактора: «Отрицательные эмоции с низкой активацией», «Положительные эмоции с высокой активацией» и «Напряжение». Выявленная структура обладает тремя особенностями. Во-первых, валентность эмоций оказалась не одним биполярным фактором, а распалась на отдельные ортогональные факторы положительных и отрицательных эмоций. Во-вторых, валентность эмоций оказалась до некоторой степени связанной с уровнем активации: положительные эмоции — с высоким, а отрицательные — с низким. В-третьих, в отдельный фактор выделились эмоциональные состояния, связанные с напряжением и неуверенностью. Можно предположить, что этот фактор выражает психическое напряжение в чистом виде, независимое от валентности. Предложенная модель структуры ядерного аффекта может быть положена в основу разработки методики для диагностики эмоциональных состояний.

Ключевые слова: эмоции, ядерный аффект, структура эмоциональных состояний.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования по проекту № 16-01-0029 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Характерной чертой эмоциональных состояний является их исключительное разнообразие. Отсюда вытекает одна из традиционных проблем психологии эмоций, которая состоит в том, как наилучшим образом описывать и классифицировать разнообразные эмоциональные явления. Несмотря на большое количество идей и исследований, эта проблема остается не разрешенной. Настоящая работа направлена на то, чтобы предложить модель, описывающую структуру эмоциональных состояний, которая основана на эмпирических данных, собранных на русскоязычных испытуемых. Язык, на котором собираются данные, является важной особенностью таких моделей, потому что эмоциональный лексикон того или иного языка и принятые в нем способы описания эмоций могут влиять на получаемые результаты.

Термин «эмоциональные состояния» используется в настоящей работе для указания на широкий спектр эмоциональных явлений: от кратких эмоциональных реакций на конкретные события до настроений, которые могут длиться часами и сутками. Общий аспект этих явлений, важный в данном случае, — субъективное эмоциональное переживание, которое может быть осознано и подвергнуто вербальному описанию.

Существуют два основных подхода к описанию эмоциональных явлений, сложившиеся в современной психологии. Первый подход, категориальный, выделяет несколько эмоциональных категорий в качестве основных типов, а все остальные эмоциональные явления рассматривает как их особые варианты или смеси. Наиболее характерными представителями этого подхода являются, с одной стороны, теории базовых эмоций (например: Izard, 1977; Plutchik, 1984), с другой стороны, современные теории когнитивной оценки, описывающие «модальные», наиболее часто встречающиеся эмоции в качестве основных (Scherer, 1994).

Второй подход, который реализуется в настоящем исследовании, — многомерный. Он направлен на выявление нескольких основных параметров (измерений), которые можно использовать для описания всех эмоциональных явлений. Эти параметры задают n -мерное пространство, каждая эмоция в котором может быть представлена точкой, имеющей свои координаты по каждой из осей. Многомерный подход активно используется конструктивистскими теориями эмоций (Feldman Barrett, 2013), хотя для описания различий между эмоциями эти теории комбинируют оба подхода. Согласно их позиции, многомерный подход наиболее адекватен для описания «ядерного аффекта» (core affect), под которым понимается элементарное осознаваемое аффективное чувство, имеющее беспредметный характер и присутствующее в любом эмоциональном явлении. Ядерный аффект в наиболее чистом виде проявляется в настроении. Большинство многомерных моделей, описывающих эмоциональные состояния, предлагаются их авторами в качестве структурных моделей настроения или ядерного аффекта.

Важно отметить, что в русскоязычной литературе по психиатрии термин «ядерный аффект» используется, но под ним имеются в виду аффективные характеристики личности, предрасполагающие к развитию определенных расстройств (Вельтишев, 2006). Иногда этот термин проникает в психотера-

певтическую литературу (Лызлов и др., 2011). В то время как в психиатрии ядерным аффектом называются некоторые устойчивые характеристики человека, в психологических теориях эмоций имеется в виду совсем другое — центральная часть любого эмоционального явления, субъективно переживаемая как простое чувство, имеющее специфическую аффективную окраску.

В современной психологии эмоций существует несколько конкурирующих структурных моделей эмоциональных состояний. Дискуссия между ними ведется по двум основным вопросам: сколько измерений следует выделять (преобладают двухмерные и трехмерные модели) и каковы эти измерения.

Одной из наиболее известных современных двухмерных моделей является круговая модель Дж. Расселла (Russell, 1980; Feldman Barrett, Russell, 1999; Yik et al., 2011). В ней выделяются биполярные измерения валентности (положительные vs отрицательные эмоции) и активации (arousal). На эту модель очень похожа модель Р. Ларсена и Э. Динера (Larsen, Diener, 1992). Этим моделям противостоит двухмерная модель, предложенная Д. Уотсоном и А. Теллегеном (Watson, Tellegen, 1985), в которой выделяется две униполярные шкалы: позитивного аффекта (ПА) и негативного аффекта (НА). В каждой из этих шкал объединяются валентность и активация. Высоким баллам по шкале ПА соответствуют положительные эмоции с высокой активацией, а высоким баллам по шкале НА — отрицательные эмоции с высокой активацией. Особенностью модели Уотсона с соавт. является трактовка положительного и отрицательного аффекта не как двух взаимоисключающих полюсов одного измерения, а как двух ортогональных измерений. Это дает возможность описывать эмоциональные состояния смешанной валентности, т.е. переживаемые как положительные и отрицательные одновременно. Все упомянутые двухмерные модели имеют свой набор солидных эмпирических и теоретических аргументов, и дискуссия между ними остается актуальной.

Другой распространенный вид структурных моделей, описывающих эмоциональные состояния, — трехмерный. Самая ранняя модель такого рода была предложена В. Вундтом (Wundt, 1896), который на основе интроспективных данных выделял измерения «удовольствие — неудовольствие», «возбуждение — успокоение», «напряжение — разрядка». Очевидно, что первое измерение соответствует валентности, а два последних — активации в двухмерных моделях. Расщепление активации на два измерения, хотя бы относительно независимых друг от друга, получило поддержку в более поздних моделях. Например, Р. Тэйер выделяет измерения энергетического возбуждения (energetic arousal), противопоставляемого усталости, и возбуждения-напряжения (tense arousal), противопоставляемого спокойствию (Thayer, 1989). Показано, что эти два измерения различаются как на физиологическом, так и на психологическом уровне. Так, если студент успешно сдал важные экзамены и впереди его ожидают каникулы, то он может испытывать высокое энергетическое возбуждение при низком возбуждении-напряжении. Обратное сочетание — высокое возбуждение-напряжение при низком энергетическом возбуждении — может наблюдаться, например, у человека, ожидающего получить очень значимую негативную информацию, такую как

терминальный диагноз. Два аспекта активации, выделенные Р. Тэйером, не только не зависят друг от друга, но и не связаны с валентностью (Schimmack, Reisenzein, 2002).

Одна из наиболее заметных трехмерных моделей последних лет предложена У. Шиммаком и А. Гробом (Schimmack, Grob, 2000). Авторы применили структурное моделирование к оценкам испытуемыми собственных эмоций и показали, что данные лучше всего описываются моделью, содержащей измерения «удовольствия — неудовольствия», «бодрости — утомления», «напряжения — расслабления». Обращает на себя внимание удивительное сходство этой модели с моделью Вундта, несмотря на более чем вековую разницу во времени их создания и использование совершенно разной методологии. Аналогичной модели придерживаются и Дж. Мэттьюс с соавт. (Matthews et al., 1990).

Приведенные выше модели описывают структуру ядерного аффекта, хотя не все эти авторы используют именно данный термин. Кроме этого, существует ряд многомерных моделей, которые описывают не ядерный аффект, а структуру настроений, других эмоциональных явлений и даже эмоциональных значений стимулов. Среди таких моделей наиболее влиятельной в свое время была модель А. Мехрабяна, выделяющая измерения удовольствия, возбуждения и доминирования (Mehrabian, Russell, 1974; Mehrabian, 1996) для описания как эмоциональных состояний, так и эмоциональной окраски стимулов. Она основывалась на трех измерениях, полученных Ч. Осгудом при анализе аффективной окраски слов, — оценки, активности и силы (Osgood et al., 1957). Модель Мехрабяна заслуживает упоминания еще и потому, что выделяемые ею параметры положены в основу широко известной базы данных с эмоциональными изображениями IAPS (Lang et al., 2005). Однако параметр доминирования в настоящее время используется редко, так как он обычно не воспроизводится у других авторов. Важным исключением является «Женевское колесо эмоций» — круговая модель К. Шерера, в основе которой лежат измерения удовольствия и контроля, а интенсивность/возбуждение выражаются расстоянием от центральной нейтральной точки (Scherer, 2005).

Другая структурная модель настроений, выделяющая четыре параметра, была предложена В. Наулисом и Х. Наулис (Nowlis, Nowlis, 1956). Они изучали, как психоактивные вещества, например амфетамин и барбитураты, влияют на настроение в условиях социального взаимодействия. Настроение измерялось самоотчетом с помощью списка прилагательных. Было получено четыре измерения: (1) активация, (2) социальная ориентация, т.е. стремление к общению или его избегание, (3) контроль или его утрата и (4) оценка происходящего как приятного или неприятного. Первое и последнее измерения соответствуют круговой модели Дж. Расселла, третье — параметру доминирования модели А. Мехрабяна. Второе измерение выделилось, возможно, в связи с особенностями процедуры, так как испытуемые находились в контексте социального взаимодействия.

К. МакКонвилл и К. Купер разработали иерархическую модель структуры настроения (McConville, Cooper, 1992). Они провели иерархический факторный анализ 170 пунктов из опросников, измеряющих настроение, и получили пять первичных факторов — «депрессия», «враждебность», «усталость», «тревога» и «экстраверсия» — и один генеральный фактор «гедонистический фон», т.е. валентность.

Если попытаться обобщить обзор структурных моделей, предлагаемых в рамках многомерного подхода к описанию эмоций, то можно констатировать, что наиболее распространены двух- и трехмерные модели. При их построении чаще всего используются данные, основанные на анализе эмоциональных терминов естественного языка, чаще английского. Остается непонятным, в какой степени эти модели можно переносить на широкий спектр разнообразных культур и языков. Например, У. Шиммак и А. Гроб считают, что двухмерные модели больше характерны для американских исследований, в то время как трехмерные модели чаще получаются у европейских исследователей. Можно предположить, что структура описания эмоциональных состояний может зависеть от культурной и/или лингвистической специфики.

В какой степени зарубежные модели подходят для описания эмоций при работе с русскоязычными участниками исследований? В отечественной психологии предпринимались отдельные попытки получить структурные модели эмоциональных состояний. Так, в работе О.С. Архипкиной (Архипкина, 1981) 14 испытуемых проводили парные сравнения 20 названий эмоций по шестибалльной шкале. Многомерное шкалирование дало три оси, которые были названы «гедонистический тон», «готовность к действиям» (уверенность vs сомнение, растерянность), «активация или степень выраженности чувственного тона» (тревога, опасение vs рассеянность). Хотя предложенные автором интерпретации шкал вызывают некоторые сомнения, все же можно отметить определенное сходство с моделью В. Вундта: первая шкала является шкалой валентности, вторая похожа на шкалу возбуждения, третья — на шкалу напряжения.

Н.Н. Данилова в серии исследований построила субъективное семантическое пространство терминов, описывающих эмоциональные и неэмоциональные состояния. Испытуемые ранжировали субъективные различия пар терминов, обозначающих эти состояния. С помощью многомерного шкалирования было получено три измерения, названные «знак», «эмоциональная активация» и «неэмоциональная активация или готовность к действию» (Данилова и др., 1990). До некоторой степени их также можно отождествить с тремя шкалами в модели В. Вундта, идущими в последовательности «валентность», «напряжение», «возбуждение».

А.В. Вартанов с соавт. в серии публикаций предложил четырехмерную сферическую модель эмоций (Вартанов, Вартанова, 2003; Вартанов, 2013). Для получения данных для многомерного шкалирования испытуемым предъявлялось одно и то же слово (в одной серии «да», в другой серии «нет»), произносимое с 20 разными эмоциональными окрасками; в еще одной серии предъявлялось 22 названия эмоций. Испытуемые (25 человек) проводили

парные сравнения стимулов. В результате были получены четыре оси, интерпретируемые автором как знак эмоции, информационная определенность, активное vs пассивное отвержение и притяжение. Однако детальный анализ координат стимулов в системе полученных четырех осей свидетельствует о том, что интерпретация этих осей, кроме первой, достаточно сложна и неоднозначна.

В целом существующие отечественные работы анализируют довольно ограниченный спектр эмоций, а данные, лежащие в их основе, собраны на маленьких выборках испытуемых. В совокупности это не позволяет рассматривать их результаты как достаточно убедительные.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы выяснить, какие измерения лежат в основе самоописаний эмоциональных состояний на русском языке, и предложить структурную модель эмоциональных состояний.

Для реализации этой цели использовалась следующая стратегия. На первом этапе был составлен максимально объемный список слов, используемых в русском языке для обозначения эмоциональных состояний. Потом он сокращался с помощью экспертов (лингвистов и психологов) за счет исключения очень близких по значению и многозначных слов. В результате был получен список из нескольких десятков слов, который позволял описывать максимально широкий спектр эмоциональных состояний на естественном языке. На втором этапе большая выборка респондентов с помощью этого списка оценивала свое эмоциональное состояние. Далее эксплораторный факторный анализ ответов позволил выявить главные измерения, лежащие в основе самоописаний эмоциональных состояний.

Этап 1. Составление списка названий эмоций для описания респондентами своих эмоциональных состояний

Задача этого этапа заключалась в том, чтобы составить список слов, который достаточно полно описывал бы разнообразие эмоциональных состояний человека. Вместе с тем этот список должен был быть не слишком большим, чтобы не вызвать чрезмерного утомления, и не должен был содержать слов, непонятных участникам исследования. Слова в списке должны были позволять испытуемым достаточно легко и однозначно соотносить их со своим эмоциональным состоянием.

Для составления исходного списка использовались словари русского языка (Ляшевская, Шаров, 2009; Ожегов, Шведова, 2003) и неформальный опрос носителей русского языка. Было отобрано 330 имен существительных, в той или иной степени подходящих для описания эмоциональных состояний. Из этого набора были удалены явные синонимы и слова со слишком выраженной стилистической окраской. Таким образом был получен новый вариант списка, включавший 209 слов. Для его дальнейшего сокращения использовался метод экспертных оценок. В качестве экспертов выступили 14 человек (8 женщин, 6 мужчин). Десять из них имели филологическое образование и работали по специальности (преподаватель русского языка, журналист,

редактор в издательстве и т.д.). Четыре эксперта имели высшее образование, но не в области филологии. Экспертам давали список слов, расположенных в алфавитном порядке, и просили оценить по пятибалльной шкале, насколько каждое слово подходит для описания эмоционального состояния, где 1 — совсем не подходит и 5 — подходит полностью.

Согласованность полученных ответов оценивалась с помощью α Кронбаха, которая оказалась равна 0.865, что свидетельствует о высокой надежности результатов. Для дальнейшего исключения слов из списка использовались следующие критерии:

- слова оценивались экспертами как малоподходящие для описания эмоциональных состояний (средняя оценка ниже 2.9);
- высокая вариативность оценок экспертов (межквартильный размах выше 2.5);
- сложность для понимания обычными носителями русского языка: специальные термины и низкочастотные слова с неопределенным значением;
- близкие синонимы.

Перечисленные критерии носили не вполне формальный характер, однако они соответствовали главной задаче — сделать список удобным для работы респондентов (по объему и по значению входящих в него слов) и в то же время достаточно разнообразным для описания разных видов эмоциональных состояний.

В результате был получен список из 56 слов, который приводится в приложении 1.

Этап 2. Выявление структуры эмоциональных состояний

Метод

Выборка. Во втором этапе исследования приняли участие 184 респондента в возрасте от 17 до 62 лет ($M = 26.9$, $SD = 9.9$), из них 53% женского пола. Все они проживали в г. Москве, являлись представителями разных специальностей, большая часть были студентами вузов. Участие было добровольным.

Процедура. Респондентам предъявлялся список из 56 слов, полученный на первом этапе исследования. Слова были расположены в алфавитном порядке, напротив каждого слова приводились цифры от 1 до 5. Давалась следующая инструкция. «Перед Вами слова, которые описывают различные эмоциональные состояния. Пожалуйста, прочитайте внимательно каждое слово и отметьте, насколько оно соответствует Вашему эмоциональному состоянию в данный момент по пятибалльной шкале: 1 — совсем не подходит, 2 — подходит в малой степени, 3 — в среднем подходит, 4 — подходит в большой степени, 5 — подходит полностью». Бланки заполнялись индивидуально или в небольших группах. Участников просили выполнить задание в то время, когда они занимались повседневной активностью, например, большинство студентов заполняли бланки в перерывах между занятиями. Таким образом, можно сказать, что респонденты находились в условно-нейтральном состоянии. Это

означает, что они находились в привычной для них обстановке, занимались привычными делами, и нет оснований предполагать, что в момент сбора данных они подвергались каким-либо особым эмоциональным воздействиям.

Результаты

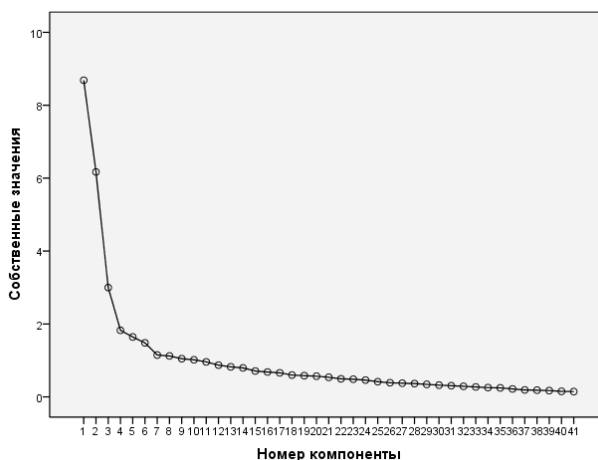
Собранные данные были подвергнуты эксплораторному факторному анализу по методу главных компонент. Задача состояла в том, чтобы выявить набор измерений, оптимальным образом описывающих эмоциональные состояния.

Перед началом обработки список из 56 слов был сокращен. У многих испытуемых возникали трудности при работе со словом *желание*, потому что они считали его не подходящим для описания эмоционального состояния. Слово *облегчение* у ряда испытуемых вызывало физиологические ассоциации, что мешало им следовать инструкции. Кроме этого, после сбора данных выяснилось, что некоторые слова подходили очень небольшому количеству испытуемых для описания своего состояния. Как правило, это были слова, обозначающие интенсивные эмоции, редко переживаемые в повседневной обстановке. Большинство испытуемых давали на эти слова ответ «1» и почти никто не давал ответы «4» и «5». В результате были получены распределения ответов с выраженной положительной асимметрией. Было принято решение удалить такие слова из обработки, потому что они оказались в данном случае неинформативны и мешали проведению факторного анализа. В качестве критерия для удаления было выбрано количество ответов «1», оно должно было превышать 75% от всех ответов на данное слово. В приложении 2 приводится список исключенных слов.

Окончательный список слов, ответы на которые были подвергнуты факторному анализу, включал 41 название эмоциональных состояний. Показатель КМО оказался равен 0.844, значимость теста сферичности Бартлетта $p < 0.001$. Таким образом, полученную корреляционную матрицу можно считать пригодной для факторизации. Для определения количества факторов, которые будут подвергнуты вращению, использовался критерий Кеттелла. На графике собственных значений (рисунок 1) хорошо видна точка перелома на четвертой компоненте, на основании чего было выбрано трехфакторное решение. Проводилось ортогональное вращение факторов по методу варимакс с нормализацией по Кайзеру. В приложении 3 представлены факторные нагрузки. Интерпретация факторов проводилась по переменным с наиболее высокими факторными нагрузками (≥ 0.6 по модулю для первых двух факторов и ≥ 0.5 для третьего фактора), которые выделены жирным шрифтом.

Рисунок 1

График собственных значений

Наиболее высокие нагрузки по первому фактору получили переменные *подавленность, опустошенность, грусть, огорчение, неудовольствие, досада, сожаление*, по второму фактору — *радость, воодушевление, удовольствие, торжество, восхищение, веселье, предвкушение, нежность, интерес*, по третьему фактору — *волнение, напряжение, беспокойство, тревога, озабоченность, сомнение, неуверенность* и *спокойствие* (последняя с обратным знаком). Три фактора в совокупности объясняли 44% дисперсии (после вращения первый — 17%, второй — 15%, третий — 12%).

Первый фактор может быть наилучшим образом проинтерпретирован как фактор отрицательных эмоций, при этом можно заметить, что большая часть этих эмоций связана с низким уровнем активации. Второй фактор, очевидно, является фактором положительных эмоций, большая часть которых связана с высоким уровнем активации. Наконец, на одном полюсе третьего фактора объединяются эмоции, связанные с напряжением и неуверенностью, в то время как противоположный полюс представлен спокойствием.

Также было проведено косоугольное вращение первых трех факторов по методу облимин, психологическое содержание полученных факторов оказалось совершенно таким же, как и при ортогональном вращении.

Обсуждение

Результаты показывают, что эмоциональные состояния можно описать с помощью трехфакторной структуры. Первый фактор можно назвать «Отрицательные эмоции с низкой активацией», второй — «Положительные эмоции с высокой активацией», третий — «Напряжение». Обращают на себя внимание три особенности полученной структуры. Во-первых, валентность эмоций оказалась не одним биполярным фактором, а распалась на отдельные

ортогональные факторы положительных и отрицательных эмоций. Это позволяет говорить о том, что положительные и отрицательные эмоции не просто являются противоположными состояниями, но и относительно независимы друг от друга. Такое их соотношение помогает лучше понять феномен смешанных эмоций, так как допускает, что можно одновременно испытывать разные по знаку эмоции, например радость, смешанную с грустью, или нежность, смешанную с сожалением.

Во-вторых, валентность эмоций оказалась до некоторой степени связанной с уровнем активации: положительные эмоции — с высоким, а отрицательные — с низким.

В-третьих, в отдельный фактор выделились эмоциональные состояния, связанные с напряжением и неуверенностью. Некоторые из этих состояний имеют отрицательную окраску, однако другие нейтральны с точки зрения валентности, например спокойствие, неуверенность, сомнение. Можно предположить, что этот фактор выражает психическое напряжение в чистом виде, независимое от валентности. В принципе оно может сочетаться и с отрицательными, и с положительными эмоциями (например, азарт или радость, связанная с рискованным поведением), хотя в повседневной жизни чаще сочетается именно с отрицательными переживаниями.

Примечательно также, что три полученных фактора ассоциируются с тремя основными эмоциональными расстройствами — депрессивным, маниакальным и тревожным.

Интересно провести сопоставление полученной структуры с наиболее известными и влиятельными зарубежными структурными моделями, описанными во введении. Первые два фактора соответствуют модели Д. Уотсона и А. Теллегена, в которой валентность и активация также смешиваются в каждом из двух измерений, хотя шкала отрицательных эмоций у них связана с высокой, а не с низкой активацией. Вместе с тем результаты не соответствуют круговой модели Дж. Расселла, в которой различаются два измерения — валентность и активация. Благодаря наличию третьего измерения «напряжение» полученная структура оказывается похожей на модель В. Вундта, а также на модель У. Шиммака и А. Гроба, которые тоже выделяют напряжение как отдельный третий фактор. Стоит отметить, что не было получено фактора, хотя бы в какой-то степени напоминающего доминирование, предлагавшегося в модели А. Мехрабьяна и Дж. Расселла. Про этот фактор уже говорилось во введении, что он не воспроизводится в современных исследованиях.

Полученная модель может использоваться при описании любых эмоциональных явлений, потому что, по сути, она описывает структуру ядерного аффекта — элементарного аффективного чувства, лежащего в основе любого эмоционального опыта. В связи с этим данная модель не предназначена для тонкой дифференциации эмоциональных состояний. В основе некоторых эмоций может лежать один и тот же ядерный аффект, при этом различаться они будут другими компонентами — когнитивной оценкой ситуации, потенциалом совладания, соотношенностью с Эго и т.п. Так, эмоции типа страха и злости будут характеризоваться в данной модели, прежде всего, высокими

значениями по третьему измерению «напряжение». Одна и та же ситуация, например нападение, может вызвать у человека страх или злость в зависимости от того, как он оценивает свои возможности успешно отразить нападение и победить в конфликте. Этот пример показывает, как различные оценки ситуации и себя могут привести к возникновению разных эмоций, при том что ядерный аффект у них будет одинаковым.

Предлагаемая трехфакторная модель основана на самоотчетах испытуемых, находящихся в повседневном жизненном контексте и в большинстве своем не испытывающих интенсивных эмоций. Это является ограничением исследования, потому что остается неизвестным, будет ли и как именно меняться полученная структура при интенсивных эмоциональных состояниях разного типа. Для выяснения этого вопроса требуются дальнейшие исследования.

Полученная факторная структура может быть положена в основу разработки методики для диагностики эмоциональных состояний. Возможность адекватно описывать и диагностировать ядерный аффект важна для исследования эмоций и эмоциональных расстройств. В работах последних лет показано, что статические и динамические характеристики ядерного аффекта оказываются предикторами или признаками психологического благополучия (Houben et al., 2015), уровня самооценки (Kuppens et al., 2007), динамики межличностного поведения (Timmermans et al., 2010), депрессии и других эмоциональных расстройств (Kuppens et al., 2007). Диагностическая методика, основанная на предложенной модели, позволит развивать эти направления исследований на русскоязычном материале.

Благодарности

Автор благодарит за помощь в подготовке экспериментального материала и в сборе данных А.Г. Синкевича.

Литература

- Архипкина, О. С. (1981). Реконструкция субъективного семантического пространства, означающего эмоциональные состояния. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 40–46.
- Вартанов, А. В. (2013). Антропоморфный метод распознавания эмоций в звучащей речи. *Национальный психологический журнал*, 10(2), 69–79.
- Вартанов, А. В., Вартанова, И. И. (2003). Что такое эмоции? 4-х мерная сферическая модель аспектов переживания, выражения, восприятия и обозначения эмоций. В кн. Е. Е. Кравцова, В. Ф. Спиридонов, Ю. Е. Кравченко (ред.), *Культурно-исторический подход и проблемы творчества. Материалы третьих чтений, посвященных памяти Л.С. Выготского*. Москва, 17–20 ноября 2002 года (с. 13–29). М.: РГГУ.
- Вельтищев, Д. Ю. (2006). Аффективная модель стрессовых расстройств: психическая травма, ядерный аффект и депрессивный спектр. *Социальная и клиническая психология*, 16(3), 104–109.

- Данилова, Н. Н., Онищенко, В., Сыромятников, С. Н. (1990). Трансформация семантического пространства терминов состояний под влиянием информационной нагрузки в условиях дефицита времени. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 29–40.
- Лызлов, А. В., Серавина, О. Ф., Ковалевская, О. Б. (2011). Тревога как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа. *Вопросы психологии*, 4, 66–77.
- Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. (2009). Новый частотный словарь русской лексики. М.: Азбуковник.
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (2003). Толковый словарь русского языка (4-е изд.). М.: ИТИ Технологии.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Приложение 1

Слова, предъявлявшиеся испытуемым для оценки своего эмоционального состояния

безразличие	недоумение	ревность
беспокойство	нежность	скука
бодрость	неприязнь	смущение
веселье	нетерпение	сожаление
вина	неуверенность	сомнение
влюбленность	неудовольствие	сочувствие
возбуждение	обида	спокойствие
возмущение	облегчение	страдание
волнение	огорчение	страх
воодушевление	озабоченность	стыд
восхищение	опустошенность	торжество
гнев	отвращение	тоска
грусть	подавленность	тревога
досада	предвкушение	уверенность
желание	презрение	удивление
зависть	радость	удовольствие
злорадство	раздражение	уныние
интерес	раскаяние	ярость
напряжение	растерянность	

Приложение 2

Слова, исключенные из списка 56 слов перед факторным анализом

вина	презрение
возмущение	ревность
гнев	страдание
желание	страх
зависть	стыд
злорадство	уныние
облегчение	ярость
отвращение	

Факторные нагрузки для трехфакторного решения после вращения по методу варимакс

	Факторы				Факторы		
	1	2	3		1	2	3
безразличие	0.430	-0.042	-0.154	озабоченность	0.249	0.029	0.522
беспокойство	0.156	-0.143	0.695	опустошенность	0.774	-0.155	0.188
бодрость	-0.359	0.371	0.097	подавленность	0.783	-0.133	0.206
веселье	-0.254	0.712	-0.065	предвкушение	-0.051	0.696	0.086
влюбленность	0.042	0.533	0.143	радость	-0.237	0.800	-0.073
возбуждение	-0.169	0.389	0.470	раздражение	0.421	-0.041	0.237
волнение	0.055	0.115	0.781	раскаяние	0.338	0.390	-0.070
воодушевление	-0.156	0.772	-0.001	растерянность	0.522	0.074	0.477
восхищение	0.003	0.718	-0.010	скука	0.469	0.005	-0.090
грусть	0.745	-0.076	0.110	смущение	0.225	0.302	0.343
досада	0.624	-0.226	0.275	сожаление	0.600	0.146	0.054
интерес	-0.156	0.629	0.174	сомнение	0.414	0.135	0.502
напряжение	0.161	0.021	0.697	сочувствие	0.393	0.436	-0.161
недоумение	0.477	-0.027	0.218	спокойствие	0.128	0.190	-0.585
нежность	0.214	0.651	0.087	торжество	-0.052	0.731	-0.175
неприязнь	0.479	0.004	0.192	тоска	0.577	-0.002	0.087
нетерпение	0.070	0.203	0.466	тревога	0.306	0.034	0.658
неуверенность	0.452	-0.048	0.500	уверенность	-0.219	0.312	-0.496
неудовольствие	0.665	-0.166	0.268	удивление	0.244	0.475	0.056
обида	0.477	0.028	0.244	удовольствие	-0.159	0.737	-0.090
огорчение	0.692	-0.016	0.219				

Люсин Дмитрий Владимирович — ведущий научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии РАН, кандидат педагогических наук, доцент.

Сфера научных интересов: психология эмоций, переработка эмоциональной информации.
 Контакты: ooch@mail.ru

A Three-Dimensional Model of the Affect Structure Based on the Russian Data

D. Lyusin^{a,b}

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

^b Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract

The well-known modern dimensional models of affect include two or three dimensions. They are typically based on self-reports using English emotion terms. It remains unclear to what extent these models can be applied to different cultures and languages. The present study is aimed at finding the dimensions underlying the descriptions of emotional states in Russian language and suggests a structural model of affect based on these findings. At the first stage, a comprehensive list of Russian nouns denoting emotional states was compiled. It comprised 330 words and was reduced to a list of 56 words. At the second stage, participants rated their emotional states using this list. The exploratory factor analysis yielded three dimensions that underlay participants' descriptions of the emotional states – negative affect with low activation, positive affect with high activation, and tension. This structure has at least three notable features. First, valence is not a bipolar factor like in some other structural models of affect. Instead, it splits into two orthogonal factors. Second, valence is somewhat related to arousal, namely positive affect is associated with high arousal and negative affect with low arousal. Third, emotional states related to tension and uncertainty form a separate factor. This factor presumably reflects pure tension independent from any valence. This model can be used for developing Russian-based measures for assessment of mood.

Keywords: emotion, core affect, affect structure.

References

- Arkhipkina, O. S. (1981). Rekonstruktsiya sub"ektivnogo semanticheskogo prostranstva, oznachivayushchego emotsional'nye sostoyaniya [Reconstruction of subjective semantic space designating emotional states]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2, 40–46. (in Russian)
- Danilova, N. N., Onishchenko, V., & Syromyatnikov, S. N. (1990). Transformatsiya semanticheskogo prostranstva terminov sostoyanii pod vliyaniem informatsionnoi nagruzki v usloviyakh defitsita vremeni [Transformation of semantic space of the terms of states under the influence of informational load in a compressed time frame]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 4, 29–40. (in Russian)
- Feldman Barrett, L. (2013). Psychological construction: The Darwinian approach to the science of emotion. *Emotion Review*, 5, 379–389.
- Feldman Barrett, L., & Russell, J. A. (1999). The structure of current affect: controversies and emerging consensus. *Current Directions in Psychological Science*, 8, 10–14.

- Houben, M., Van Den Noortgate, W., & Kuppens, P. (2015). The relation between short-term emotion dynamics and psychological well-being: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, *141*, 901–930.
- Izard, C. A. (1977). *Human emotions*. New York: Plenum Press.
- Kuppens, P., Van Mechelen, I., Nezlek, J. B., Dossche, D., & Timmermans, T. (2007). Individual differences in core affect variability and their relationship to personality and psychological adjustment. *Emotion*, *7*, 262–274.
- Lang, P. J., Bradley, M. M., & Cuthbert, B. N. (2005). *International Affective Picture System (IAPS): Affective ratings of pictures and instruction manual*. Gainesville, FL: University of Florida.
- Larsen, R. J., & Diener, E. (1992). Promises and problems with the circumplex model of emotion. In M. S. Clark (Ed.), *Review of personality and social psychology: Emotion* (Vol. 13, pp. 25–59). Newbury Park, CA: Sage.
- Lyashevskaya, O. N., & Sharov, S. A. (2009). *Novyyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki* [New frequency dictionary of Russian language]. Moscow: Azbukovnik. (in Russian)
- Lyzlov, A. V., Seravina, O. F., & Kovalevskaya, O. B. (2011). The anxiety as a nuclear affect: An experience of structural-psychological analysis. *Voprosy Psikhologii*, *4*, 66–77. (in Russian)
- Matthews, G., Jones, D. M., & Chamberlain, A. G. (1990). Refining the measurement of mood: The UWIST Mood Adjective Checklist. *British Journal of Psychology*, *81*, 17–42.
- McConville, C., & Cooper, C. (1992). The structure of mood. *Personality and Individual Differences*, *13*, 909–919.
- Mehrabian, A. (1996). Pleasure-arousal-dominance: A general framework for describing and measuring individual differences in temperament. *Current Psychology*, *14*(4), 261–292.
- Mehrabian, A., & Russell, J. A. (1974). *An approach to environmental psychology*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Nowlis, V., & Nowlis, H. H. (1956). The description and analysis of mood. *Annals of the New York Academy of Science*, *65*, 345–355.
- Osgood, C. E., Suci, G. J., & Tannenbaum, P. H. (1957). *The measurement of meaning*. Urbana, IL: University of Illinois Press.
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (2003). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian language] (4th ed.). Moscow: ITI Tekhnologii. (in Russian)
- Plutchik, R. (1984). Emotion: A general psychoevolutionary synthesis. In K.R. Scherer & P. Ekman (Eds.), *Approaches to emotion* (pp. 197–219). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Russell, J. A. (1980). A circumplex model of affect. *Journal of Personality and Social Psychology*, *39*, 1161–1178.
- Scherer, K. (1994). Toward a concept of “modal emotions”. In P. Ekman & R. J. Davidson (Eds.), *The nature of emotion: Fundamental questions* (pp. 25–31). New York: Oxford University Press.
- Scherer, K. (2005). What are emotions? And how can they be measured? *Social Science Information*, *44*, 693–727.
- Schimmack, U., & Grob, A. (2000). Dimensional models of core affect: A quantitative comparison by means of structural equation modeling. *European Journal of Personality*, *14*, 325–345.
- Schimmack, U., & Reisenzein, R. (2002). Experiencing activation: Energetic arousal and tense arousal are not mixtures of valence and activation. *Emotion*, *2*, 412–417.
- Thayer, R. E. (1989). *The biopsychology of mood*. New York: Oxford University Press.
- Timmermans, T., Van Mechelen, I., & Kuppens, P. (2010). The relationship between individual differences in intraindividual variability in core affect and interpersonal behavior. *European Journal of Personality*, *24*, 623–638.

- Vartanov, A. V. (2013). Anthropomorphic method of emotion recognition in sounding speech. *National Psychological Journal*, 10(2), 69–79. (in Russian)
- Vartanov, A. V., & Vartanova, I. I. (2003). Chto takoe emotsii? 4-kh mernaya sfericheskaya model' aspektov perezhivaniya, vyrazheniya, vospriyatiya i oboznacheniya emotsii [What are emotions? Four-dimensional spherical model of aspects of experiencing, expressing, perceiving and designating emotions]. In E. E. Kravtsova, V. F. Spiridonov, & Yu. E. Kravchenko (Ed.), *Kul'turno-istoricheskii podkhod i problemy tvorchestva. Materialy tret'ikh chtenii, posvyashchennykh pamyati L.S. Vygotskogo. Moskva, 17–20 noyabrya 2002 goda* [Cultural-historical approach and issues of creativity. Proceedings of the third readings in memoriam of L. S. Vygotsky] (pp. 13–29). Moscow: RGGU. (in Russian)
- Vel'tishchev, D. Yu. (2006). Affektivnaya model' stressovykh rasstroistv: psikhicheskaya travma, yadernyi affekt i depressivnyi spektr [Affective model of stress disorders: psychic trauma, core affect and depressive spectrum]. *Sotsial'naya i Klinicheskaya Psikhologiya*, 16(3), 104–109. (in Russian)
- Watson, D., & Tellegen, A. (1985). Toward a consensual structure of mood. *Psychological Bulletin*, 98, 219–235.
- Wundt, W. (1896). *Grundriss der Psychologie*. Leipzig: Engelmann. (in German)
- Yik, M., Russell, J. A., & Steiger, J. H. (2011). A 12-point circumplex structure of core affect. *Emotion*, 11, 705–731.

Dmitry Lyusin – leading research fellow, Laboratory for Cognitive Research, National Research University Higher School of Economics; senior research fellow, Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Ph.D. Research area: psychology of emotion, emotional information processing.
Email: ooch@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF A METHOD FOR STUDYING GOAL SETTING IN PSYCHOTHERAPY

N. V. KISELNIKOVA (VOLKOVA)^a, V. F. SPIRIDONOV^b, E. V. LAVROVA^a,
E. A. KUMINSKAYA^a, S. V. MARKOVA^a, M. M. DANINA^a

^a *FBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, 9, Bld 4, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation*

^b *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPa), 82–84, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

Abstract

The purpose of the study was to develop a method to assess the different characteristics of goal setting among psychotherapists with varying professional experience, and also to trace the relationship between the parameters of goal setting and the effectiveness of psychotherapy. To do this, a productive methodological basis can be a procedure for the study of professional thinking used in the psychology of expertise. The authors identified the characteristics and conditions of goal setting that contribute to the better achievement of goals. The basis for the development of the method was an assumption that the analysis of someone else's psychotherapeutic session from an expert position should stimulate the specialist's ideas about the standard goal setting process. The authors developed a grid of categories for the analysis of structured interview records. Studies using the developed procedure can be carried out in the following areas: 1) identifying the characteristics of goals that are more or less effective in the context of therapy outcomes; 2) studying the transformation of a goal setting process in connection with building up the professional experience of a psychotherapist; 3) revealing the peculiarity of the representation of a client's problem by psychotherapists with varying degrees of expertise; 4) studying the features of goal-setting and the representation of a client's problem by psychotherapists of different approaches. The approbation of this methodology for studying goal setting among therapists with more than 10 years of experience allowed us to identify the main characteristics of the problem and target state descriptions that correlate with the effective achievement of psychotherapeutic results, according to other research.

Keywords: goal setting, psychotherapy, counselling psychology, research methods.

Introduction

The goal is seen as a “representation of a result”, and a person strives to reach that result (Leontiev, 2008). The goal is an indispensable element of any activity. The goal carries out different functions: motivation, guidance and regulation. The activity on building a goal and thinking about the image of a desired future is denoted by the concept, “goal setting”.

In the field of counseling psychology, goal setting serves as a focus for therapeutic work, a criterion for evaluating progress and a common narrative, which can

help clarify the relationship between the client and the therapist (Jansson, 2015). There are several empirical studies showing the relationship between some characteristics of goal setting and the effectiveness of counseling (Brace, 1992; Berking, Holtforth, Jacobi, & Kröner-Herwig, 2005; Wollburg & Braukhaus, 2010).

Goal setting activity in the dialogue between the client and the psychotherapist working together on the purpose of psychotherapy is the basis for forming a therapeutic alliance. A meta-analysis showed a significant relationship between alignment of goals, joint achievement of goals and treatment outcomes (Tryon & Winograd, 2011). There is also evidence that active joint goal setting in psychotherapy increases the client's satisfaction with their therapeutic experience, as well as the perceived autonomy and control over the therapeutic process (Holliday, Ballinger, & Playford, 2007; Doig, Fleming, Cornwell, & Kuipers, 2009).

With all the diversity of research in the field of goal setting in psychotherapy, we note quite a few works where the phenomenology of goal setting would be described in more detail and its mechanisms in psychotherapy were discussed. Also, there are no procedures and methods for studying goal setting in psychotherapy and counseling from the position of a counselor, not a client, including studying the professionalization of goal setting (changing goal setting with the acquisition of professional experience). Thus, studying goal setting is meaningful from several points of view 1) the development of professional thinking 2) goal setting as a condition for the effectiveness of activity, 3) goal setting in conditions of solving problems together (by both the client and the counselor).

The purpose of the study was to develop and test a method to assess the difference in characteristics of goal setting by psychotherapists with different professional experience, and also to trace the relationship between the parameters of goal setting and the effectiveness of psychotherapy.

Studying Goal Setting in Theory and Practice of Problem Solving

Goal setting is the first stage in solving a problem that involves setting the main goal or a set of goals. Goal setting is an important subject in cognitive psychology, especially in the psychology of problem solving. Numerous studies show that the efficiency of the activity and the effectiveness of achieving goals depend on the characteristics of goal setting (Bandura & Schunk, 1981; Zimmerman & Kitsantas, 2002; Locke & Latham, 2002, 2006). Usually the solving of complex problems involves distinguishing and managing different types of goals: global and specific, simple and multiple, main and intermediate (Dörner, 1997).

R.G. Sternberg (2003) provides evidence that the goal setting of students is closely related to the main sources of self-motivation. A. Bandura and D.H. Schunk (1981) studied the effect of setting short-term goals while solving mathematical problems on the students' self-efficacy and their interest in solving these problems. A number of patterns were revealed. The sample was divided into three groups. The first group had the immediate goal of completing one set of tasks during each session. The second group was given a distant goal, to complete the solution of all sets by the end of all sessions. The third group was given a global goal, to work productively.

The immediate goals increased perseverance during problem solving and led to the highest level of solving mathematical problems and self-efficacy when checking on an additional test. The immediate goals also increased the students' freedom of choice when working on mathematical problems, which is a measure of intrinsic interest in this task. These results show how immediate goal setting can increase not only the quality and intensity of the task-solving process, but also self-efficacy.

Researchers also studied hierarchical links between goals in solving problem. One of these links is related to procedural and effective goals. Procedural goals are focused on strategies for solving problems, while effective goals are focused on the final product (a solution). B.J. Zimmerman, A. Kitsantas (2002) studied how high school students solved verbal problems that included combining and generalizing sentences. The researchers identified cyclical links between goal setting, task performance, self-satisfaction, self-efficacy and internal interest.

E.A. Locke, G.P. Latham (2002, 2006) studied the relationship between goal setting and performance in the Goal-Setting Theory, and distinguished four patterns:

1) Setting difficult goals causes more persistence and effort than setting simple and average goals or setting blurry unclear goals.

2) The setting of goals directs attention and effort to actions that are relevant to the goals.

3) The result of achieving goals depends on knowledge and skills. At the same time, goals can both stimulate the use of actual knowledge and skills, bring the necessary knowledge not previously used to the level of awareness, and also activate the search for new knowledge and skills, especially when solving new complex problems.

4) The setting of goals is mediated by different variables: personal traits, confidence in knowledge in specific domains (Bandura, 1993), autonomy, etc.

E.A. Locke, G.P. Latham (2002, 2006) studied the influence of previous experience and self-efficacy on setting goals, the relationship between types of goals and the effectiveness of their achievement. It was shown that people who assess themselves as more effective set more difficult goals, demonstrate a more pronounced purposefulness and commitment to the goal seek and use more effective decision strategies. E.A. Locke, G.P. Latham (2002, 2006) also found out that goals aimed at learning, training or demonstrating the available knowledge and skills are associated with higher performance, in contrast to goals aimed at achieving concrete results. A goal aimed at achievement raises anxiety because of the situation of assessment. People tend to avoid situations where they can be judged as incompetent, and in this situation they choose easy tasks or refuse to do anything at all.

D.A. Kolb, R.E. Boyatzis (1970) conducted a study that identifies the characteristics of the goal setting process in relationship between these characteristics and the effectiveness of behavior aimed at change. After studying more than 1000 cases of self-change behaviors (based on self-analysis and objective behavioral records) they found that people achieve their goals more successfully, if:

- 1) The goals are well understood
- 2) A person has an expectation of success
- 3) There is a sufficient level of psychological safety
- 4) Tools are used to measure progress

5) The subject of change has a sense of control over the process of change and the criteria for their evaluation.

Effective goal setting technologies have been developed and widely used in psychological practice. The SMART technology is the most famous (Doran, 1981). It describes the requirements that a 'good' goal must meet. These are: S – specific; M – measurable; A – achievable; R – result-oriented; T – timed.

If a goal is specific, it means that it is clear what actions to achieve the goal must be undertaken and how to evaluate the result. The measurability of a goal means that its formulation includes the parameters for tracking the achievement of the result. The goal achievability reflects the level of its complexity relative to the subject's resources of goal setting and objective conditions for achieving the goal. The orientation to the result means the formulation of the goal in terms of the result, not the process. For example, you can set a goal (the staff must come to work one hour earlier), but if you do not determine the result anticipated from such an action, then an extra hour can be spent in drinking coffee and talking with colleagues. Correspondence to a certain period of the achievement implies the implementation of the goal in a specific period of time. If there is no time frame, in which goal should be achieved, then the achievement of that goal will be constantly postponed.

Thus, there are several characteristics and conditions of goals that contribute to high levels of achievement. Such characteristics include a) short-term setting (intermediate goals), b) a focus on the process or an outcome (for different types of activity), c) awareness, d) feedback and tools for assessing the progress, e) self-efficacy. Now we will consider whether this data is reflected in studies of the psychotherapeutic process as a practice aimed at achieving the client's goals for self-change.

Goal Setting in Psychological Counseling and Psychotherapy

Cognitive psychology studies the goal setting process on the basis of problems solved by one subject. But the consultative and psychotherapeutic process is a joint solution of the client's problem through dialogue with a specialist.

Psychotherapy can be seen as a means of achieving the goals agreed on by the patient and the therapist. In this case, achieving the goal can be considered a significant measure of success in psychotherapy (Berking et al., 2005). In addition, the achievement of a goal relates to other indicators of success in therapy, whereas frequent changes in the goals of the work related to the lack of achievement of the goals lead to poor results. In psychotherapy the analysis of goals occurs in the space of complaint (what the client does not like), the request (what he/she wants to receive as a result of work), and the contract (the joint formulation of the goal of work that takes into account the client's request and the therapist's capabilities). A number of consultative schools use special techniques to transform the client's request into a contract. This is necessary because goals that clients offer for therapy can be vague, unrealistic or unable to help effectively in the long term.

K. Brace (1992) considers two principles that can be universally applied in psychotherapy and counseling: respect for the well-being of clients and their self-determination. The discussion and application of these principles leads to the

formulation of a set of recommendations in order to assist therapists and consultants in selecting tools and ultimate goals. It is assumed that these recommendations can be applied regardless of specific personal and cultural values of the therapist and the client.

The values of both the client and the therapist affect the goal setting in the therapy process. Because of this, there is a danger that the goals and goal setting in psychotherapy can be arbitrary, that is, they can simply reflect the value preferences of specific therapists or clients.

K. Brace offers a means by which therapists can determine whether a goal is universal in terms of ethical standards, even if it does not match the personal values of a therapist.

The respect for self-determination of clients is also necessary in psychotherapy, because therapy provides an opportunity for clients to make the changes they want in their lives. The therapist's views may often differ from the client's views on what thoughts and actions will contribute to the client's desired changes, and the therapist can influence the way the client accepts methods of change that the client would not choose on their own. If the therapist assumes that what the client wants is not really useful for him/her, the therapist can also influence the change in their clients' desires. However, the client's self-determination in psychotherapy is mandatory, because the purpose of therapy is to achieve the client's goals.

The formulated goals should be checked by both the client and the therapist. It is necessary to determine whether the goals are formulated for the benefit of the client. In the case when the goals that are defined by the client are mutually incompatible, the therapist should point to this and allow the client to formulate consistent goals.

Changes that clients receive as therapy outcomes can affect their immediate surroundings (their family, friends or colleagues). The principle of respect for people implies that it is the therapist's responsibility to consider the client's environment in goal setting and working with goals.

These principles set a general framework for goal setting in counseling and therapy, rather than specific indications of which types of goals are desirable and acceptable.

M. Berking et al. (2005) argue that attainability is one of the most important among the characteristics of goals. Without it therapy becomes a waste of time, energy and money, and further reduces the client's self-efficacy. Sometimes it may be useful to work on goals that can be achieved in a short time and with little energy costs for the client (for example, at the beginning of therapy or in cases where there is a danger of threatening the therapeutic relationship). Working on relatively simple goals can help clients create confidence in the possibility of change and strengthen the therapeutic union.

The formulation of the client's request and the therapist's response to it is one of the most important tasks of the first consultation. Often the client makes an unrealistic request as to the goals he/she would like to achieve in the process of psychotherapy. That is why many authors believe that it is much more productive when the therapist themselves formulates a working request without expecting it from the client. This is due to the fact that the majority of clients have no idea of what opportunities exist in psychotherapy, they are not aware of the types of therapy and do not know exactly how a psychotherapist can help.

S. Cormier, H. Hackney (2015) consider the client as a person who is constantly experiencing needs. However, the client does not always perceive and recognize their needs. The client seeks the consultant's help when unsatisfied needs become a problem. The authors believe that the role of the counselor psychologist is to recognize the client's unsatisfied needs. After that, the consultant should help the client to transform the identified needs and desires. It is important for switching the client from a passive position to an active one. It is necessary to help the client to formulate goals that satisfy their needs and show the client that some progress is coming after the consultant finds out what solutions the client has already tried to achieve.

Process tasks and goals are associated with the specifying therapeutic conditions necessary for a client's change. Process tasks are universal for all clients. They include common tasks, such as establishing contact, creating safe conditions, expressing empathy and acceptance. The procedural goals are individual for each client. They are directly related to the changes that should occur as a result of counseling.

Goal setting is a flexible process that allows regular updates. In the process of consultation the client and the counselor can change goals formulated at the first sessions. It is important that there are joint goals. This means that both the client and the consultant agree to work towards achieving the set goals.

According to the authors, there are three elements in a "good goal":

1. The goal includes the behavior that needs to be changed, the conditions and the degree of change;
2. A description of the conditions necessary to achieve the desired behavior;
3. The goal includes relevant and realistic levels of new behavior. It is important to set achievable goals and achieve global goals by a successive approximation.

The consultant should involve the client in goal setting, otherwise the process of therapy is almost impossible.

There is a number of studies that verify the theoretical considerations described above. L. LaFerriere, R. Calsyn (1978) evaluated the effectiveness of psychotherapy. The evaluation depended on the method of clients' goals setting. In the experimental group, the participants formulated goals together with the therapist using the Goal Attainment Scale (GAS). Clients from the control group set their own treatment goals.

The psychotherapeutic sessions were conducted with clients using behavioral and psychodynamic approaches. Before and after six psychotherapeutic sessions, the clients were evaluated for anxiety, depression, self-esteem. In addition, clients and specialists gave feedback about satisfaction with the consultations, the motivation for change, the assessment of change and the awareness of specific therapeutic goals. The data showed that despite the similar satisfaction demonstrated by the clients of both the experimental and control groups, people who formulated the goals together with the psychotherapist showed the best indicators of the psychological status at the output. They showed a decrease in anxiety, , increased self-esteem, higher rates of changes in therapy and motivation for change, as well as the awareness of goals.

E. Wollburg, C. Braukhaus (2010) studied how the type of goal formulation affects the psychotherapy outcomes in depressed patients. The study involved 6,570 people as participants, who had undergone a course of cognitive-behavioral, or multimodal psychotherapy and drug therapy for seven weeks.

At the beginning of the study scientists asked all patients to formulate at least three goals. Also, all participants of the study were administered the Depression Scale of A. Beck and had a clinical evaluation to assess the severity of depressive symptoms. Two experts classified the goals into groups of achievement and avoidance. At the end of the therapy the patients were re-evaluated and scaled by the degree of goal attainment.

It was shown that the degree of severity of depressive symptoms did not correlate with the number of avoidance goals. But they found a connection with the average rating of achievement goals. This suggests that the nature of goals formulation can be an indicator of the effectiveness of psychotherapy.

Thus, we see that many consultative psychologists agree that formulated goals must be achievable and realistic but there are disputes over the degree of the therapist's activity in goal setting. Some authors believe that the therapist should follow the goal setting for the client counting on their self-determination processes. Others believe that the specialist should have the decisive vote. At the same time, empirical data indicates the productivity of a joint, dialogic goal setting.

Goal Setting in Various Approaches to Psychological Counseling

Psychotherapeutic approaches can be classified as effective (focusing mainly on the problem and/or its solution), or procedural (focusing on the procedural aspects of the interaction with the client) by reason of setting goals.

For the first approach, the basis for the therapeutic strategy choice is the client's problem itself. That involves the client's problem representation building. An important phase in this process is mutual goal setting with the client. The client's problem transformation starts at this point.

The second, process-oriented, approach is focused on developing special therapeutic relationships that contribute to personal growth in certain conditions. In this case goals are achieved as a result of these conditions (Nelson-Jones, 2000).

We consider Solution-Focused Brief Therapy and Person-Centered Therapy examples of these two approaches reflecting polar positions to goal setting in psychotherapy.

A psychotherapist working in a solution-focused approach contributes to the client's change through talking about decisions. He/she provides change suggesting that the clients should imagine their future without problems and make the appropriate changes. The client achieves their desired future in small steps using their resources and strengths with the therapist's help. Short-term methods prevail in this approach, and the aim is to change a specific, observable behavior.

Therapists working in a solution-focused approach downplay the role of past experience in favor of behavior changes that help to achieve one's goals. Effective goals here should be specific, small, positively formulated and important for the client. Properly constructed goals should be described as the presence of something positive, not the absence of something negative.

In person-centered approach, the practitioner does not lead or push the client to a specific decision, and the therapeutic goal is not easily measurable. It is

assumed that certain conditions created by a psychotherapist (emotional contact, congruence, unconditional positive acceptance, empathic listening), help the client to accept himself or herself, and that causes the desired changes. Person-centered therapy assumes the therapist's refusal from the expert position. The goals are not discussed in the terms of an expected result and, moreover, are not formatted by the therapist for certain properties.

K.V. Yagnyuk et al. (2013) showed differences in goal setting in other approaches: the brief dynamic therapy and the psychoanalytic approach. The brief dynamic therapists usually focus on specific present and future goals of a client. Goals set by psychoanalytic therapists refer more to past events and experiences.

Summarizing the data in goal setting strategies in various areas of counseling and therapy, it can be stated that the main discrepancies are: the specificity/globality of a goal, the presence/absence of the specialist's activity in goal setting, facilitating this activity, understanding the target of the work (past/present, changes in inner experience/behavior, etc.). A common area for different approaches is the focus on clients' interests and needs in goal setting process.

The Psychotherapeutic Contract as a Framework for Setting Goals in Psychological Counseling and Psychotherapy

Psychotherapeutic and counseling practice usually starts with agreeing to a psychotherapeutic contract that contains three main aspects. First is the general view on the client's need for psychotherapy and taking part in it. Second is the approval of goals and procedures necessary to achieve these goals, as well as the criteria by which they can be judged.

The psychotherapeutic goal agreement is achieved by comparing the client's needs and the therapist's professional capabilities. Finally, it includes organizational issues, such as time, place, frequency of sessions and payment.

It should be emphasized that not in all schools and approaches a contract implies that the purpose has been clearly established. However, when this happens, as a rule, not only goals alone, but also procedures aimed at achieving the goals are approved.

The provisions of a psychotherapeutic contract are discussed in detail, even if they seem obvious or not worthy of attention, in order to avoid misunderstanding at subsequent phases of psychotherapy. It was proved that the goal congruence between the therapist and the client affects the "strength of the therapeutic alliance" that strongly affects the therapeutic results.

The concept of contract in psychotherapy was first used in transactional analysis (Berne, 1961). The contract there was a pronounced mutual commitment to a strictly defined plan of action. From the very first sessions the client entered into a "change contract" with the therapist, in which goals and ways of achieving them were determined.

The study of J.R. Long (2001) confirms the unique role of the therapeutic contract. He explains that the conclusion of a therapeutic contract is an intervention itself. Clients usually know more about their problem state than about the desired state. In J.R. Long's study of the psychotherapist's and client's agreement of the goals, negative

therapy outcomes were associated with the absence of an explicit therapeutic contract. Based on this data, it was concluded that it is extremely important for psychotherapists to reach a goal agreement with clients as a form of intervention.

This agreement may include the goal itself, as well as an explanation of its causes. The available results show that an intuitive consensus about the goal alone is not enough. While the client and the therapist may think that they are equally perceiving the goal, in an actual situation their goals may be incompatible. Therefore, it is advisable to conclude a goal agreement explicitly at the first session.

It is also important for a therapist to understand that during a diagnostic conversation the client's view on their problems, goals and themselves may change. Therefore, after the first session the therapist should clarify with the client how he/she understands the purpose of psychotherapy, in order not to start working on irrelevant goals. Well-defined goals help monitor the course of psychotherapy and determine its completion. Otherwise, it is impossible to understand what stage of the progress the client is at (Weiner, 2002).

The importance of agreeing goals is also shown by G.S. Tryon, G. Winograd (2011). The authors define the agreement as follows: (a) goal agreement between the client and the therapist; (b) the way in which the therapist explains the nature of therapy and its expected results, and the client's understanding of this information; (c) the degree to which the goal is agreed upon, and the client's belief that the goals are clearly defined; (d) the client's focus on goals; (e) the consistency of the client's and the therapist's views on the origin of the problem and on one's responsibility for solving the problem.

The results of the meta-analysis carried out in the study indicate strong relationships between the goal agreement, the client's and the therapist's cooperation and positive outcomes of therapy. The results point to a number of conclusions that can be used to improve the effectiveness of psychotherapists and counselors:

1. The work on client's problems should start only after an agreement on the goals and the ways necessary for their achievement has been reached by the client and the psychotherapist.

2. The therapist shouldn't immediately put forward his/her vision of the goals and solutions of the problem. First they need to listen to what the client says, and then adjust the work in accordance with that information and their understanding.

3. The therapist should encourage the client's contribution to psychotherapy by listening to their feedback, understanding, reflecting and clarifying, collecting information on current progress, motivating for change, supporting and providing feedback on their progress.

4. It is necessary to tell clients about the importance of their joint contribution to the success of therapy.

5. It is important to encourage homework. The therapist should assign tasks appropriate to goals, starting with simple ones.

6. The therapist should regularly coordinate the psychotherapeutic work with his/her clients, to ensure that there is a mutual understanding.

7. It may be necessary to change the goals and methods of therapy in response to the feedback.

Developing a Method for Studying Goal Setting in Psychotherapy

The statements listed above lead to a number of research questions:

1. What are the characteristics of the goal setting process in psychological counseling and psychotherapy?
2. Which goal characteristics are more or less effective in the context of the counseling outcome?
3. Do the process of a goal setting and the characteristics of a goal transform along with the building up the professional experience of a psychotherapist?

These questions became the starting point for the development of a tool that enables the evaluation of the goal setting process and the characteristics of a psychotherapeutic goal in the following parameters:

- a) the way a goal is set up (independently by the therapist or the client/in dialogue)
- b) the characteristics of a goal (concreteness, positivity, attainability, formulation, etc.)
- c) the type of a goal (main, intermediate, secondary).

Different methods of goal setting are described in the studies of K. Brace (1992), S. Cormier, H. Hackney (2015), L. LaFerriere, R. Calsyn (1978). Based on these studies, we assume that the most effective way of setting goals is through dialogue. The client is the bearer of knowledge about their own needs, and the therapist is the bearer of knowledge about the rules for setting the goals and identifying the client's needs.

Goal characteristics were initially partially taken from psychotherapeutic literature (the criteria of the psychotherapeutic contract by S. Cormier, H. Hackney (2015), M. Berking et al. (2005)), and partially from the psychology of problem solving studies (Dörner, 1997) and the SMART technology (Doran, 1981).

Types of goals were described by D. Dörner (1997) on the basis of solving complex dynamic system problems that include the process of solving psychological problems. Later, the categories were refined and transformed during interviews.

At the data collection stage we conducted individual structured interviews on the fragment of a psychotherapeutic session (see the questions in the Appendix). The procedure of our research is based on methodological principles of psychology of expertise, specifically, on that part of it that deals with the study of expert thinking (Chase & Simon, 1973; Claessen & Boshuisen, 1985; Spiridonov, 2013; Kukushkina & Spiridonov, 2008). It was shown in a number of studies that the differences between experts and novices relate not only to the effectiveness of solution and ways of organizing knowledge in memory, but also to ways of goal setting. Experts spend significantly more time preparing for decisions, planning their actions (especially at the early stages of decision-making), and finding out features of the current problem situation, making more "research" actions (Dörner, 1997).

These ideas were implemented through the following research procedure:

1. The participant fills in the questionnaires about their education, professional experience, preferred types of client problems and the methods and approaches they use (see Appendix).

2. The participant reads the transcript of another psychotherapist's first meeting with a client. This transcript presented is a logically arranged fragment of communication between a therapist and a client. It includes the therapist's phrases related to setting the goal, its clarification and particular steps to achieve it, as well as the client's answers. Phrases from the full transcript of the session were selected by six experts in the field of problem solving and psychotherapy. The experts assessed the compliance of each phrase with a particular action to the goal setting or achieving the goal. Sixteen phrases of the therapist were selected with high degrees of consistency of expert assessments (some of them are presented in the Appendix). These remarks were analyzed by the respondents.

3. We conducted individual structured interviews that ranged from 50 to 70 min. All interviews are tape-recorded and transcribed. The participants were asked to analyze and give comments to the presented case. In order to reveal the degree of similarity and differences in the characteristics of the analysis of the problem drawn from the expert and professional positions, the interview included questions that induced the respondent to express an opinion about the therapist's work on the case, and then describe their own way of achieving similar goals.

The data analysis method is content analysis on the grid of categories. The tables below show the categories, codes and sub codes for analysis and notes (the rationale for including each of them in the analysis).

This grid was developed during six iterations of sequential analysis of interviews and the correction of the coding table.

The form for preliminary content analysis of the respondents' statements made from an expert position in relation to the case, as well as from the respondent's own professional position, includes a) analysis of the initial (problem) state, b) analysis of the desired (target) state. According to A. Newell, G. Simon (1972), D. Dörner (1997), etc., the target state is part of the structure of the task and the problem. Its second component is the initial state. The transition between these two positions in the problem space is unknown to the solver and causes difficulties.

Statements reflecting the features of the goal setting procedure were also encoded: formulating a goal in a dialogue with the client, by therapist themselves, or accepting a goal in the client's wording. According to the studies of L. LaFerriere, R. Calsyn (1978), S. Cormier and H. Hackney (2015), etc., the goal setting method influences the effectiveness of psychotherapy, goal setting with the therapist is further associated with the best indicators of the client's psychological status. It is assumed that this category of analysis will allow us to establish differences between therapists not only with different work experience, but also between those practicing different approaches. Then the coding of semantic units was carried out according to Table 1:

Analysis of the results involves a frequency analysis of codes and a comparison of samples of psychotherapists in three main categories:

- 1) features of goals and their components;
- 2) the means of goal setting;
- 3) types of psychotherapeutic goals.

There are some versions of the presented method: for psychologists without practical work experience in the field of psychotherapy (including students), as

well as for conducting research with writing in Russian and English. The English version was obtained by direct and reverse translation, and then it was checked by English native speakers and Russian-speaking therapists who are fluent in English and who practice in English.

Table 1

Problem Analysis

1.1. Problem state		
Category	Codes	Notes
PS1 Components of the problem state	PS1-1 Thoughts PS1-2 Emotions PS1-3 Behavior PS1-4 Attitudes and values PS1-5 Others	As elements of the client's problem, the manifestations of mental reality and behavior that are represented in the psychotherapeutic situation as the subject of a complaint and simultaneously the work of the client and the specialist are considered.
PS2 Types of components of the problem state	PS2-1 Represented by the client in an explicit form PS2-2 Latent PS2-3 Manageable PS2-4 Unmanageable PS2-5 Others	These types of elements of the problem situation are identified in accordance with the work of R. Ackoff (1978). Manageable elements are those that a person (or people) making a decision can manage. Unmanageable variables along with manageable ones can influence the outcome of the problem. It is important to keep in mind that unmanageable variables do not always have the features of unmanageability: they can be regulated by other people or conditions. In a situation of psychotherapy, the manageable variables include elements of the psychic reality and behavior of the client, unmanageable variables involve third parties and external circumstances that cannot be the subject of the therapist's work
PS3 Distinguishing the links between components of the problem state	PS3-1 Distinguishing current links PS3-2 Distinguishing causal links PS3-3 Distinguishing surface links	According to the works of D. Dörner (1997), successful 'solvers' differ from unsuccessful ones in their ability to offer a variety of hypotheses about the functioning of the problem, identify causal relationships, rather than focusing solely on the superficial symptomatology of the problem.
PS4 Fixing the dynamics of components and relations between them		Another important factor of effective solutions is the consideration of the remote and side effects of influence, as well as an analysis of the trends in the development of the problem, not the fixation on the current moment (D. Dörner)

Results

A sample of the pilot study consisted of ten psychotherapists with work experience of more than 10 years (aged 41–56 years old), including one man and nine

Table 1 (finishing)

1.2. Goal state		
Category	Codes	Notes
GS1 Features of a goal	GS1-1 Positive GS1-2 Negative GS1-3 There are no third parties GS1-4 Specific (includes criteria for achieving) GS1-5 Global GS1-6 Achieved by means of psychotherapy: GS1-6-1 Change in thoughts GS1-6-2 Change in emotions GS1-6-3 Behavioral change GS1-6-4 Change in attitudes GS1-7 Not achievable by means of psychotherapy GS1-8 Clear GS1-9 Formulated with the use of professional language GS1-10 Duplicating the client's words from the case GS1-11 Using anti- and pseudo-scientific concepts GS1-12 A goal is not related to the content of the client's case	Characteristics of the goals were identified on the basis of data from the studies of E. Wollburg, C. Braukhaus (2010), D. Dörner (1997), and the works of Doran (1981), A. Newell, G. Simon (Newell & Simon, 1972), J.J. Platt, G. Spivack (1975). Each of the characteristics is associated with a more or less effective problem solving, and its manifestation can act as a criterion differentiating professionals with different levels of expertise.
GS2 Way of goal setting	GS2-1 In dialogue with the client GS2-2 By the therapist themselves GS2-3 Accepting the client's formulation	See the note to Table 3.
GS3 Types of goals	GS3-1 Intermediate goals GS3-2 Key goal GS3-3 Side goal	According to D. Dörner, the ability to determine the center of the direction of efforts, to identify central and peripheral goals, and also to decompose the ultimate goal into intermediate ones, is extremely important for the effective problem solving.

women who voluntarily responded to invitations to take part in a study published in social networks.

According to results of the content analysis of the interviews using Friedman's two-factor rank analysis of variance for related samples, differences were found at significance levels of $p < .001$ between the codes in the PS2 category (types of problem state components, see Table 2 and Figure 1) and GS1 (target characteristics, see Table 3 and Figure 2):

We can see that when analyzing a client's problem, experienced therapists significantly more often point out the components of the problem that are explicitly

Table 2

Frequency of Codes PS2 (Types of Components of the Problem State)

Codes	Name	Frequency
PS2.1	Types of components of the problem state: represented by the client in an explicit form	0.9
PS 2.2	Types of components of the problem state: latent	0.5
PS 2.3	Types of components of the problem state: manageable	0.1
PS 2.4	Types of components of the problem state: unmanageable	0.1
PS 2.5	Types of components of the problem state: other	0.0

Table 3

Frequency of Codes GS1 (Features of a Goal)

Codes	Name	Frequency
GS1.1	Positive	0.9
GS1.2	Negative	0.6
GS1.3	There are no third parties	1.5
GS1.4	Specific (includes criteria for achieving)	0.1
GS1.5	Global	0.7
GS1.6	Achieved by means of psychotherapy	1.5
GS1.7	Not achievable by means of psychotherapy	0
GS1.8	Clear	0.9
GS1.9	Formulated using professional language	0.6
GS1.10	Duplicating client's words from the case	0.1

Figure 1

Confidence interval, category PS2

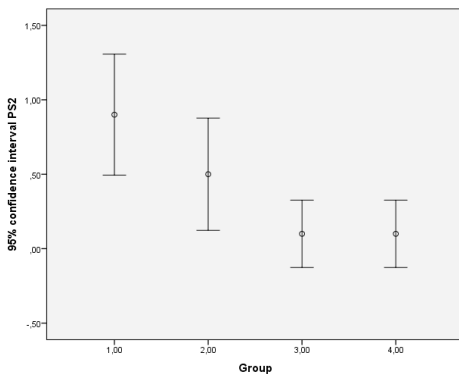
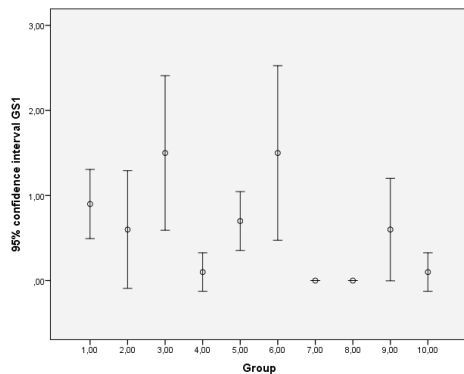

Figure 2

Confidence interval, category GS1

represented by the client and significantly less often, but equally mention both controllable (those that can be changed during therapy) and uncontrollable variables (those that are directly not included in the work of the therapist, for example, external circumstances). Also, when describing a target state, therapists significantly more often formulate attainable goals, that don't include third parties, clear and positive. It should be noted that all these goal variables, according to research, correlate with the effective achievement of positive results in therapy. Therefore, the analysis of the developed grid of categories and codes allows the construction of an individual's portrait of goal setting and highlighting the key features of goals and problems in the selected group of specialists.

The approbation of this procedure is currently being performed on four samples of Russian-speaking respondents: psychotherapists who have been practicing from 1 to 3 years, from 4 to 9 years and from 10 years and more, as well as undergraduate students without experience in training and practice in the field of psychotherapy. Also participating in our study are two samples of English-speaking therapists who have professional experience of up to 3 years and over 10 years.

Conclusion

The analysis of theoretical and empirical works on goal setting in the work of therapists allows us to highlight the following key points:

The authors systematized the goal setting characteristics that would contribute to the more efficient achievement of goals and satisfaction with the achieved results, from a variety of studies in different contexts of goal setting. These characteristics include: a) short-term (presence of intermediate goals), b) procedural-performance (different types of goals are recommended for different types of activities), c) awareness, d) availability of feedback and progress assessment tools, e) self-efficacy assessment in formulating goals. It is noted that there are no studies in which these characteristics have been investigated in the context of various approaches and methods of psychotherapy.

2. Methodological and educational materials on psychotherapy state that the reachability and realism of the goal of working with a client are essential to the effective work of a psychotherapist. There is also a confirmation of the effectiveness of joint, dialogic goal setting for improving the client's psychological status. However, studies of various characteristics of the process of goal setting in different psychotherapeutic conditions, as well as their influence on the results of psychotherapy, are limited.

3. Despite the fact that in different schools of therapy there are discrepancies in the parameters of goal specificity/globality, as well as the presence/absence of specially organized specialist's activities in formulating the goal and facilitating this activity with the client, and understanding the focus of work (past-present, changing the inner world/behaviors, etc.), there is a lack of data on how these parameters contribute to the real work of a psychotherapist, regardless of his/her therapeutic approach.

4. A number of researchers (for example, G.S. Tryon and G. Winograd, 2011) showed there is a link between the alignment of the client's and therapist's goals

and positive results of therapy. On the basis of practical literature in the field of psychotherapy, we have identified procedures of goal setting in counseling, ways of achieving them, and criteria for evaluating their achievement within the framework of a psychotherapeutic contract.

5. Due to the insufficient study of the connection between the various characteristics of the goal setting process and the results of psychotherapy in various approaches, it is necessary to develop new research procedures to identify differences in goal setting in psychotherapy (characteristics of goals, methods and types used). Of particular interest is the approach for the transfer of the professional thinking research methodology in psychology of expertise and complex problem-solving to the psychotherapeutic context. This integration is considered by the authors for the first time in this scientific field.

6. Approbation of this methodology for studying the representation of the client's problem among therapists with more than 10 years of experience allowed us to identify the main characteristics of the problem and target state descriptions that correlate with the effective achievement of psychotherapeutic results, according to research. The prospect of the study is to compare the features of goal setting and problem analysis among therapists with different work experience and therapeutic approaches.

References

- Ackoff, R. (1978). *The art of problem solving*. New York: John Wiley and Sons.
- Bandura, A. (1993). Perceived self-efficacy in cognitive development and functioning. *Educational Psychologist*, 28(2), 117–148.
- Bandura, A., & Schunk, D. H. (1981). Cultivating competence, self-efficacy, and intrinsic interest through proximal self-motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 41(3), 586–598.
- Berking, M., Holtforth, M. G., Jacobi, C., & Krüner-Herwig, B. (2005). Empirically based guidelines for goal-finding procedures in psychotherapy: Are some goals easier to attain than others? *Psychotherapy Research*, 15(3), 316–324.
- Berne, E. (1961). *Transactional analysis in psychotherapy: A systematic individual and social psychiatry*. New York: Grove Press.
- Brace, K. (1992). Nonrelativist ethical standards for goal setting in psychotherapy. *Ethics and Behavior*, 2(1), 15–38.
- Chase, W. G., & Simon, H. A. (1973). Perception in chess. *Cognitive Psychology*, 4(1), 55–81.
- Claessen, H. F., & Boshuizen, H. P. A. (1985). Recall of medical information by students and doctors. *Medical Education*, 19, 61–67.
- Cormier, S., & Hackney, H. (2015). Kontseptualizatsiya problem i postanovka tseley [The conceptualization of problems and goal setting]. *Zhurnal Prakticheskoy Psihologii i Psihoanaliza*, 4. Retrieved from http://psyjournal.ru/drupal_journal/articles/kontseptualizaciya-problem-i-postanovka-celey?ID=3869 (in Russian) (Transl. of: Cormier, S., & Hackney, H. (1987). *Counseling strategies and interventions*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.)

- Doig, E., Fleming, J., Cornwell, P. L., & Kuipers P. (2009). Qualitative exploration of a client-centered, goal-directed approach to community-based occupational therapy for adults with traumatic brain injury. *American Journal of Occupational Therapy, 63*(5), 559–568.
- Doran, G. T. (1981). There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives. *Management Review, AMA FORUM, 70*(11), 35–36.
- Dörner, D. (1997). *Logika neudachi: strategicheskoe myshlenie v slozhnykh situatsiyah* [The logic of failure: strategic thinking in complex situations]. Moscow: Smysl. (in Russian) (Transl. of Dörner, D. (1996). *The logic of failure: Recognizing and avoiding error in complex situations*. Cambridge, MA: Perseus Books.)
- Holliday, R. C., Ballinger, C., & Playford, E. D. (2007). Goal setting in neurological rehabilitation: patients' perspectives. *Disability Rehabilitation, 29*(5), 389–394.
- Kolb, D. A., & Boyatzis, R. E. (1970). Goal-setting and self-directed behavior change. *Human Relations, 23*(5), 439–457.
- Kukushkina, Yu. A., & Spiridonov, V. F. (2008). Critical thinking as a factor of programmers expertise. *Psychology. Journal of Higher School of Economics, 1*(5), 165–174. (in Russian)
- LaFerriere, L., & Calsyn, R. (1978). Goal attainment scaling: An effective treatment technique in short-term therapy. *American Journal of Community Psychology, 6*(3), 271–282.
- Leontiev, A. N. (2008). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Moscow University Press. (in Russian)
- Locke, E. A., & Latham, G. P. (2002). Building a practically useful theory of goal setting and task motivation. *American Psychologist, 57*(9), 705–717.
- Locke, E. A., & Latham, G. P. (2006). New directions in goal-setting theory. *Currently Directions in Psychological Science, 15*(5), 265–268.
- Long, J. R. (2001). Goal agreement and early therapeutic change. *Psychotherapy, 38*(2), 219–232.
- Nelson-Jones, R. (2000). *Teoriya i praktika konsul'tirovaniya* [The theory and practice of counselling]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian) (Transl. of Nelson-Jones, R. (1995). *Counselling and personality: theory and practice*. Saint Leonards, NSW: Allen & Unwin.)
- Newell, A., & Simon, H. A. (1972). *Human problem solving*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Platt, J. J., & Spivack, G. (1975). Unidimensionality of the means-ends problem-solving procedure. *Journal of Clinical Psychology, 31*, 15–16.
- Spiridonov, V. F. (Ed.). (2013). *Kognitivnaya psihologiya: fenomeny i problemy* [Cognitive psychology: phenomena and problems]. Moscow: URSS. (in Russian)
- Sternberg, R. G. (2003). *The psychology of problem solving*. New York: Cambridge University Press.
- Tryon, G. S., & Winograd, G. (2011). Goal consensus and collaboration. *Psychotherapy, 48*(1), 50–57.
- Weiner, I. (2002). *Osnovy psixoterapii* [Principles of psychotherapy]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian) (Transl. of Weiner, I. B. (1998). *Principles of psychotherapy* (2nd ed.). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Inc.)
- Wollburg, E., & Braukhaus, C. (2010). Goal setting in psychotherapy: The relevance of approach and avoidance goals for treatment outcome. *Psychotherapy Research, 20*(4), 488–494.
- Yagnyuk, K. V., Golovkina, M. V., Zemtseva, I. G., Il'chenko, Zh. V., Manuhina, N. M., Abuhovskaya, L. V., Trepalina, N. Yu. (2013). Otklik na zapros klienta: variatsii terapevticheskikh vmeshatel'stv [Response to the client's request: variations of therapeutic interventions]. *Zhurnal Prakticheskoy Psihologii i Psihoanaliza, 2*. Retrieved from <http://psyjournal.ru/articles/otklik-na-zapros-klienta-variatsii-terapevticheskikh-vmeshatelstv> (in Russian)
- Zimmerman, B. J., & Kitsantas, A. (2002). Acquiring writing revision and self-regulatory skill through observation and emulation. *Journal of Educational Psychology, 94*(4), 660–668.

The Participants' Questionnaire

We appreciate your participation in our research. Please complete the form below. All of the provided information is strictly confidential and will be used for scientific purposes only.

Age _____ Name _____ Gender _____

Professional education (degree and specialty). Please note if you have more than one specialty _____

What kind of education did you receive in psychotherapy? When and where? _____

Number of years practicing as a psychologist or psychotherapist _____

Do you consider yourself as having a specific theoretical orientation? If so, which one (or ones)? _____

If you answered "yes" to the question above, please describe your understanding of the goal of the theoretic orientation or treatment approach _____

Do you currently receive clinical supervision? _____

Do you have a favorite type of client or specific issue that you prefer to work with and feel most effective in treating? _____

What are your favorite techniques or tools, or the ones that you use most often? _____

Have you ever received therapy as a client? If so, for how long? Was this a requirement of your psychology training program? _____

Are you aware of your therapist's theoretical orientation? If so, what was it? _____

Date _____

The Case for Analysis (the Fragment)

Client: I came here two years ago with motivation issues, and you helped me. At that time you said that you also work with people who stutter, from a psychological perspective. I would like to know more about that. What, how, and if it is helpful.

Therapist: Yes, I remember you. Tell me, please, what results would you like to achieve? What goals do you have to work toward right now?

C: Well, the highest goal is a complete elimination of my stuttering. However, there are also a lot of sub-goals. For example, to stop thinking about my speech all the time and to stop allowing it to affect my life so much. Other sub-goals are to stop associating my self-esteem with my speech impairment and, for example, stop thinking that I can't deal with the stuttering. In general, it would be enough for me to reduce the stuttering to the level where communication is possible. Then my speech wouldn't be the center of my life and a fundamental aspect of everything.

T: Those goals you described as connected to reducing your dependence on your speech quality, can be achieved through therapy. Whether the reduction of the dependence on the speech quality leads to changes in the speech – it's difficult to make predictions.

T: I should emphasize again that I do not provide treatment of stuttering as a speech disorder. Instead, we are going to work toward managing your emotional states and thoughts related to the stuttering. Developing those skills can lead to a relief or, at least, reduce emotional distress – I can help you with that. In regard to improved speech quality at the end of treatment, I honestly can't give you any guarantees – it's out of my area of competence.

T: Imagine that we are transported into the future, 2–3 months ahead. And you've got that state you wanted – freedom to speak, independence from speech. That freedom would be reflected in some thoughts, right? You don't want to think every time "Can I do it or not?" What would you like to think instead?

C: Maybe it sounds weird, but nothing. At least based on my past experience at Center X, my head was absolutely empty then. The speech was just produced by itself, and my thoughts were busy with their own things.

C: I understand everything. I'm not new to stuttering.

Questions of Structured Interviews

What is the problem presented by the client? Describe in your own words.

What problem does the therapist work with? How did the therapist formulate the problem for him or herself?

What general goal did the therapist set?

What goal was set for this specific session described above?

Did the therapist do anything to reach an agreement on the goals with the client?

If yes, please underline those phrases of the therapist that served that goal.

What effect from the work does the therapist expect?

A) at the end of the therapy

B) at the end of this session

Did the therapist achieve what he planned for this specific session? Did he achieve the goal he had set? Please explain your answer.

Why do you think the therapist said this in this way?

Do you say this to your clients?

If not, then why not?

If yes, then why do you say this?

Were you taught to say this, at the beginning of your career?

If yes, then in which school of psychotherapy?

Would you say it the same way or differently? If differently, then what would you say?

Natalya V. Kiselnikova (Volkova) – deputy director, head of the Laboratory of Counselling Psychology and Psychotherapy, FBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Ph.D.

Research area: psychology of personal problem solving, representation of problem, counselling psychology, psychotherapy.

E-mail: kiselnikova-nv@yandex.ru

Vladimir F. Spiridonov – head of the laboratory, Laboratory for Cognitive Research, Faculty of Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, D.Sc. Research area: problem solving, bottom-up and top-down mechanisms of insight, heuristic strategies, embodied cognition in problem solving, representation of problem.

E-mail: vfspiridonov@yandex.ru

Elena V. Lavrova – senior researcher, FBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Ph.D.

Research area: psychotherapeutic practices, effectiveness of psychotherapy and counselling.

E-mail: may_day@list.ru

Evgeniya A. Kuminskaya — researcher, FBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education.

Research area: psychotherapy, psychotherapists' competence, psychological counselling, personal problem solving.

E-mail: j-aquarius@bk.ru

Svetlana V. Markova — associated researcher, FBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education; , psychologist, Medlin Treatment Center (Atlanta, USA), Ph.D.

Research area: clinical psychology, methods and effectiveness of psychotherapy.

E-mail: clairmarkova@mail.ru

Mariya M. Danina — senior research fellow, FBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Ph.D.

Research area: psychotherapeutic practices, effectiveness of psychotherapy and counselling research, high tech in mental health.

E-mail: mdanina@yandex.ru

Разработка методики исследования целеполагания в психотерапии

**Н.В. Кисельникова (Волкова)^а, В.Ф. Спиридонов^б, Е.В. Лаврова^а, Е.А. Куминская^а,
С.В. Маркова^а, М.М. Данина^а**

^а ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

^б Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, д. 82–84

Резюме

Целью исследования выступала разработка метода, который позволил бы оценить различия в характеристиках постановки целей психотерапевтами с разным профессиональным стажем, а также проследить взаимосвязь между параметрами постановки целей и эффективностью психотерапии. Для этого, с опорой на методологические основы изучения профессионального мышления, используемые в психологии экспертизы, авторы определили особенности и условия постановки целей, способствующие их лучшему достижению. Основой для разработки метода послужило предположение, что анализ чужой психотерапевтической сессии с позиции эксперта должен стимулировать представления специалиста о целеполагании и выявить наиболее типичные способы постановки цели и их особенности. Авторы разработали сетку категорий для анализа записей структурированных интервью. Разработанная процедура может решать следующие задачи: 1) выявление характеристик целей, которые более или менее эффективны в контексте результатов терапии для клиента; 2) ответ на вопрос о трансформации процесса постановки целей и характеристиках сформулированных целей в связи с наращиванием профессионального опыта психотерапевта; 3) выявление особенностей репрезентации проблемы клиента среди психотерапевтов различной степени компетентности; 4) изучение особенностей постановки целей и представления проблемы клиента среди психотерапевтов разных подходов.

Представлены результаты апробации методики на выборке терапевтов с более чем десятилетним опытом работы. Выявлены основные характеристики целевого состояния (достижимость, невключение третьих лиц, четкая формулировка, позитивность), которые, согласно предыдущим исследованиям, коррелируют с эффективным достижением психотерапевтических результатов.

Ключевые слова: целеполагание, психотерапия, консультативная психология, методика исследования.

Кисельникова (Волкова) Наталья Владимировна — зам. директора по научно-организационному развитию, заведующая лабораторией, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», кандидат психологических наук, доцент

Сфера научных интересов: психология решения личностных проблем, субъективная репрезентация, консультативная психология, психотерапия.

Контакты: kiselnikova-nv@yandex.ru

Спиридонов Владимир Феликсович — заведующий лабораторией, лаборатория когнитивных исследований, факультет психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: психология решения задач и проблем, репрезентация задачи, стратегии решения, инсайт, подсказки, воплощенное познание.

Контакты: vspiridonov@yandex.ru

Лаврова Елена Васильевна — старший научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психотерапевтические практики, исследования эффективности психотерапии и психологическое консультирование.

Контакты: may_day@list.ru

Куминская Евгения Андреевна — научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования».

Сфера научных интересов: психотерапия, компетенции психотерапевтов, психологическое консультирование, решение личностных проблем.

Контакты: j-aquarius@bk.ru

Маркова Светлана Викторовна — ассоциированный научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»; психолог, Лечебный центр (Атланта, США), кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: клиническая психология, методы и эффективность психотерапии.

Контакты: clairmarkova@mail.ru

Данина Мария Михайловна — старший научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психотерапевтические практики, исследования эффективности психотерапии и психологическое консультирование, высокие технологии в психологической помощи.

Контакты: mdanina@yandex.ru

Короткие сообщения

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В ШКОЛЕ И ОТНОШЕНИЯ С ОДНОКЛАСНИКАМИ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ

Т.Н. КАНОНИР^а

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Резюме

В фокусе данного исследования находятся проблема субъективного благополучия учащихся и связь субъективного благополучия с уровнем учебных достижений в начальной школе. Несмотря на то что субъективное благополучие школьников значимо прогнозирует их жизненные достижения во взрослой жизни, а в современном образовании наряду с учебными достижениями является одним из показателей эффективности образования, оно недостаточно изучено на материале младших школьников. Многие комплексные модели субъективного благополучия в школе среди различных аспектов выделяют отношения со сверстниками, так как эти отношения являются важным показателем адаптации ребенка к школе (Ladd et al., 1996) и способны предсказывать его субъективное благополучие (Tian et al., 2016). Можно выделить два аспекта отношений с одноклассниками – сотрудничество и враждебность, которые показывают связь с учебными достижениями. В данном исследовании уровень учебных достижений определялся с помощью стандартизированного теста SAM (Student Achievement Monitoring; Nezhnov et al., 2015), позволяющего выделить теоретически и эмпирически обоснованные уровни овладения математикой: формальный, рефлексивный и функциональный. Для измерения субъективного благополучия в школе были использованы русская версия Краткого опросника субъективного благополучия в школе (Brief Adolescents' Subjective Well-Being in School Scale; Tian et al., 2015) и русская версия опросника Дружеских отношений в классе для измерения дружеских отношений (Turilova-Miščenko, Raščevska, 2008). Выборка состояла из 144 учащихся 4-х классов, разделенных на группы с разным уровнем учебных достижений. Для анализа был использован однофакторный дисперсионный анализ. Результаты показали, что существуют различия в

В данной научной работе использованы результаты проекта «Прогнозирование успешности обучения детей в системе начального образования», выполненного в рамках гранта РНФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» №16-18-10401.

уровне удовлетворенности школой, количестве друзей, частоте сотрудничества с одноклассниками и частоте враждебности в общении с одноклассниками между группой учащихся с уровнем учебных достижений ниже формального и учащимися с более высоким уровнем учебных достижений. В то же время различий в аффективном компоненте субъективного благополучия обнаружено не было.

Ключевые слова: субъективное благополучие, отношения с одноклассниками, учебные достижения, начальная школа.

Введение

Современный подход к образованию рассматривает школу как среду, в которой происходит когнитивное, личностное и социально-эмоциональное развитие ребенка. Такой подход находит свое отражение в образовательных стандартах многих стран, в том числе и в ФГОС общего образования России. Субъективное благополучие выступает показателем того, насколько комфортной и доброжелательной воспринимает ребенок школьную среду, насколько хорошо он чувствует себя в школе.

Данные исследований указывают на связь субъективного благополучия и различных жизненных показателей в будущем, таких как доход и карьерные достижения, здоровье (в том числе и психическое здоровье), взаимоотношения с партнерами и друзьями (Diener, Ryan, 2009; Luhmann et al., 2013; Kansky et al., 2016). Для детей школьного возраста одним из таких результатов являются учебные достижения. Однако исследований их связи с субъективным благополучием (удовлетворенностью и аффектом) у младших школьников и учеников основной школы слишком мало, чтобы на их основании можно было сделать однозначный вывод (Huebner, 1991; Cheng, Furnham, 2002; Lv et al., 2016; Lyons, Huebner, 2016). К тому же в исследованиях обычно рассматривается общее субъективное благополучие и намного реже — благополучие в определенной области/среде (Long, Huebner, 2014). Именно второй подход, т.е. рассмотрение субъективного благополучия в школе, выбран для данного исследования, так как он позволяет более детально проанализировать благополучие ребенка в школе и проводить эффективную профессиональную поддержку детей с низким уровнем субъективного благополучия.

Большинство исследований о субъективном благополучии главным образом направлены на то, чтобы выяснить, может ли его уровень быть предиктором будущего объективного благополучия индивида (например, его доходов, близких отношений, психического здоровья и др.). Фокус же данной работы смещен на субъективное благополучие как на некий результат, формирующийся, в частности, под воздействием школьной среды.

Субъективное благополучие определяется как субъективная вера индивида в то, что его жизнь приятна и хороша, и это понятие часто использовалось наравне с термином «счастье» (Wilson, 1967). Выделяют два компонента

субъективного благополучия: эмоциональный, который включает в себя позитивный и негативный аффекты, и когнитивный, который часто обозначают как удовлетворенность жизнью (Bradburn, 1969; Andrews, Withey, 1976; Diener, 1984).

Субъективное благополучие в школе рассматривается через призму различных проявлений. В 1994 г. С. Хюбнер предложил инструмент для измерения субъективного благополучия у подростков и детей, в котором оно рассматривалось как удовлетворенность различными сферами жизни – школой, семьей, друзьями, окружающей средой и собой (Huebner, 1994). Появление надежного и валидного инструмента для измерения субъективного благополучия у детей вызвало всплеск исследований. Сейчас начинают появляться и другие модели. Так, Кону и Римпела (Konu, Rimpela, 2002) предлагают рассматривать субъективное благополучие в школе как комплексный конструкт, включающий в себя оценку условий школы, отношения с другими людьми (как взрослыми, так и сверстниками), а также личностное развитие и здоровье учащихся. В данной работе субъективное благополучие в школе будет рассматриваться в рамках модели, предложенной Тиан, Вангом и Хюбнером (Tian et al., 2015), эта модель трактует субъективное благополучие в школе как удовлетворенность различными условиями школьной жизни, такими как успеваемость, отношения с педагогами и сверстниками, оснащенность школы и принятые в ней правила, а также включает позитивный и негативный аффект по отношению к школе.

Все перечисленные выше модели включают в оценку субъективного благополучия удовлетворенность отношениями со сверстниками как сферу, важную для субъективного благополучия ребенка. Отношения со сверстниками способны предсказывать субъективное благополучие в школе (Tian et al., 2016) и являются показателем адаптации ребенка в школе (Ladd et al., 1996). Именно поэтому в данном исследовании наряду с субъективным благополучием отношения с одноклассниками будут анализироваться не только в рамках удовлетворенности, но и как самостоятельный конструкт.

Субъективное благополучие в школе и учебные достижения

Результаты исследований показывают позитивную взаимосвязь субъективного благополучия и различных жизненных достижений: в сфере здоровья и долголетия, отношений, дохода и работы (Diener, Ryan, 2009). Результаты лонгитюдного исследования Кански, Алена и Динера (Kansky et al., 2016), в ходе которого проверялась потенциальная роль субъективного благополучия у подростков как предиктора будущих отношений, адаптации и карьерных достижений, показали, что более высокий уровень позитивного аффекта во взрослом возрасте предсказывает более успешные взаимоотношения с партнерами и друзьями, более здоровую адаптацию (оцениваемую как более низкий уровень депрессии, тревоги и чувства одиночества), высокую удовлетворенность от работы и компетентность. В то же время негативный аффект не имел значимой прогностической силы.

Исследований связи учебных достижений и субъективного благополучия у младших школьников и учеников основной школы не очень много, в основном все они имеют корреляционный дизайн. Авторы этих исследований анализируют отношения между учебными достижениями и субъективным благополучием в школе, а не общей удовлетворенностью жизнью. Большинство исследований показывают позитивную связь между учебными достижениями и субъективным благополучием (Huebner, 1991; Cheng, Furnham, 2002; Verkuuyten, Thijs, 2002; Huebner, Gilman, 2006; Lv et al., 2016), однако эта связь не сильная, хотя и статистически значимая. Некоторые исследования показывают связь между оценками и субъективным благополучием, но не находят такой связи с баллами стандартизированных тестов (Lyons, Huebner, 2016). Такое различие в результатах может объясняться различиями в дизайнах исследований, инструментарии и характеристиками исследуемых групп (возраст, особенности школ, в которых учились дети и др.). Однако, вероятнее всего, найденные различия отражают взаимосвязи между конструктами, когда оценки, полученные в классе, являются более значимыми для формирования представлений ребенка о себе, а также его положения в классе, чем реальные достижения ребенка, измеряемые стандартизированными тестами, т.е. позволяющими сравнить результаты ребенка с соответствующей популяцией. В то же время стандартизированный тест является более надежным показателем реального уровня достижений ребенка, и поэтому остается открытым вопрос о значении реальных знаний и умений ребенка для формирования субъективного благополучия.

Представляют интерес результаты исследования Хюбнера и Гилмана (Huebner, Gilman, 2006), которые на выборке учеников основной и старшей школы выделили группы с низким, средним и высоким уровнем субъективного благополучия в школе и проанализировали их общую удовлетворенность жизнью, вовлеченность во внеурочные активности и уровень академических достижений (использовалась самооценка своих достижений). Результаты показали более низкий уровень по всем показателям у учащихся с низким уровнем субъективного благополучия в школе по сравнению с группой с высоким уровнем, что дает возможность предположить, что субъективное благополучие в школе связано с успешностью адаптации к школе, по крайней мере в некоторых ее проявлениях.

Отношения с одноклассниками и академические достижения

Отношения с одноклассниками в силу возраста к окончанию начальной школы начинают приобретать все большую важность. Качество взаимного влияния в дружеских отношениях во многом зависит от различных характеристик самих учеников: их учебных достижений, участия во внешкольных мероприятиях, употребления алкоголя, эмоционального дистресса (Crosnoe, Needham, 2004).

Исследуя социальный статус подростков в классе и его связь с учебными достижениями, Вентзель и Ашер (Wentzel, Asher, 1995) обнаружили, что

«отвергнутые» дети, те, кто имел только несколько дружеских связей и кто не нравился одноклассникам, имели более низкий уровень достижений по сравнению с подростками со средним статусом в классе. Эти подростки также получали более низкую оценку своей уверенности от учителя, характеризовались как легко включающиеся в драку, а также реже выбирались учителем, отвечая на вопрос «Хотели бы вы включить этого ученика в свой класс опять в следующем году?». Размышляя о том, почему именно эти подростки «не нравятся» своим одноклассникам, авторы исследования предполагают, что причиной этому служит их недостаточно просоциальное поведение: они реже, чем другие подростки, помогают своим одноклассникам, чаще проявляют агрессивное поведение. Однако различий в уровне удовлетворенности школой у этих подростков в сравнении с группой со средним статусом обнаружено не было.

Чуть позже в лонгитюдном исследовании Вентзель и Калдвел (Wentzel, Caldwell, 1997) показали, что отношения с одноклассниками (принадлежность к группе, дружеские отношения, принятие со стороны сверстников) связаны с учебными достижениями через просоциальное поведение. Также исследователи отметили относительную стабильность принадлежности к определенной группе с 6-го по 8-й класс, что потенциально может затруднять повышение учебных достижений в некоторых случаях.

В ходе другого лонгитюдного исследования с участием учеников со 2-го по 7-й класс были обнаружены интересные взаимосвязи между учебными достижениями и различными аспектами отношений со сверстниками. Более высокие учебные достижения как для мальчиков, так и для девочек предсказывали: повышение уровня принятия со стороны сверстников, снижение отвержения со стороны сверстников и повышение учебных достижений друзей (с 4-го по 7-й класс). В то же время отвержение со стороны сверстников с 3-го по 7-й класс приводило к снижению учебных достижений. Таким образом, учебные достижения связаны с показателем статуса ребенка среди сверстников. Ближе к концу начальной школы дети начинают выбирать себе друзей с похожими оценками, а отвержение со стороны сверстников может стать фактором риска для будущих школьных успехов (Véronneau et al., 2010).

По результатам исследований отношений с одноклассниками в школе можно выделить два значимых аспекта этих отношений: сотрудничество между одноклассниками и враждебность в отношениях, проявляемая через агрессивное поведение, отвержение. Поэтому в данном исследовании основное внимание направлено именно на эти два аспекта отношений. Как показали Вентзель и Калдвел (Wentzel, Caldwell, 1997), количество друзей также может быть значимым индикатором, поэтому будет включено в анализ.

Таким образом, с одной стороны, можно ожидать, что учащиеся со средним и высоким уровнем учебных достижений будут иметь более высокий уровень субъективного благополучия и сотрудничества с одноклассниками и более низкий уровень враждебности, чем учащиеся с низким уровнем учебных достижений. Но, с другой стороны, школы стремятся к тому, чтобы все дети вне зависимости от своих учебных достижений чувствовали себя в школе

хорошо и могли осваивать знания в своем индивидуальном темпе. Если это предположение верно, то различий в уровне субъективного благополучия и отношений с одноклассниками между учащимися с разными учебными достижениями быть не должно. В данном исследовании выдвигается следующий *исследовательский вопрос*: существуют ли статистически значимые различия в уровне субъективного благополучия в школе и в отношениях с одноклассниками между учащимися с разным уровнем учебных достижений?

Метод

Участники. Выборка состоит из 144 учеников 4-х классов общеобразовательных школ в возрасте от 10 до 11 лет ($M = 10.52$; $SD = 0.50$). 49% составили мальчики и 51% девочки.

Инструментарий

Демографический опросник включает в себя вопросы о возрасте, поле, классе, в котором учится участник исследования.

Для измерения учебных достижений в математике использовался инструмент Student Achievement Monitoring (SAM; Nezhnov et al., 2015). SAM позволяет одновременно измерить учебные достижения и определить уровень освоения материала. Это отражается в результате тестирования, который может быть представлен как стандартизированный балл для каждого респондента или в виде определенного уровня овладения математикой. Теоретическая рамка теста разработана на основе модели функционального развития Л.С. Выготского. В данном исследовании при анализе будут учитываться уровни овладения. В SAM выделяется три уровня овладения знанием. Эти уровни обоснованы как теоретически, так и эмпирически. *Формальный* уровень предполагает, что ребенок может решить задачу, действуя по образцу, ориентируясь на внешние характеристики задачи. В соответствии с *рефлексивным* уровнем, ребенок может решить задачу, ориентируясь на существенные отношения, т.е. действует с пониманием. *Функциональный* уровень — это свободное действие, ребенок может моделировать различные пути решения и выбрать самый оптимальный. В данном исследовании при анализе результатов используются следующие границы для определения уровней учебных достижений: формальный уровень считается достигнутым, если ребенок получил 430–499 баллов, рефлексивный — 500–569 баллов; функциональный — 570 баллов и выше. Если ребенок получил 429 баллов и ниже, считается, что он не достиг формального уровня.

Для измерения субъективного благополучия в школе и отношений с одноклассниками в соответствии с международными стандартами для русскоязычной выборки были адаптированы два опросника (International Test Commission, 2005). Субъективное благополучие в школе измерялось с помощью Краткого опросника субъективного благополучия в школе (Brief Adolescents' Subjective Well-Being in School Scale; Tian et al., 2015), который

включает две шкалы: когнитивную (удовлетворенность школой) и аффективную. Когнитивный компонент опросника русской версии состоит из девяти утверждений (пример утверждения: «У меня хорошие отношения с учителями»), которые оцениваются по 4-балльной шкале «Полностью не согласен — Полностью согласен»; аффективный компонент опросника включает три утверждения (пример утверждения: «Находясь в школе, я испытываю приятные чувства») и оценивается по 4-балльной шкале «Никогда — Всегда». В этом исследовании показатель надежности альфа Кронбаха для удовлетворенности школой (когнитивный компонент) составил 0.79, для шкалы аффективного компонента удовлетворенности — 0.57. Опросник не определяет общего показателя школьного благополучия.

Отношения со сверстниками измерялись с помощью двух шкал опросника Дружеские отношения в классе (Turilova-Miščenko, Raščevska, 2008) — шкалы сотрудничества ($k = 6$) и шкалы враждебности ($k = 7$). Шкала сотрудничества включает утверждения, описывающие сотрудничество в учебных делах и вне учебного контекста (пример утверждения: «Я обсуждал школьные дела с одноклассниками»). Шкала враждебности описывает враждебное поведение по отношению к самому индивиду и индивида по отношению к одноклассникам (пример утверждения: «Одноклассники меня обзывали»). Утверждения оцениваются по 4-балльной шкале «Никогда — Всегда». В этом исследовании показатель надежности альфа Кронбаха для шкалы сотрудничества составил 0.61, а для шкалы враждебности — 0.92. Также участникам исследования задается вопрос о наличии друзей в классе и их количестве.

Процедура. От родителей всех участников было получено информированное согласие на участие детей в исследовании. Опрос проводился в классе в электронной форме в присутствии учителя и администратора исследования.

Результаты

Для того чтобы ответить на вопрос исследования — существуют ли статистически значимые различия в уровне субъективного благополучия, сотрудничества и враждебности у учеников с разным уровнем учебных достижений, — был использован однофакторный дисперсионный анализ. Результаты анализа приведены в таблице 1. Статистически значимый эффект уровня учебных достижений был обнаружен в уровне удовлетворенности школой ($F(3, 139) = 2.77, p < 0.05$), в количестве друзей ($F(3, 139) = 3.34, p < 0.05$), уровне сотрудничества с одноклассниками ($F(3, 139) = 5.50, p < 0.01$) и враждебности ($F(3, 139) = 4.21, p < 0.01$). Размер эффекта (η^2) для всех этих случаев варьируется от среднего до высокого.

Для того чтобы определить, какая из четырех групп учащихся — с уровнем достижений ниже формального уровня, с формальным, рефлексивным и функциональным уровнем достижений — значимо отличается по этим переменным, был использован критерий Тьюки. Статистически значимо более низкие результаты по показателям субъективного благополучия показали учащиеся, чей уровень учебных достижений ниже функционального. Их удов-

Таблица 1

Средние (стандартные отклонения) и однофакторный дисперсионный анализ показателей благополучия для детей с разными уровнями учебных достижений

Уровень SAM	1 (n = 16)	2 (n = 53)	3 (n = 58)	4 (n = 16)	F(3, 139)	η^2
Удовлетворенность школой	28.27 (5.11)	31.15 (3.55)	31.30 (3.57)	30.44 (3.90)	2.77*	0.06
Аффективный компонент	11.31 (1.49)	11.30 (2.51)	10.86 (1.87)	10.75 (2.29)	0.57	0.01
Количество друзей	1.75 (0.93)	2.36 (0.79)	2.28 (0.72)	2.56 (0.81)	3.34*	0.07
Сотрудничество с одноклассниками	15.69 (2.82)	18.26 (2.54)	17.72 (2.04)	18.56 (2.42)	5.50**	0.11
Враждебность	15.50 (4.29)	11.72 (4.04)	12.52 (3.58)	11.50 (4.18)	4.21**	0.08

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Примечание. Обозначения уровней SAM: 1 – ниже формального уровня, 2 – формальный уровень, 3 – рефлексивный уровень, 4 – функциональный уровень.

летворенность школой статистически значимо ниже ($M = 28.27$, $SD = 5.11$), чем удовлетворенность учащихся с более высокими уровнями достижений (с формальным уровнем $M = 31.15$, $SD = 3.55$ и рефлексивным уровнем $M = 31.30$, $SD = 3.57$), но статистически значимо не отличается от уровня удовлетворенности школой учащихся, достигших функционального уровня ($M = 30.44$, $SD = 3.90$). Учащиеся, чей уровень учебных достижений ниже функционального, в среднем оценивают количество своих друзей статистически значимо ниже ($M = 1.75$, $SD = 0.93$), чем учащиеся, достигшие формального ($M = 2.36$, $SD = 0.79$) и функционального уровня ($M = 2.56$, $SD = 0.81$). Они статистически значимо реже сотрудничают с одноклассниками ($M = 15.69$, $SD = 2.82$), чем учащиеся с более высокими достижениями (формальным ($M = 18.26$, $SD = 2.54$), рефлексивным ($M = 17.72$, $SD = 2.04$) и функциональным ($M = 18.56$, $SD = 2.42$) уровнями достижений). Учащиеся с уровнем достижений ниже формального оценивают уровень враждебности в отношениях с одноклассниками как статистически значимо более высокий ($M = 15.50$, $SD = 4.29$), чем учащиеся с формальным ($M = 11.72$, $SD = 4.04$), рефлексивным ($M = 12.52$, $SD = 3.58$) и функциональным ($M = 11.50$, $SD = 4.18$) уровнем достижений.

В уровне аффективного компонента субъективного благополучия не были выявлены статистически значимые различия между учащимися с разным уровнем учебных достижений.

Заключение

В ходе анализа результатов был получен следующий ответ на исследовательский вопрос: существуют ли различия в уровне удовлетворенности школой между детьми с разными уровнями учебных достижений, а также в количестве друзей, частоте сотрудничества с одноклассниками и частоте враждебности в общении с одноклассниками? Различия существуют только между группой учащихся с уровнем учебных достижений ниже формального и учащимися с более высоким уровнем учебных достижений, т.е. только в группе с действительно низким уровнем достижений (в данном случае трудности при решении относительно легких задач, требующих действия по образцу) существенно ниже показатели удовлетворенности школой и отношений с одноклассниками.

Основные трудности у учащихся с низкими достижениями можно наблюдать в сфере отношений со сверстниками. Учащиеся с уровнем достижений ниже формального реже сотрудничают со своими одноклассниками во время учебных заданий и вне учебного контекста и чаще испытывают враждебность. Количество друзей в классе в среднем у них ниже, чем у их сверстников с более высокими достижениями. Полученный результат совпадает с результатами других исследований, например о том, что учащиеся с низкими достижениями чаще могут подвергаться отвержению со стороны сверстников (Véronneau et al., 2010), что может проявляться в меньшей частоте сотрудничества и большей враждебности.

Интересно, что трудности в отношениях с одноклассниками не нашли отражения в ответах на утверждения аффективной шкалы. Между учащимися с разными уровнями учебных достижений не было обнаружено различий в аффективном компоненте. Это означает, что учащиеся с разным уровнем достижений одинаково часто испытывают как позитивные, так и негативные чувства в школе.

В то же время учащиеся с разными уровнями учебных достижений показали различный уровень удовлетворенности школой. Так, учащиеся с уровнем достижений ниже формального имеют более низкую удовлетворенность школой, чем учащиеся с формальным и рефлексивным уровнем достижений, что может указывать на то, что школа не удовлетворяет их потребностей либо удовлетворяет недостаточно. К тому же шкала удовлетворенности школой включает и утверждения об отношениях с одноклассниками, которые вызывают трудности у этой группы учащихся. Однако учащиеся с самым высоким функциональным уровнем достижений имеют такой же уровень удовлетворенности, как и учащиеся с уровнем достижений ниже формального. Природа их неудовлетворенности, скорее всего, кроется в более критическом взгляде на свою школьную среду.

Таким образом, только учащиеся с очень низкими достижениями в данном исследовании показали низкое субъективное благополучие и трудности в отношениях с одноклассниками. И даже формальный уровень достижений уже достаточен для того, чтобы учащийся успешно адаптировался в школе. Однако с чем это связано? С индивидуальными особенностями учащихся или характеристиками учебных заведений? Возможно, для тех учебных заведений, в которых были собраны данные, освоение материала на уровне умения

выполнить задание по образцу уже достаточно для получения хорошей оценки и одобрения. Если это так, то в школах с ббльшим фокусом на учебные достижения (например, в лицеях), учащиеся с формальным уровнем могут с определенной вероятностью иметь меньший уровень субъективного благополучия. Еще одним объяснением может быть то, что учащиеся, не достигшие формального уровня, могут иметь специальные трудности в обучении, которые требуют особого педагогического подхода. Любые особые потребности ребенка могут быть фактором риска для его субъективного благополучия и особенно для принятия в группу сверстников, если только взрослые (педагоги и команда поддержки) специально не озабочены интеграцией такого ребенка в классе. В будущих исследованиях необходимо более пристально анализировать отношения с учителем и их вклад в субъективное благополучие детей с разным уровнем учебных достижений.

Ограничения и будущие направления исследования

Выборка данного исследования в целом и количество респондентов в каждой подвыборке (по уровням учебных достижений) немногочисленны, что могло исказить полученные результаты. Следующим шагом будет их проверка на более репрезентативной выборке и с более детальной информацией об участниках. Сбор дополнительной контекстной информации об учащемся (например, о социально-экономическом статусе семьи) способствовал бы лучшему пониманию связи субъективного благополучия с различными индивидуальными характеристиками и характеристиками среды. К тому же в будущих исследованиях необходимо анализировать наличие различий между результатами мальчиков и девочек, так как некоторые исследования показывают гендерные различия в уровне субъективного благополучия у подростков (Verkuyten, Thijs, 2002; Huebner, Gilman, 2006).

Еще одним важным вопросом будущих исследований является устойчивость связей субъективного благополучия и отношений со сверстниками с учебными достижениями. Для его решения необходимо проведение лонгитюдного исследования.

Сильная сторона нашего исследования состоит в том, что было проведено сравнение учащихся с разным уровнем усвоения учебного материала, причем это разделение было основано не на самооценке учащихся или оценке учителя, а на объективных показателях инструмента с доказанной валидностью и надежностью.

Канонир Татьяна Николаевна — доцент, департамент образовательных программ, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Ph.D.

Сфера научных интересов: когнитивное и социально-эмоциональное развитие детей школьного возраста, субъективное благополучие, профессиональная этика.

Контакты: tkanonir@hse.ru

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Subjective Well-Being of Primary School Students with Different Achievement Levels

T. Kanonire^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

This study focuses on students' subjective well-being and the association between subjective well-being and the level of academic achievement in elementary school. Despite the fact that subjective well-being in school is a significant predictor of various life outcomes in adulthood and an indicator of education effectiveness along with academic achievement, it is not sufficiently studied at the elementary school age. Complex models of subjective well-being in school usually include relations with peers, since relationships with classmates are an important indicator of a child's adaptation at school (Ladd, Kochenderfer, & Coleman, 1996) and are able to predict subjective well-being at school (Tian, Tian, & Huebner, 2016). We can distinguish two aspects of relations with classmates – cooperation and hostility, which associate with academic achievement. In this study, the level of academic achievement was examined with the SAM-math test (Student Achievement Monitoring in Mathematics) (Nezhnov, Kardanova, Vasilyeva, & Ludlow, 2015). It is a standardized assessment tool designed to measure theoretically and empirically grounded levels of mathematical knowledge acquisition: procedural, conceptual, and functional. Subjective well-being at school was measured with the Russian version of the Brief Adolescents' Subjective Well-Being in School Scale (Tian, Wang, & Huebner, 2015), and the Russian version of the Classroom Friendship Questionnaire (Turilova-Miščenko & Raščevska, 2008) was applied to measure cooperation and hostility. The sample included 144 fourth grade students with different levels of academic achievement. One-way ANOVA indicated differences in the level of satisfaction with the school, the number of friends, the frequency of cooperation with classmates and the frequency of hostility in communication with classmates between students with a lower level of academic achievement and students with a higher level of academic achievement. At the same time, there was no difference in the affective component of subjective well-being.

Keywords: subjective well-being, relationships with classmates, academic achievement, elementary school.

References

- Andrews, F. M., & Withey, S. B. (1976). *Social indicators of well-being: America's perception of life quality*. New York: Plenum Press.
- Bradburn, N. M. (1969). *The structure of psychological well-being*. Chicago, IL: Aldine.
- Cheng, H., & Furnham, A. (2002). Personality, peer relations, and self-confidence as predictors of happiness and loneliness. *Journal of Adolescence*, 25, 327–339.

- Crosnoe, R., & Needham, B. (2004). Holism, contextual variability, and study of friendships in adolescent development. *Child Development, 75*(1), 264–279.
- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin, 95*, 542–575.
- Diener, E., & Ryan, K. (2009). Subjective well-being: general overview. *South African Journal of Psychology, 39*(4), 391–406.
- Huebner, E. S. (1991). Correlates of life satisfaction in children. *School Psychology Quarterly, 6*, 103–111.
- Huebner, E. S. (1994). Preliminary development and validation of a multidimensional life satisfaction scale for children. *Psychological Assessment, 6*, 149–158.
- Huebner, E. S., & Gilman, R. (2006). Students who like and dislike school. *Applied Research in Quality of Life, 1*, 139–150.
- International Test Commission. (2005). *International Guidelines on Test Adaptation*. Retrieved from <http://www.intestcom.org>
- Kansky, J., Allen, J. P., & Diener, E. (2016). Early adolescent affect predicts later life outcomes. *Applied Psychology: Health and Well-Being, 8*(2), 192–212.
- Konu, A., & Rimpela, M. (2002). Well-being in schools: conceptual model. *Health Promotion International, 17*(1), 79–87.
- Ladd, G. W., Kochenderfer, B. J., & Coleman, C. C. (1996). Friendship quality as a predictor of young children's early school adjustment. *Child Development, 67*(3), 1103–1118.
- Long, R. F., & Huebner, E. S. (2014). Differential validity of global and domain-specific measures of life satisfaction in the context of schooling. *Child Indicators Research, 7*, 671–694.
- Luhmann, M., Lucas, R. E., Eid, M., & Diener, E. (2013). The prospective effect of life satisfaction on life events. *Social Psychological and Personality Science, 4*(1), 39–45.
- Ly, B., Zhou, H., Guo, X., Liu, C., Liu, Z., & Luo, L. (2016). The relationship between academic achievement and emotional well-being of elementary school children in China: The moderating role of parent-school communication. *Frontiers in Psychology, 7*. doi:10.3389/fpsyg.2016.00948
- Lyons, M. D., & Huebner, E. S. (2016). Academic characteristics of early adolescents with higher levels of life satisfaction. *Applied Research Quality Life, 11*, 757–771.
- Nezhnov, P., Kardanova, E., Vasilyeva, M., & Ludlow, L. (2015). Operationalizing levels of academic mastery based on Vygotsky's theory: The study of mathematical knowledge. *Educational and Psychological Measurement, 75*(2), 235–259. doi:10.1177/0013164414534068
- Tian, L., Tian, Q., & Huebner, E. S. (2016). School-related social support and adolescents' school-related subjective well-being: The mediating role of basic psychological needs satisfaction at school. *Social Indicators Research, 128*, 105–129.
- Tian, L., Wang, D., & Huebner, E. S. (2015). Development and validation of The Brief Adolescents' Subjective Well-Being in School Scale. *Social Indicators Research, 120*(2), 615–634.
- Turilova-Miščenko, T., & Rašćevska, M. (2008). Psychometric Properties of Classmates' Friendship Relationships Questionnaire. *Baltic Journal of Psychology, 9*(1, 2), 129–140.
- Verkuyten, M., & Thijs, J. (2002). School satisfaction of elementary school children: The role of performance, peer relations, ethnicity and gender. *Social Indicators Research, 59*(2), 203–228.
- Véronneau, M.-H., Vitaro, F., Brendgen, M., Dishion, T. J., & Tremblay, R. E. (2010). Transactional analysis of the reciprocal links between peer experiences and academic achievement from middle childhood to early adolescence. *Developmental Psychology, 46*(4), 773–790.
- Wentzel, K. R., & Asher, S. R. (1995). The academic lives of neglected, rejected, popular, and controversial children. *Child Development, 66*, 754–763.

Wentzel, K. R., & Caldwell, K. (1997). Friendships, peer acceptance, and group membership: Relations to academic achievement in middle school. *Child Development*, 68(6), 1198–1209.

Wilson, W. (1967). Correlates of avowed happiness. *Psychological Bulletin*, 67, 294–306.

Tatjana Kanonire – assistant professor, Department of Educational Programmes, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.

Research area: cognitive and social-emotional development of school age children, subjective well-being, professional ethics.

E-mail: tkanonir@hse.ru

ОТНОШЕНИЕ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СОГЛАСИЕ СО ВЗГЛЯДАМИ РОДИТЕЛЕЙ КАК ПРЕДИКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К РЕЛИГИИ

Е.В. УЛЫБИНА^а, Н.В. БАКЛАНОВА^б

^а *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, д. 82–84*

^б *Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6*

Резюме

Предмет исследования — соотношение личностных особенностей людей, изменивших и не изменивших отношение к религии после 16 лет. Определялись: уровень интолерантности и толерантности к неопределенности, уровень ориентации на социальную желательность и уровень согласия со взглядами родителей. Общая гипотеза состояла в том, что отношение к неопределенности оказывает большее, чем другие факторы, влияние на то, будет или не будет подросток верующим во взрослом возрасте. Исследование было направлено на проверку этой гипотезы. Выборку составили 333 человека от 16 до 69 лет, заполнивших анкету через интернет-формы. Анализ данных показал, что у верующих значимо выше уровень интолерантности к неопределенности, уровень ориентации на социальную желательность и согласия со взглядами родителей на религию и значимо ниже уровень интолерантности к неопределенности. Бинарная логистическая регрессия с последовательным включением подтвердила выдвинутую гипотезу, показав, что по выборке в целом отношение к религии на первом шаге предсказывается уровнем интолерантности к неопределенности, на втором — согласием с позицией родителей, а на третьем — уровнем толерантности к неопределенности. Учет направления изменения отношения к религии показал, что при переходе от неверия к вере на первом шаге вклад вносит уровень толерантности к неопределенности, на втором шаге — уровень интолерантности к неопределенности, вклад согласия со взглядами родителей не значим, а переход от веры к неверию на первом шаге предсказывается согласием со взглядами родителей на религию, на втором — уровнем интолерантности к неопределенности и на третьем — уровнем ориентации на социальную желательность. Люди становятся верующими, скорее стремясь избежать неопределенности ситуации, а остаются верующими в большей степени в согласии с позицией родителей.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, религиозность, изменение отношения к религии.

Введение

Данные о связи воспитания с уровнем религиозности (D'Onofrio et al., 1999; и др.) дают возможность говорить о культурной детерминации веры, а когнитивные исследования (Atran, Norenzayan, 2004; Barrett, 2007; Gervais, Henrich, 2010; Purzycki et al., 2012) позволяют объяснять прочность религий общими для всех людей предрасположенностями в обработке информации, показывая, что религиозная вера — это альтернативный способ объяснения реальности. Для того чтобы перестать верить, необходимо некоторое усилие, преодолевающее интуитивный, принятый без дополнительных размышлений образ мира. Особое место в ряду исследований психологических оснований религий занимает изучение факторов, влияющих на изменение отношения человека к вере. В детстве отношение к религии в большинстве случаев определяется воспитанием, а в дальнейшем взгляды могут сохраниться или измениться, если они вступают в противоречие с индивидуальными особенностями переработки информации. Так, например, интуитивный когнитивный стиль предсказывает веру в Бога у взрослых в большей степени, чем религиозное воспитание и другие факторы, включая доход, уровень образования и пр. (Shenhav et al., 2012; Pennycook et al., 2012; Gervais, Norenzayan, 2012).

Представляется, что когнитивный стиль — не единственный фактор, определяющий предрасположенность к вере. Религиозные убеждения действуют в качестве буфера против тревоги и сводят к минимуму опыт ошибок (Inzlicht et al., 2009). Люди стремятся жить в понятном мире, а религиозные системы обладают высокой объяснительной силой, в определенной степени заменяя собственный анализ ситуации (Preston, Epley, 2005), что для людей с низкой переносимостью неопределенности имеет особую ценность.

Результаты исследований, подтверждающие связь веры в Бога с низкой толерантностью к неопределенности (см., например: Budner, 1962), данные о повышении религиозности при утрате чувства определенности (Laurin et al., 2008; McGregor et al., 2008; Wichman, 2010; и др.) позволили выдвинуть общую гипотезу о том, что показатели отношения к неопределенности будут предсказывать изменение отношения к религии во взрослом возрасте сильнее, чем возраст, образование, уровень согласия со взглядами родителей на религию и ориентация на социальную желательность.

Однако переход от веры к неверию требует больших усилий, чем переход от неверия к вере, что позволило сформулировать частную гипотезу о том, что отказ от веры в большей степени предсказывается близостью со взглядами родителей, а отказ от неверия — отношением к неопределенности.

Целью исследования было выявление значимости вкладов отношения к неопределенности, согласия со взглядами родителей на религию, социальной желательности, возраста, пола и образования в изменении отношения к вере.

Современная ситуация в России представляет особый интерес для изучения факторов изменения отношения к религии, так как часть людей, преимущественно старшего возраста, получили атеистическое воспитание, а другие выросли в ситуации возвращения религии в общественное пространство и

могли знакомиться с религиозными идеями с детства. Сегодня сохраняется ситуация, при которой принадлежность к одной из традиционных религий рассматривается как социально одобряемая позиция, но и отсутствие веры не является социально порицаемым и не создает субъекту неудобств. В этой ситуации вклад личностных особенностей в отношение к религии особенно выражен.

Методы

Для измерения отношения к неопределенности использовалась методика С. Баднера (Badner, 1962), адаптированная и стандартизированная для отечественной выборки Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой (2014), включающая 13 пунктов с оценкой согласия с каждым по 7-балльной шкале Лайкерта, позволяющая измерять уровень интолерантности к неопределенности (ИТН) и толерантности к неопределенности (ТН). При обработке результатов учитывались сырые баллы, так как приведенные авторами Т-баллы рассчитывались для респондентов до 30 лет.

Шкала Социальной желательности Марлоу—Крауна в адаптации Ю.Л. Ханнина (Ханин, 1976), включающая 20 пунктов с вариантами ответов Да — Нет, в дальнейшем — СЖ, рассматривалась как показатель значимости социального одобрения для личности.

Для измерения близости взглядов респондентов со взглядами родителей использовался уровень согласия с утверждением «Мои родители разделяют мои взгляды на религию», в дальнейшем — СР, по 7-балльной шкале Лайкерта.

Для измерения религиозности 1) использовался уровень согласия с утверждением «Религия занимает важнейшее место в моей жизни/определяет мою жизнь», в дальнейшем — религиозность, по 7-балльной шкале Лайкерта и 2) участники должны были выбрать один из вариантов, описывающих их отношение к религии — атеист, агностик, верующий, но не принадлежу ни к какой конфессии, православный, католик, протестант, мусульманин, иудей, буддист, другое. В данной работе рассматривались ответы только православных, атеистов и агностиков.

Для контроля уровня образования участники выбирали один из вариантов ответа: среднее, незаконченное высшее, высшее, научная степень.

В качестве зависимой переменной выступал ответ на вопрос об изменении отношения к религии после 16 лет. В комментариях по поводу изменения отношения к религии респонденты отмечали и возраст 5 лет, и 15, и 35 лет и пр. Возраст 16 лет был взят как условная граница взрослости (получение паспорта), предполагающая, что человек уже способен к определенной самостоятельности суждений.

Выборка и процедура

Сбор данных проходил с февраля по апрель 2016 г., испытуемые заполняли онлайн-формы, размещенные на специализированном православном форуме в сети Вконтакте, на страницах в Фейсбуке. В исследовании учитывались

ответы только тех респондентов, которые отнесли себя к православным (205 человек, 117 женщин, средний возраст — 33.15, и 88 мужчин, средний возраст — 34.56), атеистам или агностикам (128, из них 75 женщин, средний возраст — 33.8 года и 53 мужчины, средний возраст — 37.6).

Результаты

В таблице 1 представлено распределение мужчин и женщин в зависимости от изменения отношения к религии.

Мужчины и женщины имеют значимые различия только по уровню СЖ ($df = 331; t = 2.994, p < 0.01$). У людей, изменивших отношение к религии, уровень СЖ значимо ниже, чем у не изменивших ($df = 165; t = 3.052, p < 0.01$), а СР значимо выше ($t = 2.977, p < 0.01$).

В таблице 2 приведены средние значения по показателям у верующих и неверующих. Религиозность не имеет значимых связей с возрастом, но прямо коррелирует с ИТН ($r = 0.357, p < 0.001$), с СР ($r = 0.322, p < 0.001$), с СЖ ($r = 0.139, p < 0.05$) и обратно — с ТН ($r = -0.220, p < 0.001$). Связь СР, ИТН, ТН, СЖ с возрастом не значима. СЖ прямо связана с СР ($r = 0.182, p < 0.01$), связь с ИТН и ТН не значима. Дисперсионный анализ показал отсутствие значимых различий в уровне религиозности у людей с разным уровнем образования.

Результаты регрессионного анализа показали, что в уровень религиозности вносят вклад уровень ИТН ($\beta = 0.299, p < 0.001$), СР ($\beta = 0.244, p < 0.001$), ТН ($\beta = -0.164, p < 0.001$) и СЖ ($\beta = 0.142, p < 0.001$), $R^2 = 0.261$.

Таблица 1

Описательная статистика распределения мужчин и женщин в зависимости от изменения отношения к религии

Испытуемые	Средний возраст	Количество участников	Стандартное отклонение
Женщины всего	34.00	192	11.55
Женщины, которые изменили отношение к религии	34.90	93	11.44
Женщины, которые не изменили отношения к религии	33.15	99	11.66
Всего	35.61	141	10.81
Мужчины, которые изменили отношение к религии	36.95	74	9.81
Мужчины, которые не изменили отношение к религии	34.13	67	11.72
Всего	34.68	333	11.26

Таблица 2

Результаты сравнения неверующих и верующих

	Неверующие		Верующие		t-критерий Стьюдента
	М	SD	М	SD	
Возраст	36.023	10.737	33.761	11.315	1.810
СР	3.523	1.972	4.820	1.785	-6.188***
ИТН	24.117	7.203	29.834	7.361	-6.951***
ТН	30.367	5.700	27.976	4.827	4.099***
СЖ	5.750	3.155	6.780	3.815	-2.558*

* $p < 0.05$, *** $p < 0.001$.

Таблица 3

Результаты сравнения постоянно верующих и бывших верующих

	Постоянно верующие		Бывшие верующие		t-критерий Стьюдента
	М	SD	М	SD	
Возраст	30.955	11.032	34.233	10.041	-1.840
СР	5.136	1.620	2.950	1.682	7.937***
ИТН	30.080	7.728	22.283	6.070	6.554***
ТН	28.205	4.885	30.067	6.370	-2.010*
СЖ	7.455	4.017	5.217	2.817	3.733***

* $p < 0.05$, *** $p < 0.001$.

В целом по выборке то, будет ли человек верующим или неверующим, бинарная логистическая регрессия с последовательным включением (далее в тексте — бинарная логистическая регрессия), в которую в качестве предикторов вошли: возраст, пол, образование, СР, СЖ, ИТН и ТН, позволяет дать предсказание на уровне 74.8%. На первом шаге в нее включается уровень ИТН ($\beta = 0.104$, $p < 0.001$), на втором — уровень СР ($\beta = 0.337$, $p < 0.001$), далее — уровень ТН ($\beta = -0.101$, $p < 0.001$).

Для анализа относительной роли факторов, вносящих вклад в отказ от веры и отказ от неверия, выборка была разбита на две части: постоянно верующих и бывших верующих (таблица 3) и постоянно неверующих и бывших неверующих (таблица 4).

Бинарная логистическая регрессия в первом случае дает 79.7% верных прогнозов. На первом шаге в нее был включен уровень СР ($\beta = 0.632$, $p < 0.001$), на втором — ИТН ($\beta = 0.143$, $p < 0.001$), на третьем — СЖ ($\beta = 0.138$, $p < 0.05$).

Во втором случае в бинарную логистическую регрессию на первом шаге был включен уровень ТН ($\beta = 0.123$, $p < 0.001$), на втором — ИТН ($\beta = -0.077$, $p < 0.001$). Процентный показатель верных прогнозов равен 67.6.

Таблица 4

Результаты сравнения бывших неверующих и постоянно неверующих

	Бывшие неверующие		Постоянно неверующие		t-критерий Стьюдента
	М	SD	М	SD	
Возраст	35.872	11.110	37.868	11.686	-1.156
СР	4.581	1.872	4.029	2.080	1.855
ИТН	29.650	7.099	25.735	7.761	3.493**
ТН	27.803	4.796	30.632	5.069	-3.788***
СЖ	6.274	3.590	6.221	3.376	0.099

** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Обсуждение результатов

Большой вклад в вероятность того, будет ли взрослый человек верующим, вносит ИТН, что подтверждает общую гипотезу в целом. Вместе с тем показатель СР значимо связан с уровнем религиозности и вошел в число предикторов на втором шаге, что позволяет говорить о значимости влияния семьи на отношение к религии детей. Отсутствие возраста в числе значимых предикторов приводит к выводу о том, что различия в опыте людей старшего и младшего поколения, выросших в разных условиях, не оказывают заметного влияния на отношение к религии. При изменении культурной ситуации те, кто имел к этому предрасположенность, стали верующими, а остальные остаются неверующими и сегодня.

Переход от неверия к вере обусловлен индивидуальными особенностями отношения к неопределенности, уровнем ТН, а сохранение веры — в большей степени уровнем СР, что подтверждает и частную гипотезу. В целом по выборке уровень СЖ и СР у верующих выше, чем у неверующих, вера оценивается как социально желательная позиция, а родители и верующих, и неверующих респондентов в большинстве случаев верят в Бога. Это создает асимметричную ситуацию, при которой переход от веры к неверию происходит скорее вопреки мировоззрению родителей, а переход от неверия к вере — в согласии с мировоззрением родителей.

В результате неверующие, изменяющие мировоззрение, действуют в согласии со средой, а для людей с низкой ТН вера предлагает более комфортную модель мира и определяющим показателем становится отношение к неопределенности. Это показывает, что переход к вере происходит не под давлением среды, а на основе личной предрасположенности, которой среда может благоприятствовать.

Выбор неверия для верующих требует больших усилий, включающих в себя преодоление интуитивных предрасположенностей и возможного влияния родителей, так как у тех, кто стал неверующим после 16 лет, можно предположить

религиозное воспитание в детстве и наличие верующих родителей. Верующими остаются люди, чьи взгляды находятся в согласии со взглядами родителей, избегающие неопределенности и ориентированные на социальную желательность.

Верующие люди с высокой ТН и низким уровнем ИТН при прочих равных имеют меньше стимулов менять мировоззрение, находя возможности избежать однозначности внутри веры, тогда как низкая ТН и высокая ИТН у неверующих стимулируют обращение к религии, функционирующей, по словам М. Хогга с соавт. (Hogg et al., 2010), как мощная, всеобъемлющая идеологическая система, дающая смысл и цель существованию, определяющая нормативные практики поведения в повседневной жизни и ориентиры морального выбора.

Полученные результаты носят предварительный характер и нуждаются в проверке на большей выборке.

Литература

- Корнилова, Т. В., Чумакова, М. А. (2014). Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера. *Экспериментальная психология*, 7(1), 92–110.
- Ханин, Ю. Л. (1976). *Шкала Марлоу–Кроуна для исследования мотивации одобрения*. Л.: НИИ ФК.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Улыбина Елена Викторовна — профессор, кафедра общей психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор. Сфера научных интересов: психология религии, толерантность к неопределенности, психология идентичности, гендерная психология, психология личности, общая психология. Контакты: evulbn@gmail.com

Бакланова Надежда Вячеславовна — выпускница, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет. Сфера научных интересов: психология религии, феномен религиозности, феномен толерантности к неопределенности. Контакты: nadezhdanezabludka@gmail.com

Attitude to Ambiguity and Agreement with Parents' Beliefs as Predictors of Attitude Shift to Religion

E.V. Ulybina^a, N.V. Baklanova^b

^a *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEP), 82-84, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

^b *L.S.Vygotsky Institute for Psychology of the Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract

The subject of this research is the correlation of personality traits of people who have changed their attitude to religion after the age of 16: the level of intolerance/tolerance for ambiguity, the level of orientation to social desirability and the level of agreement with parents' beliefs depending on course of changes. The research sample consisted of 492 people from 16 to 69, 102 of which answered questions in person, whereas others – via Internet forms. The results showed that religious people have significantly higher level of intolerance for ambiguity, orientation to social desirability and agreement with parents' beliefs on religion and significantly lower level of tolerance for ambiguity. Stepwise binary logistic regression showed the following results in the sample on the whole: whether a person will become religious or not as an adult can be predicted in the first step by agreement with parents' beliefs on religion, in the second step – by the level of intolerance for ambiguity and in the third step – by the level of orientation to social desirability. However, the record of course of attitude changes to religion showed that when switching from disbelief to belief, more contribution is made by attitude to ambiguity: by the level of intolerance for ambiguity for men, the level of tolerance for ambiguity for women, and in terms of faith preservation – by agreement with parents' beliefs on religion. People become religious rather attempting to avoid ambiguity of situation, and remain religious mostly in agreement with parent' position.

Keywords: intolerance for ambiguity, tolerance for ambiguity, psychology of religion, a change of attitude towards religion.

References

- Atran, S., & Norenzayan, A. (2004). Religion's evolutionary landscape: Counterintuition, commitment, compassion, communion. *Behavioral and Brain Sciences*, 27(6), 713–730. doi:10.1017/S0140525X04000172
- Barrett, J. L. (2007). Cognitive science of religion: What is it and why is it? *Religion Compass*, 1(6), 768–786. doi:10.1111/j.1749-8171.2007.00042.x
- Budner, S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30(1), 29–50. doi:10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x
- D'Onofrio, B. M., Eaves, L. J., Murrelle, L., Maes, H. H., & Spilka, B. (1999). Understanding biological and social influences on religious affiliation, attitudes, and behaviors: A behavior genetic perspective. *Journal of Personality*, 67(6), 953–984. doi:10.1111/1467-6494.00079

- Gervais, W. M., & Henrich, J. (2010). The Zeus problem: Why representational content biases cannot explain faith in gods. *Journal of Cognition and Culture*, *10*(3), 383–389. doi:10.1163/156853710X531249
- Gervais, W. M., & Norenzayan, A. (2012). Analytic thinking promotes religious disbelief. *Science*, *336*(6080), 493–496. doi:10.1126/science.1215647
- Hogg, M. A., Adelman, J. R., & Blagg, R. D. (2010). Religion in the face of uncertainty: An uncertainty-identity theory account of religiousness. *Personality and Social Psychology Review*, *14*(1), 72–83. doi:10.1177/1088868309349692
- Inzlicht, M., McGregor, I., Hirsh, J. B., & Nash, K. (2009). Neural markers of religious conviction. *Psychological Science*, *20*(3), 385–392.
- Khanin, Yu. L. (1976). *Shkala Marlou–Krouna dlya issledovaniya motivatsii odobreniya* [Marlowe-Crowne scale to study motivation of approval]. Leningrad: NII FK. (in Russian)
- Kornilova, T. V., & Chumakova, M. A. (2014). Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Eksperimental'naya Psihologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, *7*(1), 92–110. (in Russian)
- Laurin, K., Kay, A. C., & Moscovitch, D. A. (2008). On the belief in God: Towards an understanding of the emotional substrates of compensatory control. *Journal of Experimental Social Psychology*, *44*(6), 1559–1562. doi:10.1016/j.jesp.2008.07.007
- McGregor, I., Haji, R., Nash, K. A., & Teper, R. (2008). Religious zeal and the uncertain self. *Basic and Applied Social Psychology*, *30*(2), 183–188. doi:10.1080/01973530802209251
- Pennycook, G., Cheyne, J. A., Seli, P., Koehler, D. J., & Fugelsang, J. A. (2012). Analytic cognitive style predicts religious and paranormal belief. *Cognition*, *123*(3), 335–346.
- Preston, J., & Epley, N. (2005). Explanations versus applications: The explanatory power of valuable beliefs. *Psychological Science*, *16*(10), 826–832. doi:10.1111/j.1467-9280.2005.01621.x
- Purzycki, B. G., Finkel, D. N., Shaver, J., Wales, N., Cohen, A. B., & Sosis, R. (2012). What does God know? Supernatural agents' access to socially strategic and non strategic information. *Cognitive Science*, *36*(5), 846–869. doi:10.1111/j.1551-6709.2012.01242.x
- Shenhav, A., Rand, D. G., & Greene, J. D. (2012). Divine intuition: cognitive style influences belief in God. *Journal of Experimental Psychology: General*, *141*(3), 423–428. doi:10.1037/a0025391
- Wichman, A. L. (2010). Uncertainty and religious reactivity: Uncertainty compensation, repair, and inoculation. *European Journal of Social Psychology*, *40*(1), 35–42. doi:10.1002/ejsp.712

Elena V. Ulybina – professor, Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration, D.Sc.
Research area: psychology of religion, tolerance to uncertainty, identity psychology, gender psychology, personality psychology, general psychology.
E-mail: evulbn@gmail.com

Nadezhda V. Baklanova – graduate student, L.S. Vygotsky Institute for Psychology, Russian State University for the Humanities.
Research area: psychology of religion, phenomenon of religiosity, phenomenon of tolerance to uncertainty.
E-mail: nadezhdanezabludka@gmail.com

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, 33, к. 4,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 12